

Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Южному федеральному округу. Свидетельство о регистрации ПИ №ТУ23-01556.

Журнал включён в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК Министерства образования и науки РФ (01.12.2015 г.) по группе научных специальностей 08.00.00 – экономические науки.

Зарегистрирован в системе Российского Индекса Научного Цитирования (РИНЦ). Подписной индекс в каталоге «Почта России» – П2920.

Статьи рецензируются.

Учредитель и издатель:

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Редакционный совет:

Н.Г. Кузнецов, д-р экон. наук, профессор, проректор по учебной работе, зав. кафедрой экономической теории ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет» (г. Ростов-на-Дону, Россия);

Е.Л. Логинов, д-р экон. наук, зам. директора по науке ФГБУН «Институт проблем рынка РАН» (г. Москва, Россия);

И.А. Перонко, д-р экон. наук, профессор, заслуженный экономист Кубани; заслуженный экономист РФ; советник губернатора Краснодарского края (г. Краснодар, Россия);

Л.С. Шаховская, д-р экон. наук, профессор, зав. кафедрой мировой экономики и экономической теории ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университет» (г. Волгоград, Россия); Э. Бояр, д-р экон. наук, профессор Люблинского технологического университета (г. Люблин, Польша);

Хартмут Задек, д-р техн. наук, профессор, директор института логистики Университета «Отто фон Гиреке» (г. Магдебург, Германия);

А.А. Задоя, д-р экон. наук, профессор, проректор Университета им. А. Нобеля (г. Днепропетровск, Украина);

Александр Фигус, д-р полит. наук, профессор университета Link Campus (г. Рим, Италия);

Ракель Перейра, д-р экон. наук, профессор, директор программы бакалавриата по международной торговле факультета бухгалтерского учёта и администрирования Политехнического университета (г. Порто, Португалия)

Главный редактор:

И.В. Шевченко, д-р экон. наук, профессор

Зам. главного редактора:

Ю.Н. Александрин, канд. экон. наук, доцент

М.В. Плещакова, канд. экон. наук, доцент

Е.М. Егорова, канд. экон. наук, доцент

А.К. Кошиева, канд. экон. наук, доцент

Редакционная коллегия:

Е.Н. Александрова, канд. экон. наук, доцент

Д.Г. Бондарев, канд. экон. наук

А.А. Воронов, д-р экон. наук

Л.А. Воронина, д-р экон. наук, профессор

Г.Г. Вукович, д-р экон. наук, профессор

Ж.Д. Дармилова, д-р экон. наук, профессор

Л.Н. Дробышевская, д-р экон. наук, профессор

Л.И. Егорова, д-р экон. наук, профессор

А.А. Кизим, д-р экон. наук, профессор

М.Е. Листопад, д-р экон. наук, доцент

К.О. Литвинский, канд. экон. наук, доцент

В.И. Милета, канд. экон. наук, доцент

О.В. Никулина, д-р экон. наук, доцент

Корректируя: И.А. Зиновская

Верстка: А.М. Иваненко

Адрес редакции и издателя журнала:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, ауд. 236

тел. (861) 219-95-53; e-mail: econ_tp@mail.ru

<http://econ.kubsu.ru/econtp.html>

Подписано в печать 04.06.2021. Дата выхода в свет 15.06.2021.

Печать цифровая. Формат 60x84¹/₈. Уч.-изд. л. 13,6.

Тираж 500. Свободная цена. Заказ № 4518.

Отпечатано в издательско-полиграфическом центре

Кубанского государственного университета

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149,

тел. (861)219-95-51

© Кубанский государственный университет, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Нифаева О.В.

Некоторые направления развития методологии и онтологии современной экономической теории 3

ИНВЕСТИЦИИ

Шевченко И.В., Хубутия Н.В.

Первичное публичное предложение судоходных компаний как метод финансирования и приватизации 8

Александрин Ю.Н., Вернер А.А.

Совершенствование финансовых инструментов повышения инвестиционной активности предприятий обрабатывающей промышленности Российской Федерации 15

РЫНОК ТРУДА

Цыганкова И.В., Резникова О.С., Хуан Инь

Качество трудовой жизни как социально-экономическая категория: различия подходов в России и Китае 21

Кочиева А.К.

Влияние цифровизации на рынок труда и занятость 27

Павленко И.А., Деркачева Е.А., Павленко П.С.

Эволюция теоретических представлений о трудовой мотивации персонала 33

КОРПОРАТИВНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ

Молочников Н.Р., Рововая Т.А., Литвинский К.О.

Иновационный контент когнитивного менеджмента 41

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

Заболоцкая В.В., Фощан Г.И., Шакирова Т.С.

Оценка эффективности региональной финансовой поддержки и прогнозирование занятости в секторе малого и среднего бизнеса Краснодарского края 48

Плещакова М.В., Кудряшова И.В.

Эволюция взглядов на роль и содержание предпринимательства и предпринимательской среды в социально-экономических системах 61

МАРКЕТИНГ

Сафави Ф.

Маркетинговый анализ потребительского спроса на товары личной гигиены (на примере Ирана) 69

СЛОВО МОЛОДЫМ УЧЕНИМ

Баланова М.М.

Влияние цифровизации на экономический рост стран на примере России и Китая 83

Магомедова Р.Н.

Особенности современной технологии формирования бюджетно-отчетных показателей в предпринимательской деятельности 92

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Сидоров В.А., Ядгаров Я.С.

Феномен рыночного хозяйства: инновации, информационные технологии, отраслевая деформация 97

ABSTRACT

101

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ

111

КОНОМИКА:

теория и практика

SCIENTIFIC- PRACTICAL JOURNAL

The journal is published
4 times a year

Nº 2 (62) 2021

ISSN 2224-042X

The Journal is registered by the Federal service for supervision in the sphere of communications, information technology and mass communications of the Southern federal district. Registration certificate PI №TU23-01556. The scientific and practical journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (01.12.2015) on the group of scientific specialties 08.00.00 — economics. Subscription Index — П2920.

The articles are reviewed

Founder and Publisher:

The state institution of higher education «Kuban State University»

Editorial Board:

E.L. Loginov, Doctor of Economic Sciences, deputy, Director of Science FGBUN «Institute of Market Problems, RAS» (Moscow, Russia); I.A. Peronko, Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored Economist of the Kuban, Honored Economist of the Russian Federation, Adviser of Governor of Krasnodar Region (Krasnodar, Russia); L.S. Shakhevskaya, Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of World Economy and Economic Theory Department of Volgograd State Technical University (Volgograd, Russia); E. Bojar, Doctor of Economic Sciences, Professor Lublin University of Technology (Lublin, Poland); Alessandro Figus, PhD of Political Sciences, Professor, Link Campus University of Roma (Italy); Hartmut Zadek, Doctor of Technical Sciences, Professor, Director of Institute Logistics, University «Otto von Guericke» (Magdeburg, Germany); Zadoya Anatolii, Doctor of Economics, Professor, First Vice-Rector of Alfred Nobel University (Dnepropetrovsk, Ukraine); Raquel Pereira, PhD in Economics, Professor, Program Director of International Trade Bachelor Degree Program, School of Accounting and Administration in the Polytechnic Institute (Porto, Portugal)

Editor:

I.V. Shevchenko, Doctor of Economic Sciences, Professor

Deputy Editor in Chief:

Yu.N. Aleksandrin, Ph. D. in Economics, Associate Professor M.V. Pleshakova, Ph. D. in Economics, Associate Professor E.M. Egorova, Ph.D. in Economics, Associate Professor A.K. Kochieva, Ph. D. in Economics, Associate Professor

Editorial Board:

E.N. Alekandrova, Ph. D. in Economics, Associate Professor D.G. Bondarev, Ph. D. in Economics J.D. Darmilova, Doctor of Economic Sciences, Professor L.N. Drobyshevskaya, Doctor of Economic Sciences, Professor L.I. Egorova, Doctor of Economic Sciences, Professor A.A. Kizim, Doctor of Economic Sciences, Professor M.E. Listopad, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor K.O. Litvinovsky, Ph. D. in Economics, Associate Professor V.I. Miletta, Ph. D. in Economics, Associate Professor O.V. Nikulina, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor L.A. Voronina, Doctor of Economic Sciences, Professor A.A. Voronov, Doctor of Economic Sciences G.G. Vukovich, Doctor of Economic Sciences, Professor

Corrector: I.A. Zinovskaya

Print layout: A.M. Ivanenko

Address editorial and magazine publisher:

350040, Stavropol'skaya Str., 149, Krasnodar, r. 236.

tel. (861) 219-95-53; e-mail: econ_tp@mail.ru

<http://econ.kubsu.ru/econtp.html>

Copy deadline 15.06.2021. Digital printing.

Format 60 x 84 1/8. A.p.l. 13.6. Run of 500. Free price.

Publishing and printing center Kuban State University

350040, Stavropol'skaya Str., 149, Krasnodar.

tel. (861) 219-95-51.

© Kuban State University, 2021.

CONTENT

ECONOMIC THEORY

Nifaeva O.V.

Some development trends of modern economic science methodology and ontology 3

INVESTMENTS

Shevchenko I.V., Khubutia N.V.

Initial public offering of shipping companies as a method of financing and privatization 8

Aleksandrin Yu. N., Verner A.A.

Improvement of financial instruments for increasing the investment activity of enterprises of the processing industry of the Russian Federation 15

LABOR MARKET

Tsygankova I.V., Reznikova O.S., Huang Yin

Quality of work life as a socio-economic category: differences in approaches in Russia and China 21

Kochieva A.K.

The impact of digitalization on the labor market and employment 27

Pavlenko I.A., Derkacheva E. A., Pavlenko P.S.

Evolution of the theoretical concepts on labor motivation of workers 33

CORPORATE MANAGEMENT

Molochnikov N.R., Rovovaya T.A., Litvinsky K.O.

Innovative cognitive content management 41

ENTREPRENEURSHIP

Zabolotskaya V.V., Foschan G.I., Shakirova T.S.

The efficiency of regional financial support estimation and the employment forecasting in the sector of small and medium-sized businesses of the Krasnodar krai 48

Pleshakova M.V., Kudryashova I.V.

Evolution of views on the role and content of entrepreneurship and the environment in socio-economic systems 61

MARKETING

Safavi F.

Marketing analysis of demand for personal care products (by the case of Iran) 69

WORD TO YOUNG SCIENTISTS

Balanova M.M.

Impact of digitalization on countries' economic growth by example of Russia and China 83

Magomedova R.N.

Features of modern technology of budget and reporting indicators formation in business activity 92

SCIENTIFIC LIFE

Sidorov V.A., Yadgarov Y.S.

The phenomenon of market economy: innovation, information technology, industry deformation 97

ABSTRACT

101

CONDITIONS OF PUBLICATIONS

111

НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ МЕТОДОЛОГИИ И ОНТОЛОГИИ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

*О.В. НИФАЕВА, кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры производственного менеджмента,
Брянский государственный технический университет
e-mail: olganifaeva@yandex.ru*

Аннотация

В статье выделены ключевые направления трансформации методологии и онтологии современной экономической теории. Рассматриваются факторы, обусловившие необходимость пересмотра общепринятой модели человека экономического. Показано, каким образом происходит расширение модели человека, что является важным фактором эволюции дисциплинарной онтологии экономической теории. Описанные в статье изменения могут в будущем стать методологической основой научной революции в экономической науке.

Ключевые слова: модель человека, методология, онтология, этика, экономическая рациональность.

DOI: 10.31429/2224042X_2021_62_3

Рассматривая историю развития экономической теории, российские ученые иногда используют терминологию и подходы, взятые из философии науки. Так, в соответствии с одной из концепций развития научного знания, существующей (хотя и не общепризнанной) в российской философии науки, современный этап развития теоретического знания можно охарактеризовать как во многом междисциплинарный, связанный с активным взаимодействием и взаимообогащением общественных, гуманитарных и естественных наук [10]. В социально-гуманитарных науках ученый все чаще считается активным субъектом познания, привносящим в процесс получения знания свои ценности и стереотипы мышления. Современная теоретическая экономическая наука (конца XX — начала XXI в.) стала своего рода реакцией на критическое отношение к ее методологии и онтологии, оформленное еще в последней трети XX в., означенное

так называемым «методологическим бумом» и особенно остро проявляющееся в период экономических кризисов.

Напомним, что теоретическая экономическая наука критиковалась за неспособность исследовать динамические процессы (а также предсказывать и предотвращать следовавшие один за другим экономические кризисы), оторванность от реальности, устаревшие методологические предпосылки. Критика также раздавалась в отношении чрезмерной формализации экономической науки, ее математизированности, вследствие чего, по сути, речь шла о нарушении фундаментального принципа приоритета экономического содержания перед математической формой. «Формалистская революция», по выражению М. Блауга, сопровождалась превращением экономической науки в «социальную математику», фрагментацией экономического знания, отрывом от хозяйственной практики [2—4; 12]. Однако даже в период так называемого кризиса экономическое знание не было столь однородным, каким оно кажется, если судить о нем по учебникам экономикс базового уровня. В нем всегда существуют различные теоретические школы и направления, и именно это разнообразие идей и подходов движет любую науку вперед.

Сегодня в экономической науке также происходят значительные изменения, которые, вероятно, когда-либо будут рассматриваться как революционные. Хотя следует отметить, что научные революции (авторство термина принадлежит К.А. Сен-Симону [9]), особенно в социально-гуманитарных науках, не происходят в один миг, только спустя долгое время (по сравнению с естествознанием) те или

иные новшества начинают оцениваться как революционные. Иногда носителям новых идей требуется немало мужества и времени, чтобы пробиться сквозь толщу превалирующего в тот или иной момент научного знания. Собственно говоря, сам переход к новому этапу развития науки, если следовать взглядам некоторых философов науки, и должен сопровождаться некими коренными изменениями методологического и онтологического характера [5; 10]. Следуя концепциям философии науки В.С. Степина и Т. Куна, эти изменения должны сопровождаться пересмотром философско-методологических оснований науки, а также предмета (области) исследования науки и лежащих в ее основе представлений о природе человека, если речь идет о социально-гуманитарной науке, науке о человеке и обществе.

Любая социально-гуманитарная наука, в том числе экономическая теория, опирается на некие представления о человеке, о том, как он ведет себя в хозяйственной деятельности. Зародившись в недрах этики и философии Древнего мира и постепенно отделяясь от них в Средние века, в эпоху меркантилизма, экономическая наука постепенно сконцентрировалась на изучении факторов обеспечения материального благосостояния нации, общества, состоящего из индивидов, которые, как отчасти можно видеть в трудах Т. Гоббса и А. Смита, преследуют лишь собственные выгоды, не-преднамеренно способствуя всеобщему благу. Способность человека соизмерять выгоды и затраты, удовольствия и страдания, стремиться к первым и избегать вторых стала основой утилитаризма (И. Бентам, Дж. Милль). Идея об арифметике наслаждений и страданий, предложенная И. Бентамом, была, по мнению некоторых историков экономической мысли, воспринята маржиналистами, в частности У.С. Джевонсом, что еще больше закрепило (в том числе благодаря применению математических методов) представление о человеке как об эгоистичном, всезнающем, гедонистически настроенном индивиде, нацеленном на повышение собственного материального благосостояния. Маржинализм вывел использование математических методов в экономи-

ческой науке на качественно новый уровень, но в то же время требовал более конкретных (строгих) представлений о поведении человека без учета всего многообразия его социальной и этической природы, которую по определению нельзя уместить в математические рамки. Ведь в трудах классиков политической экономии, включая Дж.С. Милля, вплоть до конца XIX в. и даже некоторое время после маржиналистской революции, природа человека представлялась менее ограниченной и упрощенной. В то время как для применения математических (количественных) методов исследования природу человека приходится очищать от всевозможных психологических и этических наслоений, делать ее более простой, операциональной с точки зрения математического инструментария. При вербальном (словесном) описании поведения человека ученого остается гораздо больше простора для размышлений, хотя при этом появляются и существенные недостатки: нечеткость, размытость и субъективность аргументации, вызванные интроспективным взглядом отдельного ученого. Здесь исследователю приходится решать знаменитую дилемму строгости и реалистичности.

Преимущества и недостатки есть и у качественных, и у количественных методов, поэтому возможность и эффективность их применения зависят от целей исследования, вероятных направлений применения их результатов и даже личных симпатий ученого. С одной стороны, используя качественные методы исследования, основанные на интуиции и опыте ученого, мы, как в свое время писал Дж. М. Кейнс, имеем возможность держать в голове массу факторов и учитывать их в научной работе [13], не поддаваясь искушению упростить экономическую реальность до удобных математических конструкций. С другой стороны, в случае применения формализованных методов наши рассуждения приобретают четкость, однозначность, понятность для людей, владеющих математическим языком, что, собственно, и должно отличать язык науки, теории от обыденного языка с его многозначностью, характерной для словесных рассуждений.

Учитывая сказанное, нельзя не отметить, что формализация модели экономического поведения, произошедшая благодаря маржиналистской революции, стала важной вехой в развитии методологии экономического знания и методики экономического образования. В то же время многим ученым-экономистам представления о человеке как об эгоистичном индивидуалисте, соизмеряющем издержки и выгоды каждого своего действия, считались явно противоречащими наблюдениям за поведением реального человека с его привычками, принадлежностью к тому или иному сообществу, разными социальными ролями. Ставились под сомнение уникальные счетные способности, полная осведомленность, абсолютная рациональность, устойчивость предпочтений экономических субъектов [1] и тем самым возможность уподобления человека механическому устройству, однозначно реагирующему на те или иные стимулы.

Перечисленные характеристики человека экономического, как правило, объединяются в предпосылку абсолютной экономической рациональности. По Л. Роббинсу, классическая рациональность предполагает выбор наилучшей альтернативы применения ограниченных ресурсов [15]. И если Л. Роббинг писал об альтернативности (множественности) целей, то на деле цели *Homo oeconomicus* сводятся к единственной цели максимально возможного удовлетворения его нужд. Однако раз целей у человека несколько, а его ресурсы ограничены, то выбирает он как раз между целями. Делая выбор, он осуществляет расстановку приоритетов, тем самым в процессе экономического выбора включается все многообразие социальных институтов и референтных групп: семья, система образования, трудовой коллектив, а также личные пристрастия и стереотипы поведения человека. Но магистральная экономическая теория долгое время (а в учебных целях до сих пор) интересовалась только конечным результатом выбора, а не процессом выбора, поэтому обстоятельства и факторы этого процесса оставались для нее за кадром, и только в последнее время они стали все активнее включаться в модели экономического поведения (в рамках

поведенческой экономики, экспериментальной экономики и экономической психологии), хотя пока в виде всевозможных аномалий и отклонений от рационального поведения.

Среди факторов поведения человека в целом (т. е. не только в хозяйственной сфере) выделяют ценности, которых он придерживается, его этические свойства, такие как честность, альтруизм, справедливость, следование действующим нормам. Эти свойства человека в определенной степени соответствуют тому, что этимологически подразумевается под термином «рациональность» как разумность, умеренность, целесообразность действия с этической точки зрения [11]. Это сближает экономическую науку с другими социально-гуманитарными науками, вместе с которыми она формировалась в лоне нравственной философии. Хотя, с другой стороны, для экономической науки нежелательно состояние, характерное для некоторых других социально-гуманитарных наук (например, психологии), в которых на равных существует множество моделей поведения человека, ни одна из которых не может претендовать на превалирующее положение [1]. В экономической науке (как наиболее близкой к естественным наукам) всегда требовалось более строгое, однозначное представление о человеке. Ученые находили выход в том, чтобы моделировать поведение не только одного индивида или двух индивидов с противоположными интересами, но и взаимодействие различных типов экономических субъектов, тем самым в экономической науке возникло понятие гетерогенных экономических субъектов. Это произошло во многом благодаря теории игр и экспериментальной экономике.

Нельзя не заметить, что в настоящее время в различных попытках расширить модель человека экономического, дополнить ее новыми штрихами вырисовываются контуры новой экономической науки (а ведь базовые представления о человеке, модель его поведения — это методологическая основа любой социально-гуманитарной науки), в которой будут функционировать многомерные экономические субъекты, различающиеся по своим

характеристикам (интересам, привычкам, мотивам поведения, отношению к формальным и неформальным нормам). Экономическое поведение в теории, с одной стороны, становится более соответствующим реальности, хотя, с другой — оно перестает быть таким предсказуемым. Когнитивные способности, предпочтения и этические ориентации человека также перестают быть столь однозначными. Уже сегодня благодаря совместной работе экономистов и психологов, в том числе нобелевских лауреатов, доказано, что когнитивные способности развиты у разных людей в разной степени и даже профессиональный экономист может ошибаться, люди не всегда действуют по правилам или в угоду корыстным интересам. Таковы, на наш взгляд, ключевые направления трансформации представлений о человеке в современной экономической науке, а следовательно, преобразования и ее методологических установок.

Кроме того, представления о человеке лежат в основе научной картины мира в экономической науке, а значит, пересмотр модели человека экономического влечет за собой и переориентацию дисциплинарной онтологии экономической теории. В этом смысле мир экономики в теории приближается к тому, каким он является в реальности, он становится многомерным, нелинейным, менее определенным, населенным гетерогенными экономическими субъектами.

Говоря о научной картине мира, принятой в экономической науке в разное время, можно утверждать, что классическая (исходная) модель *Homo oeconomicus* соответствовала так называемой продуктовой онтологии экономической науки, когда основная цель экономики состояла в увеличении материального богатства, а ученые-экономисты вели поиск источников его роста и изучали направления его распределения. В русле продуктовой онтологии вели свои исследования представители классической политической экономии, марксизма, а позднее неоклассики. В XX в. сначала благодаря работе представителей оригинального институционализма и различных ветвей кейнсианства,

а затем в рамках поведенческой экономики и экономической психологии представления ученых о мире экономики и поведении экономических субъектов претерпели изменения, что соответствует институциональной и поведенческой онтологиям, описанным в работе О.И. Ананьина [2]. Экономическая наука начала изучать поведение людей в определенном институциональном контексте, а не исходить из ограниченного и не подлежащего изменению набора предпосылок о природе человека. Достаточно вспомнить о том, что ведущие представители оригинального американского институционализма (например, Т. Веблен, У.К. Митчелл) и Дж.М. Кейнс не только предлагали обратить внимание на достижения психологии и социологии, но и в своих работах исходили из более широкой, чем *Homo oeconomicus*, социально-психологической природы человека [13; 14; 16]. В XX в. модель человека также была расширена за счет представлений об ограниченных возможностях поиска оптимального решения, когда, как показал Г. Саймон, человек скорее выбирает не самый лучший (оптимальный), а первый удовлетворительный вариант [8]. Эти изменения во многом произошли благодаря сближению экономической науки с другими социально-гуманитарными науками.

В настоящее время расширение модели человека экономического также осуществляется за счет дополнения ее социально ориентированными характеристиками, связанными со взаимодействием с другими людьми. Это в свою очередь соответствует гуманистической онтологии и системно-синергетическим представлениям, предполагающим стремление к комплексному анализу поведения человека, учету как можно большего числа факторов его поведения, хотя это и крайне сложная задача.

Как можно заметить, пересмотр и расширение модели человека экономического в истории экономической мысли происходят путем возвышения по уровням (группам) потребностей (инстинктов, ценностей), свойств человека, которые выделяются в психологии, антропологии и прикладных экономических дисциплинах, хотя намного раньше эти уров-

ни (группы) были отмечены рядом выдающихся ученых-экономистов прошлого. Речь идет о витальных, когнитивных и социэтарных свойствах природы человека, рассмотренных в одной из статей автора [7].

К другим признакам формирования новой онтологии, парадигмальных сдвигов в экономической науке, по мнению автора, следует отнести переосмысление предмета экономической науки и категории экономической рациональности. Актуальность своеобразного возвращения к человеку в экономической науке также обусловлена рядом практических обстоятельств [6]. Дело в том, что цели экономического развития напрямую определяются конкретными людьми в конкретных обстоятельствах места и времени и во многом зависят не только от окружающего социально-исторического контекста, но и от личностных особенностей лиц, принимающих решения. Культурный код, заложенный в членах общества, на многие десятилетия вперед определяет вектор его развития, поэтому страны, близкие по уровню обеспеченности материальными, природными, трудовыми ресурсами, могут отличаться по уровню социально-экономического развития. В любом обществе существуют формальные и неформальные нормы, вырастающие из общепринятых этических норм, а значит, последние также оказываются вовлечеными в орбиту исследования экономической науки.

Описанные автором в данной статье направления развития методологии и онтологии современной экономической теории имеют большое значение для развития нашей науки. Безусловно, многомерный подход к рассмотрению поведения человека в русле гуманистической онтологии, исследования разнообразных мотивов, предпочтений, ценностей экономических субъектов ведут к значительному усложнению процесса экономического моделирования, делают экономическую теорию менее строгой, отдаляя ее от естественнонаучных идеалов точности и объективности знания, к которым она всегда стремилась. Однако в то же время многомерный гуманистический подход способствует

формированию новых научных идей (которые и рождаются в условиях разнообразия), развитию критического мышления будущих экономистов, теоретиков и практиков, плодотворному взаимодействию социально-гуманистических наук и соответственно повышению реалистичности и практической направленности теоретического экономического знания.

Библиографический список

1. Автономов В.С. Модель человека в экономической науке. СПб., 1998.
2. Ананьев О.И. Структура экономико-теоретического знания: методологический анализ. М., 2005.
3. Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. М., 2004.
4. Колпаков В.А. Кризис экономической науки как потеря ее жизненной значимости // Эпистемология и философия науки. 2007. Т. 12, № 2. С. 203—211.
5. Кун Т., Лакатош И., Поппер К. Структура научных революций. М., 2003.
6. Нифаева О.В. Экономика и этика: теория и методология взаимосвязи. Брянск, 2015.
7. Нифаева О.В. Этические и методологические основания экономической теории в модели человека // Экономика: теория и практика. 2018. № 3 (51). С. 27—31.
8. Саймон Г.А. Рациональность как процесс и продукт мышления // THESIS. 1993. Вып. 3. С. 16—39.
9. Сен-Симон К.А. Избранные сочинения: в 2 т. М.; Л., 1948.
10. Степин В.С. Теоретическое знание. М., 2000.
11. Философский энциклопедический словарь / редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичев [и др.]. 2-е изд. М., 1989.
12. Blaug M. Ugly currents in modern economics // Options Politiques. 1997. Vol. 18, № 17. P. 3—8.
13. Keynes J.M. The general theory of employment, interest and money. L., 1936.
14. Mitchell W.C. The rationality of economic activity // Journal of Political Economy. 1910. Vol. 18, № 2. P. 97—113.
15. Robbins L. An essay on the nature and significance of economic science. L., 1935.
16. Veblen T. The place of science in modern civilization and other essays. N.Y., 1919.

ПЕРВИЧНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ СУДОХОДНЫХ КОМПАНИЙ КАК МЕТОД ФИНАНСИРОВАНИЯ И ПРИВАТИЗАЦИИ

И.В. ШЕВЧЕНКО, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры мировой экономики и менеджмента, Кубанский государственный университет
e-mail: dean@econ.kubsu.ru

Н.В. ХУБУТИЯ, аспирант кафедры экономического анализа, статистики и финансов, Кубанский государственный университет
e-mail: exclusi@list.ru

Аннотация

В статье рассмотрены особенности первичных публичных предложений (IPO) в судоходной отрасли. Сектор судоходства — это рынок, вызывающий большой интерес, имеющий долгую историю в России, экономика многих стран основывается на судоходстве. Рассмотрение первичного размещений ценных бумаг включает теоретический обзор IPO с акцентом на судоходный сектор. Кроме того, включен обзор судоходной отрасли, описывается рынок судоходства, методов финансирования в судоходной отрасли, дается картина финансовых циклов судоходного бизнеса со ссылкой на финансовые показатели судоходных компаний. В статье отражен систематический анализ всех связанных сторон в процессе IPO и описаны роль и интересы компании, которая становится публичной, банка, ответственного за IPO (андеррайтер), и инвесторов.

Ключевые слова: первичное публичное размещение акций, судоходная отрасль, рынок судоходства, IPO, цикличность IPO, занижение цены, акции, фондовый рынок, фондовая биржа, приватизация, инвестиции.

DOI: 10.31429/2224042X_2021_62_9

Частные компании являются собственностью отдельного лица или группы лиц, которые обычно ведут бизнес и управляют им. Первичное публичное размещение акций (IPO) — это первое публичное предложение акций частной компании. Процесс IPO подразумевает первую попытку компании продать акции населению через фондовый рынок [3]. Судоходные компании обладают специфическими характеристиками, поскольку судоходство — довольно капиталоемкий рыночный сектор, как правило, это отрасль, где компа-

нии демонстрируют концентрированную государственную структуру собственности и сильно подвержены финансовым бизнес-циклам на разных уровнях.

Судоходные компании обязаны приспособливаться, чтобы соответствовать динамичному и быстро развивающемуся мировому рынку. Это служит драйвером изменения финансовых методов и инструментов, используемых для привлечения финансирования и материализации инвестиций. В последние дни наблюдается сдвиг в стратегических решениях и тактике основного бизнеса судоходных компаний от максимизации прибыли к повышению рыночной стоимости компании [3]. Чтобы реализовать свои планы по максимизации стоимости компании, судоходные компании должны уделять внимание продвижению инвестиционных планов, обещающих рост, а также добиваться положительной прибыли, которая работает лучше, чем сосредоточение внимания на методах сокращения затрат. Финансирование судоходных компаний осуществляется за счет банковских кредитов, но чаще всего за счет выпуска ценных бумаг. Этот выпуск, когда он происходит впервые, называется первичным публичным предложением (IPO).

Судоходная отрасль состоит из семи рынков, которые обслуживают разные потребности и торгуют разными товарами, но в то же время тесно связаны друг с другом.

Рынок фрахта: рынок морского транспорта, состоящий из следующих секторов: рынок морских перевозок, занимающийся одиночными рейсами, рынок тайм-чартера, где суда

арендуются на определенный срок. Рынок купли-продажи судов — это рынок, на котором торгуют подержанными судами, и рынок новостроек на котором торгуют новыми судами.

Рынок утилизации: рынок, на котором старые корабли продаются на слом судоразборным компаниям.

Рынок научных исследований и информации: специалистов технологии судостроения готовят морские технологические университеты, ЦНИИ, это позволило создать отечественную систему научных школ, занимающихся всеми вопросами совершенствования судоходства (ЦНИИМФ), а для освоения новейших разработок специалистами всей отрасли в стране был создан институт повышения квалификации (ИПК). С переходом в рыночную экономику у отечественных компаний исчезли проблемы с приобретением технологий, оборудования или программного обеспечения за границей и с обучением своих специалистов непосредственно на фирмах разработчиках.

Рынок судостроительный: рынок с высоким научным потенциалом, наличием собственной сырьевой базы, производственных мощностей и квалифицированных кадров.

Именно этот рынок образует судовой сектор.

Рынок кадров: рынок, представленный специалистами, обслуживающими перечисленные рынки, — высококвалифицированными научными кадрами, инженерами, офицерским составом, представительством фрахта и судовладельцев и пр. Рынок финансовых судоходной отрасли: включает рынки морского страхования, ценных бумаг, денежно-кредитный и валютный. Рынок можно представить как совокупность балансов всех компаний судостроительной отрасли.

Эти рынки работают в среде, где одни и те же компании торгуют на всех семи рынках. Временами колебания фрахтовых ставок оказывают влияние на рынок купли-продажи, а затем на рынке новостроек. Это обусловлено тем, что взаимосвязь между рынками — это экономическое положение судоходных компаний, отраженное в их балансах. Композиция семи рынков судоходного сектора, их функционирования и интеграции, представлена как свод балансов компаний в системе (рис. 1). В балансах судоходных компаний, работающих на семи рынках, есть входящие и исходящие денежные потоки. Первоначальная подпитка рынка происходит от рынка

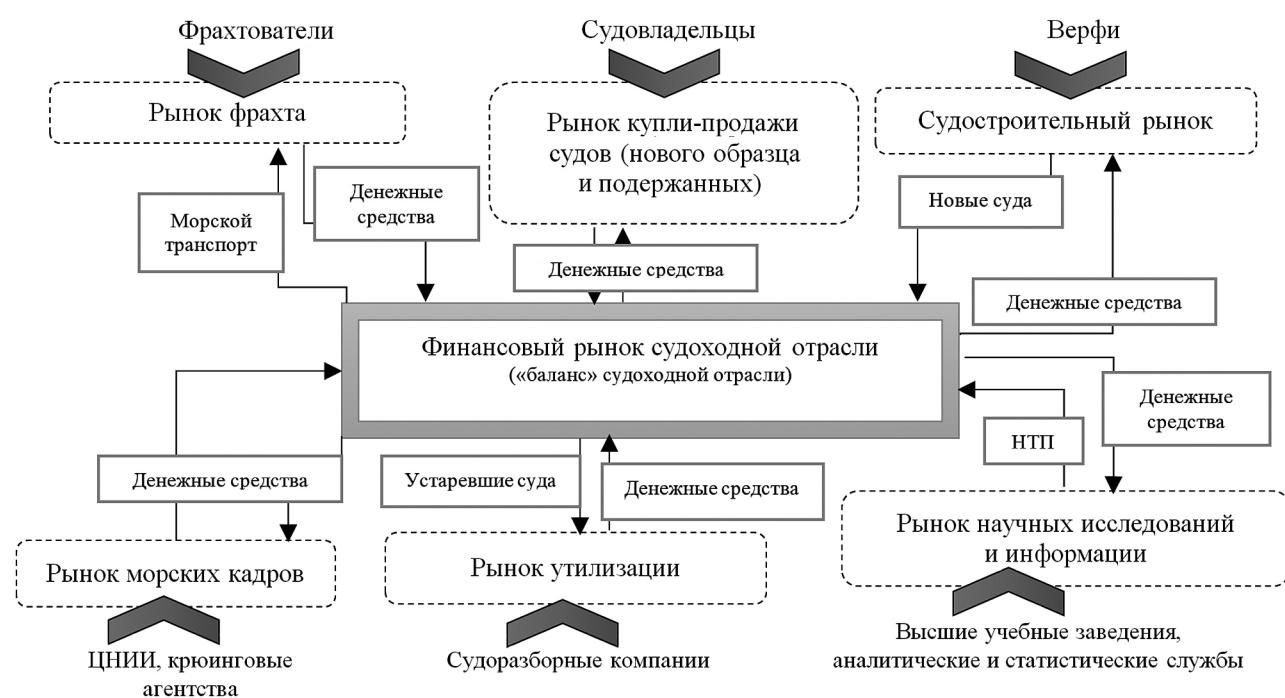

Рис. 1. Рыночная модель судоходной отрасли

грузовых перевозок, обеспечивающего цепочку денежными средствами от выручки за перевозки грузов, и это приток в систему. Функция рынка купли-продажи занижена, поскольку рынок подержанных судов включает в себя судовладельца, инвестора и транзакцию между ними таким образом, что доход для одного является расходом для другого, оставляя общий баланс рынка без изменений. Отток из системы происходит с рынка новостроек — это стоимость покупки новых судов. Следующая форма (см. рис. 1) показывает, как эти рынки соединяются между собой.

Одна из основных характеристик судоходства — рыночные циклы. В финансах эти циклы представляют собой непредсказуемые пики на рынке морских перевозок, как уже описано ранее, в основном на рынке грузовых перевозок, за которыми следует значительное снижение с рецессией в результате снижения ставок. Возникновение финансовых циклов связано с фрахтовыми ставками, которые повышаются в результате увеличения спроса на морской транспорт в сочетании с депрессивными условиями судоходства в условиях растущей экономики [4]. Рост фрахтовых ставок вызывает ряд последствий, поскольку судоходные компании видят, что их доходы увеличиваются, и переходят к новым инвестициям в новые и подержанные суда. Этот процесс продолжается до тех пор, пока ставки не достигнут пика. С этого момента фрахтовые ставки начинают падать, а рост экономики замедляется. Увеличение флота еще больше снижает ставки. Этот процесс создает негативную среду для инвестиций в судовую отрасль и препятствует покупке новых судов, в то же время вынуждая их простоять и утилизировать, сокращая предложение, достигая равновесия со спросом.

Рынок судоходства и все его составляющие рынки существуют в условиях финансовых циклов, для которых характерны значительные временные промежутки поиска равновесия между спросом и предложением, это и порождает непредсказуемость и рискованность рынков. В период роста спроса на суда верфь получает заказ на новый корабль,

его производство и доставка занимает много времени (от одного до пяти лет), и к этому времени уровни спроса могут снизиться до уровня, который делает эксплуатацию этого корабля не рентабельным.

Множество экономистов различают долгосрочные и краткосрочные циклы [1]. В этом отношении цикл состоит из трех составляющих. Общая картина содержит долгосрочный цикл (А.О. Курно назвал его «вековым трендом»). Значение долгосрочного тренда зависит от его изменений: восходящий тренд является признаком успешного бизнеса, а нисходящий — признаком экономического спада. Цикл первого типа может длиться до 70 лет. Второй вид цикла — краткосрочный, который также называют «бизнес-циклом» и который большинство людей и исследователей называют циклом отгрузки. Продолжительность краткосрочного цикла обычно составляет от 3 до 12 лет между двумя последовательными пиками. Эти финансовые циклы представляют наибольший интерес для аналитиков, которые также определяют циклы рынка морских перевозок. Третий тип экономических циклов — сезонные циклы, которые представляют собой сезонные колебания рынка морских перевозок в течение года. Существование компаний судоходной отрасли в условиях неопределенности приводит к необходимости разработки стратегии, основанной на ключевых переменных, и следования ей. Основными переменными являются доход от морских операций, стоимость эксплуатации и методы финансирования отрасли, каждая из которых ярко отражается в целях деятельности компаний.

Доходы, получаемые судоходными компаниями можно разделить по рынкам, при этом судостроительный рынок получает основной доход от продажи судов, их обслуживания. Максимизация доходов на рынке фрахта достигается за счет полной загрузки судна тоннами груза, увеличения вместимости судна, увеличения производительности за счет планирования, сокращения обратных рейсов, сокращения времени обработки грузов. Судовладельцы усматривают максимизацию дохода в сокращении общих эксплуатационных рас-

ходов, включающих эксплуатационные расходы (на рейс, погрузочно-разгрузочные работы и общую эксплуатацию судов), а также капитальные выплаты, которые могут включать проценты по долгу и обслуживание судна. Затраты вычитаются из выручки, остается только прибыль до налогообложения, которая выплачивается в качестве дивидендов акционерам, инвестируется или остается на балансе компании. Переменная «методы финансирования отрасли» включает в себя методы привлечения дополнительных средств для покрытия расходов или развития рынка. Последнюю переменную методом долевого финансирования можно рассмотреть через первичное публичное размещение ценных бумаг.

В последние годы стратегии мировых судоходных компаний смещаются в сторону максимизации рыночной стоимости компаний, а не увеличения прибыли [2]. Подобное стратегическое планирование, требует от фирмы постоянного стремления к росту за счет инвестиций и получения положительных результатов — повышения значений ключевых финансовых показателей.

Первичное размещение или публичность — это не автоматический процесс, решение фирмы выйти на биржу, скорее, это завершение принятия решения относительно того, какой способ финансирования является наиболее подходящим и выгодным, и это средство для получения необходимых средств для развития компании. Выход на биржу можно рассматривать как признание предыдущих достижений компании и экономичный способ получения средств для дальнейшего роста. Но основная причина, по которой фирма решает стать публичной, состоит в росте ликвидности компании в результате увеличения собственного капитала, который в литературе упоминается как первичный рынок. Увеличение капитала может быть выгодным для компании и инвесторов, которые в дальнейшем могут получать прибыль от прибыли на акции. Процесс IPO также связан со вторичным рынком по мере дальнейшей торговли акциями компании (Jenkinson, Ljungqvist, 2001). Согласно Эллингсену и Ридквисту,

наиболее частыми причинами, по которым компания становится публичной, становятся приобретение капитала, улучшение имиджа компании, повышение популярности и мотивация сотрудников.

В IPO участвуют три стороны: фирма, принялшая решение стать публичной (эмитент), инвестиционный банк (андеррайтер) и инвесторы. У каждой стороны есть потенциальная цель, которую необходимо достичь посредством этого процесса. Компания, выходящая на биржу, преследует двойную цель: привлечь максимальную сумму денежных средств и сохранить при этом удовлетворенность инвесторов в целях обеспечения их будущего интереса на случай, если компании потребуется выпустить дополнительные акции.

Покупателями акций являются частные или государственные инвесторы. Инвесторы заинтересованы в покупке акций, если они оценивают все риски и принимают решение о вложении. Если их ожидания не будут положительными, они вложат свои средства в другую акцию или что-то более прибыльное. Поскольку IPO всегда сопряжено с ожидаемой неопределенностью стоимости компании, потенциальные инвесторы будут требовать более низкую цену, чтобы компенсировать этот риск. Этот процесс приводит к занижению цены компании. Именно с этим связывают феномен недооценки рыночной стоимости компании на первичном листинге.

Третья сторона первичного листинга — андеррайтер, которым является банк, выступающий в качестве посредника между компанией-эмитентом и инвесторами. В сотрудничестве с эмитентом андеррайтер участвует в продвижении акций IPO и играет активную роль в определении цены размещения. Важнейшие задачи андеррайтера заключаются в создании и поддержании хорошей репутации, поэтому ключевая задача состоит в том, чтобы удовлетворить другие стороны. В этом отношении банк заинтересован в установлении приемлемой и прибыльной для обеих сторон цены: дать инвесторам хорошую компенсацию за взятый на себя риск, а также быть прибыльным и приемлемым для эмитента.

Судоходная отрасль в Российской Федерации представлена компаниями, принадлежащими государству 53 % (рис. 2), в отличии от большинства стран Европы, где судоходная отрасль представлена компаниями частного сектора (семейным бизнесом, в основном в Греции). Таким образом, было бы предпочтительнее финансировать потребности отрасли, компаний за счет государства, а не акционерного капитала, что исключит риск, связанный с раскрытием информации. Кроме того, судоходство не было особенно привлекательным для инвесторов, так как они не отдавали предпочтение акциям судоходных компаний из-за большого числа дефолтов как на мировом рынке судоходства, так и на отечественном. Рыночные условия и события, такие как повышение фрахтовых ставок, нестабильность рынка нефти из-за политических проблем, рост американского и китайского рынков, изменили отношение и предпочтения инвесторов, которые начинают инвестировать в судоходные компании. Это было усилено волнами IPO судоходства после 2000 г. и привело к суперциклу (2002—2008 г.) и циклу роста (2010—2013 г.) для судоходной отрасли. Подобные подъемы объясняются рядом причин, в том числе ограниченными возможностями финансирования банками в виде кредитов судоходным компаниям из-за мировых кризисов 2008, 2014, 2019 гг., сильно повлияли на банки.

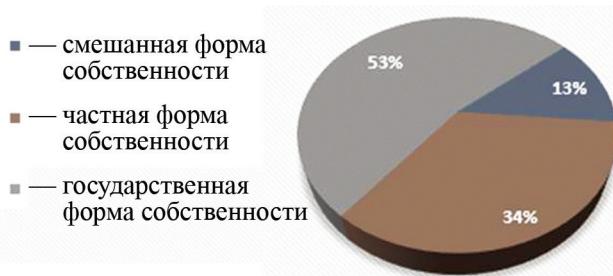

Рис. 2. Структура форм собственности российского судоходства

Другими причинами, которые способствовали этому изменению, были высокие цены на суда в конце XX в. и начале XXI в., тогда появилось новое поколение судовладельцев в мировом секторе и возникла необходимость

укрупнения и расширения судоходных компаний. Судоходные компании используют средства, полученные в результате IPO, для покупки новых судов, погашения старых банковских кредитов или других обязательств, или используют их в качестве оборотного капитала для операционных целей.

Преобладание государственной формы собственности среди компаний судоходной отрасли можно рассматривать как перспективу и угрозу. В условиях нынешней сложной экономической и ситуации в Российской Федерации приватизация, безусловно, является рискованной и может привести к негативным последствиям. Кроме того, без качественной разработки стратегии приватизации привлекательные объекты государственной собственности могут быть проданы за бесценок, а неэффективные компании останутся в собственности государства. Успешность приватизации в первую очередь зависит от рационального, взвешенного и системного подхода к выбору ее методов. Стоит заметить, что в Российской Федерации методы приватизации преимущественно отождествляются с продажей крупного пакета акций компаний. Однако в большинстве других стран под приватизацией имеется в виду и частичное ослабление влияния государства посредством продажи его миноритарного пакета акций с целью привлечения капитала. Первичное публичное размещение акций (IPO) является одним из самых эффективных, прозрачных и конкурентных методов приватизации компаний государственного сектора экономики в мировой практике.

Следует отметить, что ключевой особенностью приватизационного IPO выступает реализация государством наряду с главными и специфическими целями, таких, как: снижение нагрузки на бюджет страны за счет сокращения объемов государственных субсидий и расходов на пополнение уставного капитала компаний государственного сектора экономики, повышение инвестиционного имиджа страны в случае проведения IPO на зарубежных фондовых биржах, привлечение национального капитала путем проведения

так называемых народных IPO, сохранение и создание новых рабочих мест. Кроме того, приватизация государственных компаний с применением механизма IPO, при которой, как правило, проводится размещение миноритарного пакета акций, позволяет, с одной стороны, привлечь инвестиции, а с другой — сохранить контроль государства над деятельностью компании, нивелирует конфликты интересов государства и других инвесторов, что особенно важно при осуществлении приватизации стратегических компаний для повышения эффективности их постприватизационного развития и обеспечения экономической безопасности страны.

Снижение экономических циклов судоходства в 1970-х, 1980-х и 2000-х гг. связано с разрывом между предложением судов и спросом в морской торговле. Рынки капитала появились в судоходном секторе как альтернативный источник финансирования. Финансирование судоходных компаний за счет рынков капитала началось в Европе в 1980-х и 1990-х гг., а позже, в период с 2003 по 2008 г. в США был проведен ряд IPO-размещений. В последние годы NYSE и NASDAQ, LSE, OMX AB, TSE, HKE ASX являются фондовыми рынками, на которых торгуется большинство судоходных компаний.

Решения, связанные с инвестициями в судоходную отрасль, являются основным видом деятельности процесса и представляют собой фактор риска. Это связано с тем, что судоходный бизнес характеризуется изменчивой и постоянной нестабильностью, характерной для различных сегментов рынка морских перевозок. Движущие факторы для такого рода бизнеса включают производный тип спроса на услуги по доставке, который, по-видимому, реагирует на экономический рост, факт, что фрахтовые ставки и цены на суда зависят от финансовых циклов, и особые характеристики отрасли судоходства.

На момент проведения IPO у судоходной компании могут возникнуть непредвиденные или даже противоположные результаты из-за капиталоемкости бизнеса, который связывает базовые реальные активы — корабли — с

высоким уровнем риска. В результате методы финансирования, используемые судоходными компаниями, зависят от ядра судоходного сектора. Основным компонентом, который играет важную роль в стимулировании роста судоходной отрасли, является рынок капитала. Ряд основных функций выполняют рынки капитала для увеличения стоимости листинговых компаний и продвижения компаний в период IPO.

Рынки капитала, поскольку они являются первичными рынками, играют роль агентов, которые предоставляют необходимые средства для финансирования новых инвестиционных проектов и поддерживают рост листинговых компаний. Кроме того, в качестве вторичных рынков рынки капитала предоставляют компетентный способ торговли ликвидными ценными бумагами.

В этом отношении рынки капитала могут играть важную роль, способствуя будущему созданию стоимости, отражаемой в ценах корпоративных ценных бумаг. После успешного IPO и развития рынка судоходные компании ищут финансирование из других источников для субсидирования своей деятельности. В последние 20 лет в финансировании судоходства были отмечены постоянные сдвиги, частично вызванные экономическим подъемами-спадами и главным образом кризисом на мировых рынках. Эти сдвиги были усилены несколькими движущими силами: разрушением капитальных резервов многих судоходных компаний, значительным сокращением банковского финансирования, высокими требованиями к капиталу для замены старых судов, а также интернационализацией и интеграцией мировых рынков капитала.

Участие фондовых рынков в финансировании судоходства не расширяется, хотя они играют очень важную роль в судоходном бизнесе. Это обусловлено с характером сектора судоходства, в котором преобладает государственная форма собственности, и нерешительностью судовладельцев, связанной с риском потери контроля над компанией при выходе на рынки, а также нежеланием открывать конфиденциальную информацию компании. Это сопровождается негативным

отношением к покупке акций институциональными и частными инвесторами из-за нестабильных денежных потоков.

Вывод

В статье представлено исследование IPO судоходных компаний, в котором рассматриваются IPO и феномены IPO в более общем виде. IPO выступает инструментом, благодаря которому частные судоходные компании впервые становятся публичными посредством фондовых рынков. Первичное размещение — это фактически продажа акций компанией-эмитентом ряду инвесторов (общественности). Хотя это относительно простое определение, весь процесс, а также подготовка и решение о публичном размещении — это набор сложных задач, которые требуют тщательной и своевременной подготовки, понимания, опыта и рыночной информации. Важным фактором, который необходимо принимать во внимание, является неопределенность рынка, так как это распространенный фактор на протяжении всего процесса, существенно ухудшающий возможное низкое качество общественной информации. Инвесторы обычно не имеют обширных знаний о компании-эмитенте до размещения, а эмитенты не знают инвесторов, которые могут быть заинтересованы, или степени их заинтересованности. Андеррайтеры — инвестиционные банки действуют как посредники между эмитентами и инвесторами, и одна из их задач — решить некоторые, но не все эти информационные проблемы. Необходимо принять важные решения и решить вопросы, которыми должны заниматься эмитенты, инвестиционные банки и регуляторы рынка, а также эмитент, в том числе ценообразование и сроки IPO.

Лучшие методы ценообразования и продаж сильно зависят от конкретной группы. Например, инвестиционные банки заинтересованы в максимизации прибыли не только для банков, но и для своих клиентов-инвесторов. Как следствие, у инвестиционных банков могут быть противоречивые интересы по сравнению с интересами эмитентов. Однако рациональный начальный уровень методов оценки

IPO — предположить, что основная цель — максимизировать ожидаемую прибыль для эмитента, поскольку это первоначальная причина для решения о публичном размещении. В Российской Федерации доля государства в судостроительном секторе является избыточной, а результативность деятельности государственных компаний чрезвычайно низка, поэтому разработка новой программы приватизации на сегодня является актуальным вопросом. Обобщая мировой опыт приватизации методом первичного размещения акций, отметим, что ее эффективность главным образом зависит от правильного построения стратегии и дальнейшего постприватизационного развития с учетом концепции реформирования экономики в целом и государственного сектора в частности. Спрос инвесторов на судоходные акции обычно ограничивается рыночными условиями и ограниченным пониманием инвесторами рыночных условий и динамики. Повышенный риск — еще один фактор, сдерживающий инвестиции в судоходство. После изучения характеристик IPO можно сделать вывод о том, что сокращение объема первичного размещения в последнее время связано с упадком рынка и состоянием финансового цикла, связанного с мировой эпидемией в последние годы.

Библиографический список

1. Делоф М., Де Маеснейр В., Ингельбрехт К. Как инвестиционные банки оценивают первичное публичное размещение акций (IPO) // Журнал по бизнесу, финансам и бухгалтерскому учету. 2007. № 4. С. 127—133.
2. Шульц П.Х., Заман М.А. Послепродажная поддержка и занижение цен на первичные публичные предложения // Журнал финансовой экономики. 1994. Т. 35 (2). С. 199—219.
3. Arosio R., Guidici G., Paleari S. What drives the initial market performance of Italian IPOs? Bergamo, 2000.
4. Cournot A.A. Recherches sur les principes mathematiques de la theorie des richesses. Paris, 1838.
5. Initial Public Offerings. U.S. Securities and Exchange Commission URL: <http://www.sec.gov/answers/ipo.htm>.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ФИНАНСОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ ПОВЫШЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ю.Н. АЛЕКСАНДРИН, кандидат
экономических наук, доцент, доцент
кафедры мировой экономики и менеджмента,
Кубанский государственный университет
e-mail: alex_ypn.05@mail.ru

А.А. ВЕРНЕР, магистрант кафедры
мировой экономики и менеджмента,
Кубанский государственный университет
e-mail: ms.verner777@mail.ru

Аннотация

В статье анализируется уровень инвестиционной активности предприятий обрабатывающей промышленности РФ за 2018–2020 гг. Выявлены факторы, негативно влияющие на реализацию инвестиционных проектов в данном секторе российской экономики. Особое внимание авторы уделяют оценке эффективности применения в инвестиционной сфере таких финансовых инструментов, как СПИК 2.0 и государственно-частное партнерство. По результатам проведенного исследования авторами разработан комплекс рекомендаций по совершенствованию указанных инструментов в контексте модернизации и диверсификации экономики РФ.

Ключевые слова: инвестиционная активность, финансовые инструменты, государственно-частное партнерство, специальные инвестиционные контракты, обрабатывающая промышленность, СПИК 2.0, ГЧП.

DOI: 10.31429/2224042X_2021_62_15

Эффективность модернизации и диверсификации российской экономики во многом зависит от действующей системы государственного стимулирования инвестиционной активности предприятий, в первую очередь хозяйствующих субъектов обрабатывающей промышленности. В последнее время инструментарий стимулирования инвестиционной активности предприятий значительно расширился за счет применения на региональном и федеральном уровнях таких инструментов, как специальный инвестиционный контракт (СПИК 1.0, СПИК 2.0) и государственно-частное партнерство (ГЧП).

По данным Росстата, инвестиционная активность предприятий обрабатывающей промышленности в 2018–2020 гг. снизилась в $\frac{1}{3}$ регионов РФ. При этом, если за анализируемый период снижение объемов реальных инвестиций в обрабатывающей промышленности Московской области составило 0,5 %, Томской — 1,2 %. Ульяновской — 3,6 %, то в отдельных субъектах РФ данный показатель снизился более значительно (табл. 1).

Как следует из данных табл. 1, наибольшее снижение инвестиционной активности отмечается на предприятиях обрабатывающей промышленности Республики Северная Осетия — Алания (−81,4 %), Астраханской (−63,3 %) и Магаданской областей (−51,6 %). Основные причины снижения инвестиционной активности на предприятиях обрабатывающих производств связаны с недостатком собственного капитала и высокой ценой земного финансирования (рис. 1).

В этой связи особенно возрастает роль такого инструмента государственной поддержки инвестиционной деятельности предприятий обрабатывающей промышленности, как специальный инвестиционный контракт (СПИК), ориентированный на разработку и внедрение инновационных технологий.

По данным Министерства промышленности и торговли РФ, общее количество заключенных СПИК в РФ по состоянию на 22.10.2020 г. составляет 47 контрактов с общим объемом инвестиций 851,8 млрд р. (рис. 2) [8].

Таблица 1

Субъекты РФ с максимальным снижением реальных инвестиций предприятий обрабатывающей промышленности за 2018—2020 гг., тыс. р. (разработано авторами по [3])

Субъекты РФ	2018 г.	2019 г.	2020 г.	Темпы роста 2020 г. к 2018 г., %
Тульская область (ЦФО)	12 997 384	20 921 721	8 690 411	66,9
Магаданская область (ДФО)	10 158 542	5 368 501	4 917 053	48,4
Архангельская область (СЗФО)	10 095 250	2 759 053	5 062 886	50,2
Астраханская область (ЮФО)	172 834	227 500	63 352	36,7
Республика Дагестан (СКФО)	5 038 434	2 876 749	2 951 660	58,6
Республика Северная Осетия — Алания (СКФО)	115 917	71 005	21 569	18,6
Тюменская область (УФО)	92 979 315	71 752 040	48 166 782	51,8

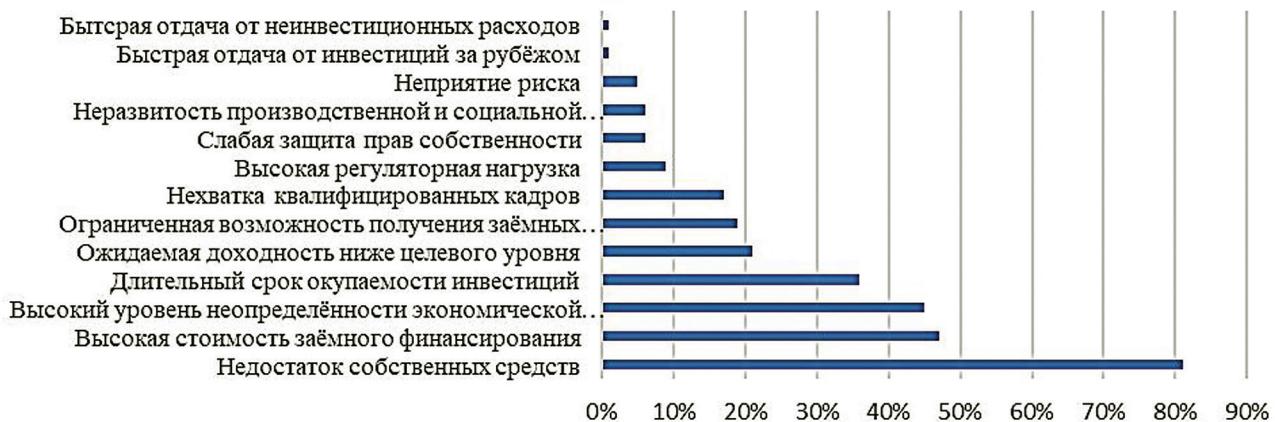

Рис. 1. Факторы, негативно влияющие на инвестиционную активность предприятий обрабатывающей промышленности РФ в 2017—2019 гг. [7]

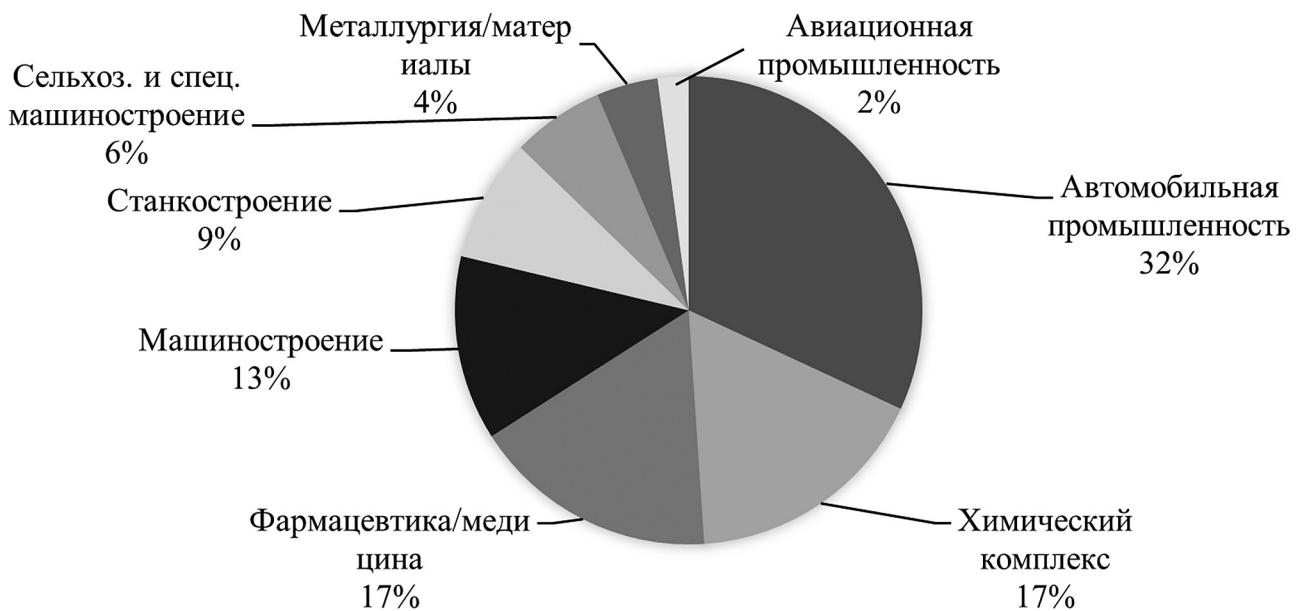

Рис. 2. Отраслевая структура СПИК 1.0 и 2.0 за 2016—2020 гг. (разработано авторами по [8])

Таблица 2

Основные данные о СПИК 1.0 и 2.0 за 2016—2020 гг. (разработано авторами по [8])

СПИК 1.0/2.0	Средний срок реализации СПИК, заключенных в отчетном периоде	Количество контрактов	Общая сумма инвестиционных вложений, млрд р.
СПИК 1.0	С 17.06.2016 г. по 30.11.2016 г. — 7 лет	7	136,9
СПИК 1.0	С 17.02.2017 г. по 29.12.2017 г. — 8 лет	7	24,9
СПИК 1.0	С 15.02.2018 г. по 30.12.2018 г. — 8 лет	15	237,5
СПИК 1.0	С 14.02.2019 г. по 28.06.2019 г. — 8 лет	16	394,4
СПИК 2.0	С 23.09.2020 г. по 22.10.2020 г. — 7 лет	2	43,9

Из данных рис. 2 следует, что наиболее привлекательными отраслями для инвесторов являются автомобильная и химическая промышленность, машиностроение, фармацевтика. Необходимо отметить, что до вступления в силу основных изменений к механизму применения СПИК 2.0, согласно ФЗ от 2 августа 2019 г. № 290-ФЗ [8], количество заключенных контрактов и совокупный объём инвестиций возрастили (табл. 2).

После принятых изменений в ФЗ было подписано лишь два СПИК с совокупными инвестициями 43,9 млрд р. Для сравнения: в 2018 г. и первой половине 2019 г. был заключен 31 специинвестконтракт с объемом инвестиций 631,9 млрд р. Несмотря на отрицательную динамику по количеству заключенных СПИК (рис. 3) средние сроки реализации проектов практически не изменились и составляют 7—8 лет.

Рассмотрим основные изменения по механизму применения СПИК 2.0 (рис. 4).

Исходя из анализа новых положений ФЗ по СПИК 2.0 выявлено следующее противоречие: с одной стороны, целью обновленного механизма СПИК 2.0 является стимулирование разработки и внедрения инновационных технологий в обрабатывающей промышленности (из утвержденного Правительством РФ Перечня современных технологий [6; 10]) как основа для сокращения технологического отставания и формирование дополнительных конкурентных преимуществ, с другой — увеличение сроков реализации СПИК с 10 до 15—20 лет, что ведет к увеличению технологического разрыва. Кроме этого повышаются требования для получения налоговых льгот.

Другим перспективным инструментом стимулирования инвестиционной активности предприятий обрабатывающей промышленности мы считаем государственно-частное партнерство. По данным национального центра ГЧП, в настоящее время реализуется 3 440 проектов с совокупными инвестициями

Рис. 3. Динамика количества и среднего срока реализации СПИК 1.0 и 2.0 в обрабатывающей промышленности РФ за 2016—2020 гг. (разработано авторами по [7])

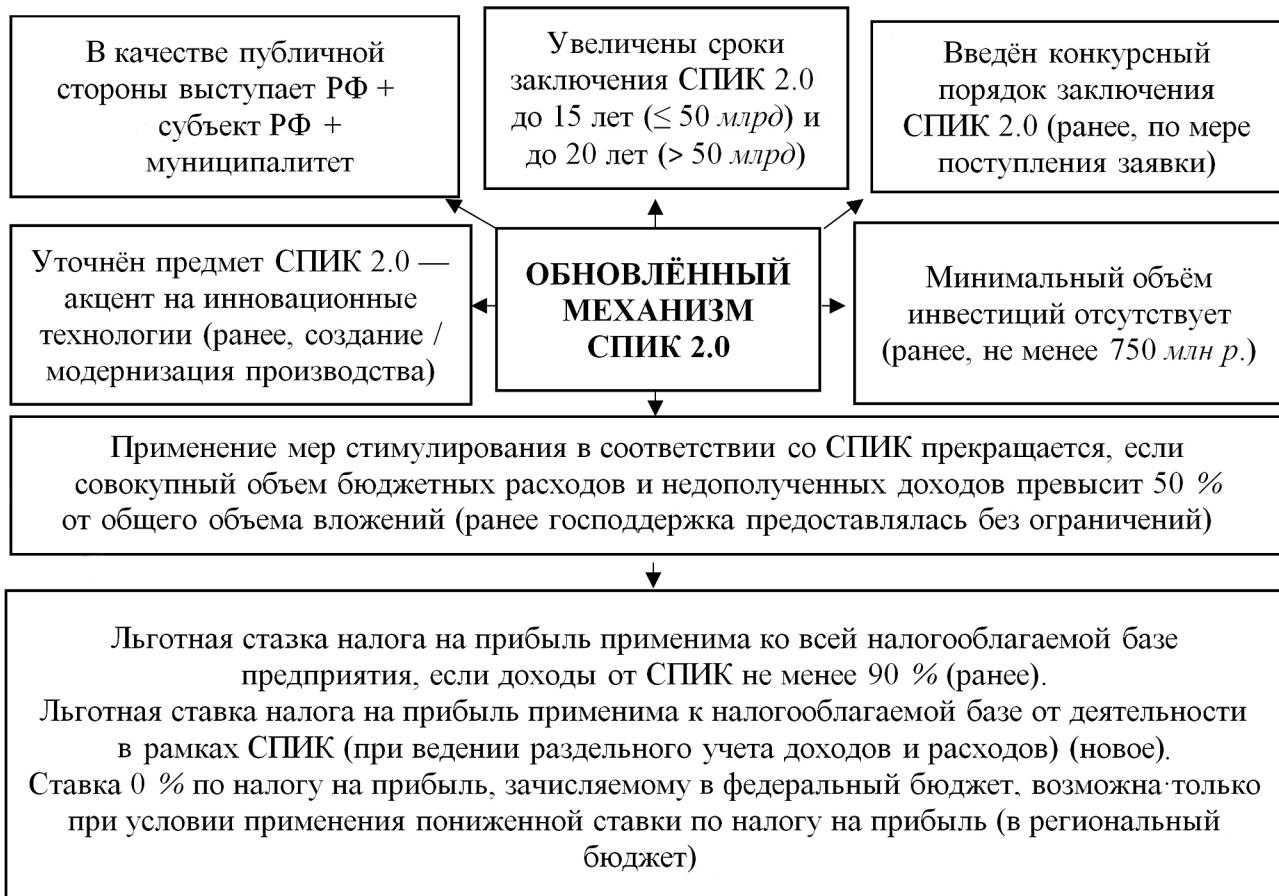

Рис. 4. Изменения в ФЗ по СПИК 2.0 (разработано авторами по [4; 5; 9])

4 478 млрд р. Отраслевая структура инвестиционных проектов с применением ГЧП представлена на рис. 5.

Из данных рис. 5 следует, что более 60 % инвестиций в проекты ГЧП приходится на транспортную инфраструктуру, 18 % —

*Иные сферы включают в себя благоустройство, жилищное строительство, ИТ-инфраструктуру, оборону и безопасность страны, сельскохозяйственную инфраструктуру

Рис. 5. Отраслевая структура инвестиционных проектов с применением ГЧП [2]

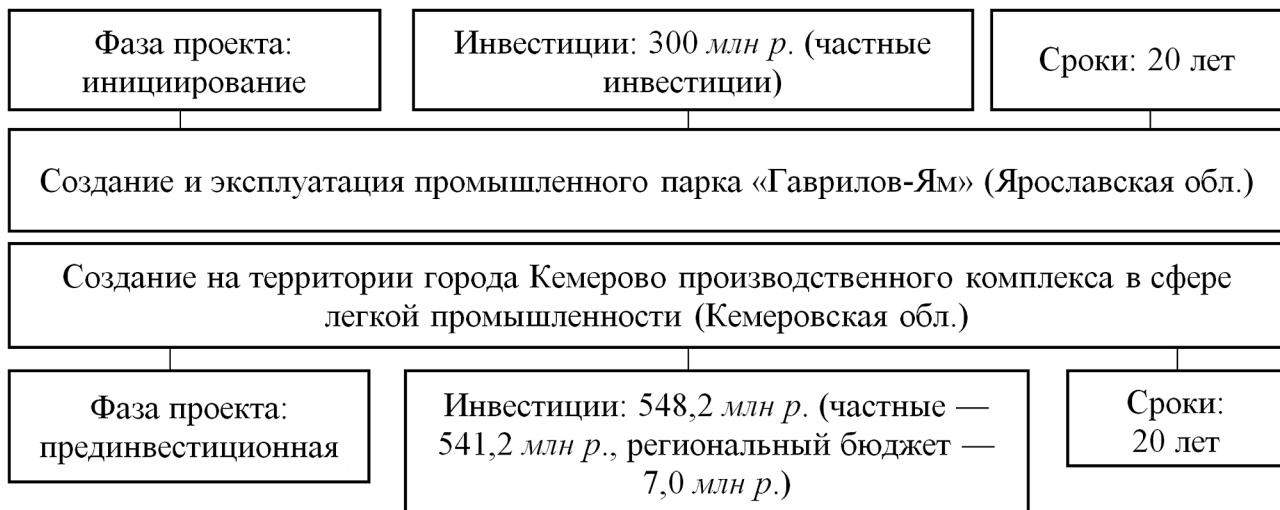

Рис. 6. Инвестиционные проекты с применением механизма ГЧП в обрабатывающей промышленности
(разработано авторами по [1])

на коммунально-энергетическую и около 9 % — на социальную. В то же время в секторе обрабатывающей промышленности с применением механизма ГЧП реализуются только 2 проекта (рис. 6), что составляет всего 0,0006 % от общего количества ГЧП-проектов с объемом инвестиций 0,0002 % от совокупных инвестиций. Это свидетельствует о неэффективности действующего механизма ГЧП для развития инфраструктуры обрабатывающей промышленности в регионах.

Указанные на рис. 6 инфраструктурные объекты практически на 100 % финансируются за счет частных инвестиций. Уровень софинансирования производственного комплекса для легкой промышленности в Кемеровской области за счет средств регионального бюджета составляет всего 0,01 %.

Данная тенденция обусловлена, на наш взгляд, отсутствием механизма субсидирования частных инвестиций в инфраструктурные объекты для обрабатывающей промышленности, создаваемые с применением ГЧП. То есть необходимо создание институциональных условий, при которых указанные проекты становятся приоритетными для частных инвесторов.

Для стимулирования инвестиционной активности предприятий обрабатывающей промышленности в контексте исследуемого

финансового инструментария мы предлагаем следующие рекомендации:

- снизить сроки действия СПИК 2.0 с 15—20 до 10—15 лет для ускорения процесса коммерциализации инновационных технологий на 25—30%. Основанием для данной рекомендации является анализ сроков по заключенным специальным инвестиционным контрактам. Средний срок по СПИК 1.0 и 2.0 составляет по нашим расчетам 7—8 лет;
- считаем целесообразным применять льготную ставку по налогу на прибыль ко всей налогооблагаемой базе предприятия при достижении показателя 70 % в совокупных доходах от реализации продукции СПИК. В настоящее время применение указанной льготы возможно лишь, если доходы от реализации продукции в рамках СПИК составляют не менее 90 % всех доходов предприятия. Данная рекомендация также актуальна в связи со значительными сложностями по ведению раздельного учета по продукции СПИК для предприятий, выпускающих продукцию широкого ассортимента, не связанного с применением технологии, разработанной и внедренной в рамках специнвестконтракта;
- для стимулирования инвесторов к заключению соглашений ГЧП по строительству и эксплуатации инфраструктурных объектов для обрабатывающей промышленности предлагаем применять авторскую дифферен-

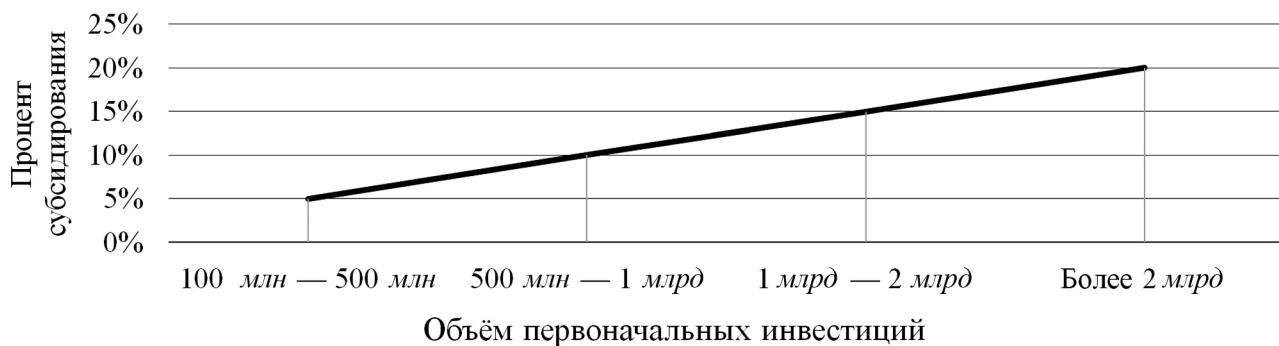

Рис. 7. Шкала субсидирования первоначальных инвестиций при строительстве инфраструктурных объектов для обрабатывающей промышленности (разработано авторами)

цированную шкалу субсидирования первоначальных инвестиций (рис. 7).

Размер субсидии будет зависеть от объема первоначальных инвестиций: при увеличении объемов первоначальных инвестиций размеры субсидий для частных инвесторов увеличиваются. Так, согласно предлагаемой шкале, при инвестициях в проект 400 млн р. субсидия будет рассчитываться по ставке 5 % и составит 20 млн р. При первоначальных инвестициях в 2,5 млрд р. ставка субсидирования возрастает до 20 % и соответственно объем субсидии для инвесторов — 500 млн р. Для предоставления указанной субсидии считаем необходимым применение следующих условий:

- субсидия предоставляется только после сдачи объекта в эксплуатацию;
- проводится государственная экспертиза сметы первоначальных инвестиций проекта;
- сохраняются федеральные и региональные налоговые льготы для инвесторов.

Предлагаемые рекомендации, на наш взгляд, будут способствовать не только повышению инвестиционной активности предприятий обрабатывающей промышленности, но и созданию необходимых финансово-экономических предпосылок для модернизации и диверсификации российской экономики.

Библиографический список

1. База инфраструктурных проектов РОСИНФРА. URL: <https://rosinfra.ru/project>.
2. Инвестиции в инфраструктуру и ГЧП 2020. URL: <https://pprcenter.ru/upload/iblock/e5e/e5ec76f7879f853cf317801126597102.pdf>.
3. Инвестиции в основной капитал с 2017 года. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58090>.
4. Налоговый кодекс РФ. Ст. 284.9. URL: <http://www.consultant.ru>.
5. Подписан закон об обновленном механизме СПИК 2.0. URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/58824.html/>.
6. Правительство утвердило Перечень современных технологий для специальных инвестиционных контрактов. URL: <http://government.ru/news/41027>.
7. Распределение организаций по оценке факторов, влияющих на инвестиционную деятельность. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58090>.
8. Реестр специальных инвестиционных контрактов. URL: <https://minpromtorg.gov.ru/activities/vgpp/vgpp2/done/>.
9. СПИК 2.0 Новый подход к инвестициям в промышленность. URL: https://www.pmagency.ru/wp-content/uploads/2019/09/СПИК-2.0_Новый-подход-к-инвестициям-в-промышленность.pdf.
10. Стратегии и программы Правительства России. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/section/2176/>.

КАЧЕСТВО ТРУДОВОЙ ЖИЗНИ КАК СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ: РАЗЛИЧИЯ ПОДХОДОВ В РОССИИ И КИТАЕ

*И.В. ЦЫГАНКОВА, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики труда, Санкт-Петербургский государственный экономический университет; профессор кафедры социальных технологий, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы
e-mail: icygankova@list.ru*

*О.С. РЕЗНИКОВА, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры управления персоналом, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
e-mail: os@crimea.com*

*ИНЬ ХУАН, аспирант кафедры экономики труда, Санкт-Петербургский государственный экономический университет
e-mail: 499285918@qq.com*

Аннотация

В статье рассмотрены подходы к сущности качества трудовой жизни как социально-экономической категории в России и Китае. Выявлены основные элементы качества трудовой жизни на основе обзора научной литературы. Установлены и сформулированы различия подходов и особенности качества трудовой жизни в РФ и КНР.

Ключевые слова: качество трудовой жизни, достойный труд, условия труда, удовлетворенность трудом.

DOI: 10.31429/2224042X_2021_62_21

Качество трудовой жизни (КТЖ) работников организаций оказывает влияние на конкурентоспособность предприятия, социальную стабильность в обществе. Качество трудовой жизни человека тесно связано с условиями трудовой деятельности, поскольку именно они определяют возможности реализации интеллектуальных и творческих способностей работника. Низкий уровень доходов, плохие условия труда, неудовлетворенность организацией труда и его содержанием оказывают отрицательное воздействие на КТЖ и могут сформировать негативное отношение к трудовой деятельности, привести к асоциальному поведению в обществе. Высокий уровень КТЖ способствует наиболее полной реализации трудового потенциала работников, формирует предпосылки для создания новых идей и разработки инноваций, положительно

влияет на производительность и эффективность трудовой деятельности.

Национальные модели КТЖ отдельных стран характеризуются ярко выраженными различиями. Цель публикации — выявить различия подходов и особенности КТЖ в Российской Федерации и Китайской Народной Республике.

Концепция качества трудовой жизни была сформирована под влиянием теорий А. Маслоу, Ф. Герцберга, Р. Уолтона, позднее — Э. Лоулера и Ж. Роде. Значительный вклад в разработку концепции внесли западные экономисты Р. Уолтон, А. Чернс, В. Эльскер. Сущность концепции заключалась в том, что успешная деятельность работника организации и высокая производительность труда определяются удовлетворенностью трудом в результате самореализации и самовыражения, что осуществимо лишь в условиях трудовой демократии. Подчеркивалось, что уровень оплаты труда и возможности построения карьеры менее значимы. Такой подход получил признание в Западной Европе и США в 1970-е гг. В этот период в США наблюдался низкий уровень удовлетворенности трудом, несмотря на высокий уровень оплаты труда и соблюдение трудовых прав наемных работников [8, с. 990], что привело к исследованию проблем в трудовой сфере и поиску путей их решения.

Анализ экономической литературы показал, что существует множество определений понятия «качество трудовой жизни».

Б.М. Генкин связывает уровень КТЖ с условиями труда работающих в организации. При этом к условиям труда он относит параметры производственной среды (освещенность, температурный режим и влажность воздуха и т. д.), а также взаимоотношения в трудовом коллективе [2, с. 24]. По мнению Ю.А. Масаловой, качество трудовой жизни представляет собой обобщающую характеристику удовлетворенности работников условиями труда и его содержанием [5, с. 261—262]. В.Ю. Ивановская определяет КТЖ как весь спектр условий труда и все аспекты организации труда, влияющие на благополучие и успешность сотрудников и создающие условия для реализации его профессиональных способностей [3]. К.С. Сладкова приводит аргументы в пользу того, КТЖ включает не только условия и организацию процесса труда, но и систему управления на предприятии, систему мотивации [7, с. 125]. Отсутствие единства терминологии связано с тем, что качество трудовой жизни — многомерное понятие, включающее множество различных аспектов. Поэтому в публикациях по данной теме учитываются отдельные аспекты, интересующие их авторов. Так, В.Ю. Ивановская рассматривает качество трудовой жизни в тесной взаимосвязи с макроэкономическими индикаторами. В.Ф. Потуданская исследует влияние уровня оплаты труда работников в России на качество трудовой жизни [6]. Ю.А. Масалова обращает внимание на то, что качество трудовой жизни имеет свои особенности у различных профессиональных групп работников, а потому необходимо изучать и оценивать КТЖ работников различных профессий. В.А. Андрухов связывает качество трудовой жизни со степенью удовлетворения потребностей работника и возможностями реализации трудового потенциала [1].

Анализ российских литературных источников показал, что несмотря на отсутствие единства терминологии, российские исследователи исходят из того, что качество трудовой жизни:

- отражает степень удовлетворения потребностей работника в профессиональной сфере;

- во многом определяется условиями труда на рабочем месте (санитарно-гигиеническими — шум, освещенность, температурный режим и т. д.; психофизиологическими — продолжительность рабочей смены, недели, темп работы и т. д.; социальными — социально-психологический климат в трудовом коллективе и т. д.);

- напрямую зависит от особенностей и эффективности управления организацией.

Западная концепция качества трудовой жизни не вполне приемлема в российских условиях. В российских условиях ключевым элементом качества трудовой жизни работников предприятия является уровень оплаты труда. Без достойного уровня оплаты невозможно достигнуть удовлетворенности работников трудом. В этой связи многие российские исследователи (В.Ф. Потуданская, Л.С. Горскина, И.В. Цыганкова, Л.С. Лантушенко, В.А. Андрухов) выделяют такие основные элементы, обеспечивающие качество трудовой жизни, как достойное вознаграждение за труд, гарантии занятости, безопасные условия труда. К дополнительным элементам относят: содержательность и привлекательность трудовой деятельности, развитие профессиональной демократии посредством применения партиципативного управления, возможности квалификационного роста и должностного продвижения [1; 4; 6; 9].

Исследования КТЖ проводились во многих странах, например, в Китае. В эпоху новой экономики вопрос качества трудовой жизни привлекает все большее внимание китайских исследователей из разных научных областей. Это стало неизбежным результатом развития теории и практики управления человеческими ресурсами. Развитие теории качества трудовой жизни позволило обратить внимание на многие проблемы внутри предприятий, органично объединить профессиональное развитие работников компаний и развитие организаций, расширить горизонты управления человеческими ресурсами предприятия, изменить отношения между работником и организацией.

Так, Х. Ван полагает, что качество трудовой жизни представляет собой индиви-

дуальные ощущения сотрудника, которые формируются в результате восприятия таких составляющих, как объем работы, справедливое и достаточное вознаграждение за труд, благоприятные условия труда, чувство безопасности на рабочем месте, демократическое управление, взаимоотношения в трудовом коллективе [17]. С.Ц. Чен, В. Джанг и Й. Ма полагают, что КТЖ тесно связано с понятием «достойный труд» и является его синонимом [11]. К.У. Чан, Т. Уайатт отмечают, что качество трудовой жизни отражает степень удовлетворения потребностей в трудовой сфере [10]. До недавнего времени китайские исследователи уделяли особое внимание повышению эффективности работы организации за счет применения нового оборудования и технологий и почти не уделяли внимание важности социального взаимодействия и эмоционального состояния сотрудников. А потому в публикациях по управлению человеческими ресурсами и качеству трудовой жизни китайские исследователи, как правило, сосредотачивались на показателях использования новых машин и оборудования [11], инновационных способностях квалифицированных рабочих [12], экологической безопасности [15] и влиянии данных факторов на качество трудовой жизни работников. В исследованиях Й. Цзяо, В. Тан, Й. Чжоу приводятся аргументы в пользу того, что на КТЖ персонала оказывает влияние производственная среда. Такое влияние может быть как положительным, так и отрицательным [13]. В последние годы появились публикации, в которых подчеркивается важная роль социально-психологического климата в трудовом коллективе. Китайские исследователи отмечают, что эмоции и профессиональные отношения между сотрудниками могут иметь как положительное, так и отрицательное влияние на отношение к работе, производительность и эффективность работы, а также качество трудовой жизни [11; 14]. Когда сотрудники удовлетворены социально-психологическим климатом в трудовом коллективе, они, как правило, работают лучше; например, за счет уменьшения количества ошибок, повышения производи-

тельности и улучшения обслуживания клиентов [15; 19]. Исследования китайских ученых доказывают, что негативное коммуникативное поведение между сотрудниками влияет на уровень счастья работников и, следовательно, снижает качество трудовой жизни. Негативные отношения в трудовом коллективе могут вызвать стресс, беспокойство, напряжение и неуверенность, что отрицательно влияет на производительность труда.

Китайскими исследователями качество трудовой жизни определяется как:

- субъективное, индивидуальное восприятие работником своего положения, характеризующееся чувством справедливости, безопасности, демократичности и др.;
- степень удовлетворения профессиональных потребностей работника, которая связана главным образом с уровнем технической оснащенности предприятия, применяемыми технологиями, организацией труда.

Китайские исследователи выделяют восемь элементов КТЖ, представленных уважением, признанием и высокой оценкой результатов выполненной работы, материальным состоянием работника и членов его семьи, здоровьем и безопасностью, знаниями, общим благополучием.

Различия подходов российских и китайских исследователей к восприятию социально-экономической категории «качество трудовой жизни» отражены в таблице.

Проведенное исследование подходов в научной литературе Китая позволило сделать вывод о том, что КТЖ может зависеть от множества факторов, таких как возраст, уровень образования, физическая активность, профессиональный стресс, рабочее время, род занятий и уровень здравоохранения [10; 16; 18]. Факторы социально-экономического статуса, такие как образование, доход, профессиональный статус или доступ к медицинскому страхованию, трудно изменить, в то время как образ жизни и поведенческие факторы, такие как физическая активность, соотношение рабочего и свободного времени, уровень стресса и социально-психологический климат, изменить легче.

Особенности восприятия понятия «качество трудовой жизни» в России и Китае

Общие взгляды	Китайские исследователи	Российские исследователи
КТЖ зависит от удовлетворения потребностей в сфере труда	К.У. Чан, Т. Уайатт	Ю.А. Масалова, В.А. Андрушов
КТЖ связано с результативностью и производительностью	Й. Цзяо, В. Тан, У Сы	В.Ф. Потуданская, Л.С. Горскина, И.В. Цыганкова
На КТЖ влияют условия труда	Х. Ван, Й. Цзяо, В. Тан, Й. Чжоу	Б.М. Генкин, Ю.А. Масалова, В.Ю. Ивановская
КТЖ на одном предприятии или в одном регионе может различаться в зависимости от возраста, профессиональной группы, социального статуса и образа жизни работников	У Сы, Х. Рао, Х. Ли, Дж. Тянь, У. Чжу, Дж. Ли, Х. Ван	Ю.А. Масалова, И.В. Цыганкова
Различия подходов	Китайские исследователи	
Важнейшую роль для уровня КТЖ играют профессиональные взаимоотношения между сотрудниками	Х. Ван, П-Дж. Джуан, С.Ф. Чиу	
Во внимание должна приниматься субъективная составляющая КТЖ работников	Х. Ван, К.У. Чан, Т. Уайатт	
КТЖ зависит от уровня применяемой техники и технологий	С.Ц. Чен, В. Джанг и Й. Ма	
Различия подходов	Российские исследователи	
КТЖ зависит от особенностей и эффективности управления организаций	К.С. Сладкова, В.Ф. Потуданская, Л.С. Горскина	
Без достойного уровня оплаты труда невозможно достигнуть высокого уровня КТЖ	В.Ф. Потуданская, Л.С. Горскина, И.В. Цыганкова, Л.С. Лантушенко, В.А. Андрушов	

Помимо этого исследователи из Китая отмечают, что в данной стране существует серьезная дифференциация качества трудовой жизни работающих между регионами (провинциями), городскими и сельскими территориями и пр. Например, у рабочих-мигрантов в Китае качество трудовой жизни ниже по сравнению с населением в целом [16; 20]. КТЖ фермеров (сельских жителей) вызывает все большую озабоченность. Все большее количество китайских ученых начинают анализировать качество трудовой жизни фермеров и предлагать соответствующие меры для его улучшения.

Поскольку методы управления человеческими ресурсами в направлении повышения уровня КТЖ могут улучшить корпоративную

конкурентоспособность и эффективность организаций, они стали центром исследований в области управления человеческими ресурсами для малых и средних предприятий. Тем не менее, в отличие от западных и восточных развитых стран, китайские ученые по-иному воспринимают данную экономическую категорию. Исследования в области управления человеческими ресурсами и КТЖ на китайских предприятиях сосредоточены в первую очередь на эффективном найме и отборе сотрудников, что изначально создает предпосылки для формирования трудового коллектива с требуемыми характеристиками трудового потенциала, на создании условий для самореализации посредством применения эффективных программ обучения и создания

хорошего социально-психологического климата в трудовом коллективе, в то время как российские исследователи уделяют больше внимания уровню оплаты труда, достойным условиям труда и обеспечению определенных гарантий занятости. Кроме того, китайские ученые говорят о том, что современные технологии и цифровая среда (современные компьютерные программы, средства коммуникации и межличностного общения в интернет-пространстве по профессиональным вопросам и т. д.) способствуют гуманизации труда сотрудников предприятий Китая, а потому положительно отражаются на КТЖ. Применение современных компьютерных программ и различных приложений, с одной стороны, позволяет получить работникам организаций больше разнообразных данных о клиентах, потребителях, конкурентах и внешней среде и облегчает задачу поиска информации. С другой — компьютерные программы выполняют рутинные трудовые операции, которые ранее выполняли сотрудники (расчет данных, заполнение документов по шаблону, создание чертежей). Это высвобождает время для решения творческих задач и реализации интересных идей.

Следует отметить, что, несмотря на разные определения, конечной целью качества трудовой жизни и в России, и в Китае является повышение производительности труда сотрудников и удовлетворение личных потребностей сотрудников через их восприятие рабочей среды, системы управления и межличностных отношений.

Библиографический список

1. *Андрухов В.А.* Качество трудовой жизни как показатель социально-экономического благосостояния организации // *Russian Journal of Education and Psychology.* 2012. № 4. С. 2.
2. *Генкин Б.М.* Экономика труда. М., 2019.
3. *Ивановская В.Ю., Ивановская А.Л.* Качество трудовой жизни как фактор обеспечения экономического роста // *Экономика и бизнес: теория и практика.* 2019. № 3—1. С. 103—106.
4. *Лантушенко Л.С.* Управление качеством

трудовой жизни как фактор повышения эффективности труда на предприятии в системе менеджмента качества. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-kachestvom-trudovoy-zhizni-ka-k-faktora-povysheniya-effektivnosti-truda-na-predpriyatiu-v-sisteme-menedzhmenta-kachestva>.

5. *Масалова Ю.А.* Качество трудовой жизни преподавателя университета в условиях удаленной занятости // *Экономика труда.* 2021. Т. 8, № 3. С. 261—274.
6. *Потуданская В.Ф., Лантушенко Л.С., Новикова Т.В.* Качество трудовой жизни как среда привлечения работников на промышленные предприятия // *Креативная экономика.* 2014. № 8. С. 93—98.
7. *Сладкова К.С.* Удовлетворенность трудом как характеристика качества трудовой жизни // *Гуманитарный научный журнал.* 2018. №1—1. С. 125—130.
8. *Тарабан О.В.* Анализ подходов к оценке качества трудовой жизни // *Экономика труда.* 2018. Т. 5, № 4. С. 989—996.
9. *Цыганкова И.В.* Глобализация и качество трудовой жизни // *Человек и труд.* 2008. № 1. С. 13—15.
10. *Chan K.W., Wyatt T.* Quality of Work Life: a Study of Employees in Shanghai, China // *Asia Pacific Business Review.* 2007. Vol. 13, is. 4. P. 501—517.
11. *Chen S.-C., Jiang W., Ma Y.* Decent work in a transition economy: An empirical study of employees in China // *Technol. Soc. Chang.* 2020. Vol. 153. P. 119947.
12. *Chuang P.-J., Chiu S.-F.* When moral personality and moral ideology meet ethical leadership: A three-way interaction model // *Ethics Behav.* 2018. Vol. 28, P. 45—69.
13. *Jiao Y., Tang W., Zhou J.* Research on work-life quality of farmers in urban areas and its influencing factors-analysis based on a survey of farmers in pudong new area of Shanghai // *Popul. Econ.* 2008. P. 62—66.
14. *Ko C., Haney M.H., Lee G.* Effects of ethical leadership and formal control systems on employee opportunistic behavior in China // *Benchmarking An International Journal.* 2018. Vol. 25, № 5. P. 1350—1362.
15. *Liu X., Huang G., Huang H., Wang S., Xiao Y., Chen W.* Safety climate, safety behavior, and worker injuries in the Chinese manufacturing industry // *Saf. Sci.* 2015. Vol. 78. P. 173—178.
16. *Rao H.* Farmer worker management system

innovation based on quality of work life perspective // *Guangdong. Soc. Sci.* 2012. P. 215—220.

17. Quality of working life. Survey on teacher's in primary and middle schools — the case of Jiangxi Provence / H. Wang [et al.] // *Educational Measurement and Evaluation*. 2018. Vol. 1. P. 18—31.

18. Wu S., Li H., Tian J., Zhu W., Li J., Wang X. Health-related quality of life and its main related

factors among nurses in China // *Ind. Health.* 2011. Vol. 49. P. 158—165.

19. Zhou F., Wu Y.J. How humble leadership fosters employee innovation behavior // *Lead. Organ. Dev. J.* 2018. Vol. 39. P. 375—387.

20. Zhu C., Wang J., Fu X., Zhou Z., Zhao J., Wang C. Correlates of Quality of Life in China Rural-to-Urban Female Migrate Workers // *Qual. Life Res.* 2012. Vol. 21, № 3. P. 495—503.

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА РЫНОК ТРУДА И ЗАНЯТОСТЬ

*А.К. КОЧИЕВА, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры мировой экономики и менеджмента, Кубанский государственный университет
e-mail: akadeh@yandex.ru*

Аннотация

В статье освещаются тенденции изменения рынка труда и особенности занятости населения под влиянием такого фактора, как цифровизация, которая в свою очередь интенсифицировалась в период пандемии 2020 г. Показано, как внедрение современных цифровых технологий воздействует на изменение спроса и предложения рабочих мест, форм трудовой занятости, безработицы и прочее, формируя новое современное состояние рынка труда. Определены круг проблем и вектор для дальнейших исследований в указанной области.

Ключевые слова: цифровизация, информационные технологии, безработица, рынок труда, пандемия, занятость населения.

DOI: 10.31429/2224042X_2021_62_27

Введение

Тенденции трансформации рынка труда наметились с распространением цифровых и интернет-технологий и их активного внедрения в экономику, но в 2020 г. пандемия стала катализатором развития новых форм занятости, повышения безработицы, а также повлияла на обострение ранее имевших место проблем и вызовов, которые в настоящее время требуют решения. Цифровизация экономики, или четвертая промышленная революция, будет иметь серьезные последствия для создания и уничтожения рабочих мест.

Быстрый научно-технический прогресс и внедрение инноваций в производственную и хозяйственную деятельность могут угрожать занятости. Вопросы «технологической безработицы» поднимал и исследовал в свое время еще Д.М. Кейнс, подчеркивающий, что «скорость, с какой мы открываем трудосберегающие технологии, опережает способность

находить новое применение высвобожденному труду» [12]. Однако в том же своем труде Д.М. Кейнс указывает, что для наиболее гармоничного экономического развития общества необходимо соблюсти баланс таких факторов, как контроль численности населения; предотвращение войн и гражданских волнений; непротиводействие развитию науки; накопление, обусловленное разностью между производством и потреблением [12]. Очевидно, что превалирующая доля указанных факторов в настоящий момент вышла из-под контроля, особенно если говорить об отдельных государствах и территориях.

Каждая промышленная революция обуславливала изменения на рынке труда, а также создавала совершенно новые профессии и отрасли, вытесняя и преобразуя ряд имеющихся на тот момент, что вызывало напряженность и обеспокоенность в обществе. Безусловно, требовалось время, чтобы экономика и общественность адаптировались к изменениям и прежде имевшийся баланс был бы восстановлен [10].

Технологические инновации могут повлиять на занятость по двум противоположным направлениям. С одной стороны, путем прямого отстранения работников от задач, которыми они раньше занимались (эффект смещения); с другой — за счет увеличения спроса на рабочую силу в отраслях, которые возникают и развиваются за счет технического прогресса (эффект продуктивности) [13]. Цифровизация, вероятнее всего, будет способствовать поляризации рынка труда. Предполагается, что в первую очередь рабочие места с низкой и средней квалификацией подвержены автоматизации. В то же время будет возрастать спрос на ряд профессий, связанных с

обслуживанием цифровой инфраструктуры, программного обеспечения, защиты данных и т. д.

Согласно опросу *Pew Research* (2014 г.), проведенному среди 1 896 экономистов и экспертов в области технологий, около половины респондентов придерживаются мнения, что технологии создадут меньше рабочих мест, чем они уничтожат в течение следующего десятилетия [14]. Но даже приняв предположение, что количество вытесненных рабочих мест будет равно количеству вновь созданных, это тем не менее повлечет за собой высокий уровень экономических и социальных потрясений для каждого конкретного государства и порождаемого этим напряжения, учитывая, что за каждым рабочим местом подразумевается личность и судьба отдельно взятого работника. Следовательно, государственным органам и странам, которые хотят понять последствия автоматизации, необходимо углубиться в рассмотрение «дезагрегированных эффектов» цифровизации [15].

Тенденции занятости населения и трансформации рынка труда под влиянием внедрения цифровых технологий

На все большее количество рабочих мест оказывают воздействие цифровые технологии, в связи с этим работники должны приобретать как общие, так и специализированные навыки в области информационных технологий с целью соответствовать рыночному спросу, выполнять свои задачи на работе и демонстрировать прирост производительности. Тем не менее статистические данные показывают, что работники, к примеру Европейского союза, не обладают достаточными цифровыми навыками [9].

Глобальное онлайн-покрытие позволяет отслеживать, аккумулировать, систематизировать и анализировать широкие объемы информации в различных областях деятельности, начиная с котировок ценных бумаг на мировых биржах и заканчивая оптимизацией транспортных перевозок, активности ин-

фраструктурных и промышленных объектов посредством использования данных со спутников и т. п. Аккумуляция нарастающего объема информации из не существовавших ранее источников обуславливается развитием таких направлений, как Интернет вещей (*Internet Of Things*), появлением новых программных продуктов для современных мобильных устройств, спутниковым технологиям, которые становятся все более доступными широкому кругу пользователей. Таким образом, можно констатировать, что цифровая революция характеризуется следующими явлениями: автоматизацией широкого ряда процессов; накоплением больших объемов данных у конкретных пользователей, что порождает такое направление деятельности, как *Big Data Analysis*, или аналитика больших данных; возможностями онлайн-доступа пользователей к массивам данных из внешних источников; появлением новых методов и алгоритмов аккумулирования, анализа и использования больших данных с целью их дальнейшего применения с широким кругом нового функционала; активизацией онлайн-торговли и пр.

По состоянию на 2020 г. количество интернет-пользователей в среднем по Европе составляло 87 %, в странах Азии — в среднем 61 %, в Северной Америке — 88 %, Австралии и Океании — 70 %, минимальный уровень распространения Интернета наблюдается на африканском континенте и в Южной Азии. Показатель интернет-проникновения на глобальном уровне находится на уровне 59 %. Мобильный Интернет используют 92 % от всех пользователей [8].

Рост числа интернет-пользователей задает также вектор развития современного бизнеса: все больше потребителей совершают покупки онлайн, таким образом постепенно сглаживается грань между торговлей в физических магазинах и покупками с помощью мобильных приложений, интернет-сайтов, маркетплейсов, социальных сетей и т. д. Несмотря на мнение некоторых экспертов о том, что вскоре традиционные физические магазины будут вытеснены с рынка онлайн-магазинами, обе

категории уже сейчас существуют и изменяются под воздействием трансформации потребительских предпочтений [11].

Наиболее высокий риск потери рабочих мест в связи с автоматизацией процессов на примере США (за период 2007—2018 гг.) имеют такие профессии, как оператор компьютера (снижение занятости на 70 %), секретари и административные помощники (снижение более чем на 60 %), профессии, связанные с набором текста, машинисты (сокращение более чем на 60 %), операторы голосовых сервисов (более чем на 50 %), телемаркетологи, делопроизводители и т. д. Если рассматривать подотрасли, в которых высок риск потери работы, то ситуация (на примере США) самым неблагоприятным образом обстоит в сферах предоставления услуг по заселению и питанию (около 47 % от общего числа сотрудников подотрасли могут быть уволены), оптовой и розничной продажи (15 % от общего количества сотрудников), транспортировки (15 %), образования (15 %), строительства (15 %). Меньшую долю по уровню риска потери работы представляют такие подотрасли, как производство, социальная помощь и уход за здоровьем, финансовый сектор, добыча полезных ископаемых, сельское хозяйство и т. д. [16].

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, уровень безработицы в России, согласно выборочному обследованию рабочей силы от 15 лет и старше по состоянию на декабрь 2019 г., составлял 4,6 %. Согласно же Роструду, уровень зарегистрированной безработицы в аналогичный период составлял 0,9 %. С началом пандемии коронавируса и, как следствие, введенными ограничениями в РФ в марте 2020 г. уровень безработицы (согласно Росстата и Роструду) начал расти и в декабре 2020 г. уже составлял соответственно 5,9 и 3,7 % [1]. Несмотря на рост безработицы, происходит постепенное перетекание кадров в сферу услуг, что позволяет людям после переквалификации работать дальше. Кроме того, удаленная работа благодаря цифровизации и развитию интернет-технологий стала более доступна не только лицам с ограниченными возможностями,

как это было ранее, а значительно более широкому кругу лиц.

Несмотря на изменения, связанные с цифровой революцией, существуют сферы экономики, темпы развития которых стабильны, а риск потери работы не увеличивается по мере внедрения цифровых технологий. Например, это профессии, относящиеся к сфере услуг: парикмахеры, мастера сервисов, связанных с индустрией красоты, мастера по ремонту автомобилей и оборудования, сантехники, спортивные тренеры, службы уборки помещений, медицинские работники и пр. Актуальность данных профессий постепенно возрастает, в том числе и в связи с тем, что большое количество работников иных сфер попадают под сокращение и остаются без работы, результатом чего является переквалификация в профессии, не имеющие цифровых аналогов.

Баланс наличия высококвалифицированных кадров в достаточном объеме и соответствующих им рабочих мест является ядром эффективных процессов внедрения информационных технологий и их функционирования, в связи с чем критически важным фактором выступает состояние отечественной системы подготовки специалистов к формированию кадров, обладающих высоким уровнем компетенций и профессиональными преимуществами в сфере цифровых решений.

Все это диктует необходимость подготовки все большего количества выпускников, относящихся к кадрам цифровой экономики. Приведем некоторые статистические данные. В России в 2019 г. доля выпускников (бакалавров, специалистов, магистров) по укрупненным группам направлений подготовки и специальностям (УГНС) информатика и вычислительная техника составила 3,4 % (31 тыс. чел.) от общего количества выпускников, выпускники по УГНС информационная безопасность — лишь 0,5 % (4,5 тыс. чел.), по УГНС электроника, радиотехника, системы связи — 13 тыс. чел. (1,4 % от общего количества выпускников). Всего же доля выпускников, обучавшихся по УГНС в области цифровых технологий в РФ, составила 8,5 % от общего количества [2]. По нашему

мнению, в современных реалиях перехода к цифровой экономике показатель этот необходимо увеличивать, поскольку на отечественном рынке труда растёт спрос на кадры, обладающие высоким уровнем компетенций в сфере информационных технологий. К ним относятся такие, как специалисты в области искусственного интеллекта, виртуальной реальности, робототехники, Интернета вещей, а также аналитики больших данных и пр. Необходимо также констатировать нехватку специалистов, способных сформировать у выпускников навыки в указанных отраслях и сферах деятельности, которые бы отвечали современным требованиям рынка труда в условиях повсеместной цифровизации.

В настоящее время Россия не занимает лидирующих позиций в международных рейтингах, связанных с развитием цифровой экономики. По состоянию на 2019 г., согласно Всемирному рейтингу цифровой конкурентоспособности, РФ находится на 38-м месте из 63, Индекс электронной торговли B2C говорит о том, что Россия занимает 40-е место из 152, а в Индексе готовности к сетевому сообществу наша страна занимает 48-е место из 121 представленных. По индексу инклюзивного Интернета (2020 г.) РФ находится на 26-й позиции из 100 [2].

В 2017 г. Президент России утвердил Стратегию развития информационного общества в РФ на 2017—2030 гг., а также госпрограмму «Цифровая экономика Российской Федерации». Содержание документов дает основания предположить, что цифровизация отечественной экономики выступает ключевым фактором обеспечения экономического роста и рассматривается как базис для формирования принципиально новых моделей бизнеса, способный внести весомый вклад в трансформацию модели функционирования ряда отраслей экономики, государственного управления, а также коммуникационные процессы на макро- и микроуровне.

Ядром технологической модернизации предприятий и организаций является цифровизация их деятельности. По оценкам отечественных ученых, около половины компаний

в РФ применяют различного рода информационные технологии. Помимо прочего, цифровая трансформация обуславливает рост текущего уровня производительности труда. Однако важно отметить, что на текущий момент российскими предприятиями реализуются не все конкурентные преимущества и потенциал от внедрения и использования современных цифровых технологий. В настоящее время в организациях применяются относительно низкозатратные и типовые решения, например, облачные технологии и сервисы или такие программные пакеты, как *Enterprise Resource Planning* (система планирования и управления ресурсами предприятия) [4].

Такой важный параметр, как прирост высокопроизводительных рабочих мест (ВПРМ), в России по состоянию на 2019 г. был на уровне 5,6 %, что существенно ниже аналогичного показателя в 2018 г. (14,7 %). В 2020 г. прирост числа ВПРМ составил 5,9 % [5]. Кроме того, по нашему мнению, вызывают вопросы и методика определения самого понятия «высокопроизводительное рабочее место», данное в Приказе от 9.10.2017 г. № 665, которое не актуализировано согласно современным реалиям развития рынка труда и цифровизации экономики. Так, согласно Приказу к ВПРМ относятся те рабочие места, среднемесячная заработка по которым превышает установленный средний уровень по субъектам РФ и отрасли [3].

Важно заметить, что в условиях цифровизации экономики получают развитие нетрадиционные формы занятости работников. Многие специалисты получили возможность работать неполный рабочий день, не находясь при этом в офисе компании, таким образом, фриланс становится более распространенным явлением. Необходимо подчеркнуть, что молодым специалистам легче адаптироваться к новым реалиям рынка труда и формам занятости, а также развивать в себе актуальные на сегодняшний день компетенции. Значительную часть надомного труда в настоящее время составляют профессии, связанные с интеллектуальной деятельностью, работни-

кам которых для выполнения своих трудовых функций нужно иметь компьютер с доступом к сети Интернет, а также необходимые программные продукты. К таким профессиям можно отнести фотографов, дизайнеров, программистов, бухгалтеров и т. п. Удаленная работа, протекающая вне производственных помещений или места расположения работодателя (так называемая телеработа), выступает современным видом занятости, порожденным четвертой промышленной революцией.

Давосский форум изменил оценку достижения также и гендерного равенства на фоне пандемии. Как сообщила управляющий директор Всемирного экономического форума Саадия Захиди, теперь для преодоления гендерного неравенства в общемировом масштабе требуется на 36 лет больше, чем до кризиса. На данном этапе для достижения этой цели потребуется 136 лет, в то время как в 2019 г. этот срок составлял около 100 лет. Одной из причин увеличения гендерного разрыва в экономике выступает то, что в секторах, наиболее сильно пострадавших от пандемии коронавируса 2020 г. (к примеру, туризм и розничная торговля), значительная часть сотрудников была представлена женщинами. Еще одним фактором усиления неравенства стало то, что многие женщины взяли на себя дополнительные бытовые обязанности во время локдауна (так называемая вторая смена), пока были закрыты школы и прочие детские и образовательные учреждения, что породило усиление тревожности и стресса, а также сложности в соблюдении баланса между личной жизнью и работой [2].

Итак, цифровизация меняет бизнес-ландшафт и рынок труда, а также границы производства, потребления и распределения. Это создало огромные возможности по мере появления новых продуктов, процессов, методов и профессий, но также порождает и угрозы, поскольку, например, новые способы трудоустройства создают ранее не встречавшиеся проблемы для работодателей и сотрудников; дефицит высокопрофессиональных специалистов в области цифровых технологий, разработки новых программ, обеспечения их

бесперебойного функционирования и защиты. Распространение и использование современных информационных технологий создают предпосылки к появлению таких рисков, как угрозы утечки данных пользователя; угрозы кибератак с целью хищения личных данных компаний и клиентов; нецелевое использование личных данных клиентов или их ненадежная защита; внедрение технологий *Big Data* в бизнес-процессы обуславливает необходимость радикальных изменений в структуре и деятельности компаний, что влечет дополнительные трудности и проблемы [1].

Общие последствия цифровизации для рынков труда все еще весьма неопределенны, что отражается в большом разбросе результатов имеющихся на сегодняшний день научно-практических исследований. Первоначальные ответные меры государств в настоящее время носят скорее реактивный, чем упреждающий, характер и нацелены на смягчение побочных эффектов цифровизации, а не на получение ее потенциальных выгод.

Очевиден тот факт, что внедрение цифровых технологий в производственные и бизнес-процессы будет иметь колossalное влияние на рынок труда и занятость населения, спровоцирует появление новых форм занятости и профессий, сделает бизнес-ландшафт более динамичным, заставляя субъектов трудового рынка более оперативно реагировать на происходящие изменения. Организация перехода бизнеса к новым реалиям современного рынка труда в условиях повсеместной цифровизации, связанных в первую очередь с такими проблемами, как замещение устаревших и устаревающих профессий современными, отвечающими требованиям цифрового общества; повышение квалификации сотрудников. Рациональный переход к деятельности в условиях появления новых форм трудовой занятости должен проходить при тесном и скоординированном взаимодействии государства, системы образования и науки, бизнеса, общества. Видится, что разработка и внедрение новой концепции взаимодействия указанных четырех блоков с вектором внима-

ния на рынок труда и трудовые отношения на сегодняшний момент целесообразно и необходимо.

Библиографический список

1. Занятость и безработица в Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/BCqQK9QM/zanyatost.pdf>.
2. Индикаторы цифровой экономики 2020. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/387609461.PDF>.
3. Методика расчета показателей. URL: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/metodika\[1\].pdf](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/metodika[1].pdf).
4. Симачев Ю.В., Кузык М.Г., Федюнина А.А., Юрьевич М.А. Производительность труда в российских компаниях: как содействовать устойчивому росту // Журнал НЭА. 2020. №4 (48). С. 205—217.
5. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistic>.
6. Alexandrova E., Kochieva A. Modern Aspects of Digital Technologies Development in Retail Networks // Comprehensible Science. ICCS 2020. Lecture Notes in Networks and Systems. 2021. Vol. 186. P. 237—250.
7. Covid widened the gender gap — it will now take 135 years to close that divide, WEF says. URL: <https://www.cnbc.com/2021/04/01/wef-covid-worsened-the-gender-gap-it-will-take-135-years-to-close.html>.
8. Digital 2020: Global Digital Overview. We Are Social, Hootsuite. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2020-global-digital-overview>, last accessed 2020/07/11.
9. Herman E. The Influence of ICT Sector on the Romanian Labour Market in the European Context // Procedia Manufacturing. 2020. Vol. 46. P. 344—351.
10. Frey C.B., Osborne M.A. The Future of Employment: How Susceptible Are Jobs To Computerisation? // Technological Forecasting and Social Change. 2017. Vol. 114. P. 254—280.
11. Gallino S., Moreno A. Integration of online and offline channels in retail: The impact of sharing reliable inventory availability information // Management Science. 2014. Vol. 60. P. 1434—1451.
12. Keynes J.M. Economic Possibilities for our Grandchildren // Essays in Persuasion. N. Y., 1963. P. 358—373.
13. Petropoulos G. The impact of artificial intelligence on employment // Work In The Digital Age: Challenges of the Fourth Industrial Revolution / ed. by M. Neufeind, J. O'Reilly, F. Ranft. 2018. P. 119—132.
14. Smith A., Anderson J. AI, robotics, and the future of jobs / Pew Research Center. 2014. P. 66. URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2014/08/06/future-of-jobs/>.
15. The Future of Jobs in the Era of AI. URL: <https://www.bcg.com/publications/2021/impact-of-new-technologies-on-jobs>.
16. The Future of Jobs Report 2020. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-future-of-jobs-report-2020>.

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ТРУДОВОЙ МОТИВАЦИИ ПЕРСОНАЛА

И.А. ПАВЛЕНКО, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики предприятия, регионального и кадрового менеджмента, Кубанский государственный университет

e-mail: 18irina68@bk.ru

Е.А. ДЕРКАЧЕВА, кандидат экономических наук, доцент кафедры отраслевого и проектного менеджмента, Кубанский государственный технологический университет

e-mail: derkacheva_elena@bk.ru

П.С. ПАВЛЕНКО, магистрант кафедры экономики предприятия, регионального и кадрового менеджмента, Кубанский государственный университет

e-mail: pavlenko_polina@bk.ru

Аннотация

Для создания методик исследования трудовой мотивации работников нужно изучить теоретические аспекты данной проблемы. В статье рассмотрена эволюция теоретических представлений о трудовой мотивации персонала, которая позволяет обосновать научные подходы к исследованию организации труда и мотивации. Максимально проанализированы подходы исследователей ряда мотивационных теорий и этапы развития научных представлений о трудовой мотивации.

Ключевые слова: трудовая мотивация персонала, конкурентоспособность сотрудников, когнитивные процессы, механизм вознаграждения, технико-функциональный якорь.

DOI: 10.31429/2224042X_2021_62_33

Современная социальная и экономическая теория трактует персонал организаций, функционирующей в любой сфере жизнедеятельности общества как ключевой ресурс, определяющий уровень ее конкурентоспособности и деловую репутацию, качество предоставляемых ею услуг, потенциал и возможности перспективного развития и роста. Вместе с тем обеспечить условия для полного раскрытия и задействование трудового потенциала работников невозможно без наличия эффективной и действенной системы управления персоналом, ядром которой по праву можно назвать мотивационный механизм. Известно, что любой вид трудовой деятельности индивида

преследует цель удовлетворения его потребностей, интересов, сопровождается внутренними установками, силами, побуждающими его трудиться с той или иной степенью активности, а также характеризуется уровнем его напряжения, стремления к достижению собственной или групповой цели.

Вопросам исследования проблемы трудовой мотивации персонала посвящено значительное количество научных трудов российских и зарубежных исследователей, но задача развития подходов к эффективной трудовой мотивации приобретает особую актуальность в условиях качественных экономических, социально-политических трансформаций общественной жизни.

Исследование мотивации трудовой деятельности персонала современных организаций представляет собой сложную комплексную проблематику, рассмотрение которое проводилось и по настоящее время ведется с разных точек зрения и научных позиций, с применением различных подходов, положений ряда наук, в том числе экономики, теории управления, психологии, социологии, педагогики и др. Таким образом, многогранность вопросов мотивации труда в течение значительного отрезка стала причиной пристального внимания ученых разных школ, эпох, областей наук.

Неслучайно появление многочисленных теорий мотивации в трудах древних филосо-

фов. Начало научного рассмотрения вопросов активного поведения индивида с рассуждениями о «нужде как об учительнице жизни» положено известными древними мыслителями Аристотелем (связь стремлений, определяющих потребности и сопряженных с ними чувств удовольствия / неудовольствия, с целями; в качестве цели — объект, имеющий полезное или, наоборот, вредное значение), Гераклитом (условия жизни определяют потребности), Демокритом (основная движущая сила — потребность, нужда), Лукрецием, Платоном (потребности формируют «низшую» сферу человеческого существа, поэтому человеку необходимо руководство), Сократом [1].

В числе первых мотивационных психологических теорий, представленных рационалистическими и иррационалистическими идеями, считаются теория принятия решений (объясняет поведение индивида с рационалистических позиций) и теория автомата (объясняет поведение индивида с иррационалистических позиций наподобие поведения животного), появившиеся в XVII—XVIII вв. Формирование теории принятия решений происходит в области экономических познаний, ей сопутствует применение математических наук в объяснении того или иного способа поведения индивида, в основе которого — экономический выбор. Формирование теории автомата происходит под влиянием развития механики и идей рефлекса как врожденной реакции живого существа на внешнее раздражение. Такой подход к пониманию мотивации сохраняется до конца XIX в. и получает новый импульс в развитии после появления теории эволюции Ч. Дарвина, который находит достаточно много общего в поведении и мотивации всех живых существ, объединенных сходством эмоциональных выражений, инстинктов, потребностей.

В первой половине XX в. теория инстинктов сменяется концепцией, которая объясняет поведение индивида через призму биологических потребностей, общих и для человека, и для животного, определяющих модель их поведения. Но уже в 1930-х гг. происходит формирование специальных концепций мо-

тивации, которые имеют отношение только к человеку. Среди первых следует выделить теорию мотивации К. Левина, несколько позже публикуются труды А. Маслоу, К. Роджерса, Г. Оллпорта и других представителей направления гуманистической психологии.

Отметим, что научные подходы к исследованию мотивации впервые применяются в XIX в., что обусловлено в первую очередь становлением и развитием психологических наук.

Известно, что исследователем, который первым формализовал науку организации, стал Ф.У. Тейлор, труды которого написаны в условиях формирования новых форм производственной деятельности общества. Будучи основоположником школы научной организации труда и управления, Ф.У. Тейлор детально изучал вопросы интенсификации труда, раскладывая производственные задания на отдельные простые действия и операции, что в итоге способствовало индивидуализации и разделению работы на мелкие части, а следовательно, формированию условий для определения уровня оплаты труда отдельного работника на основе показателей его выработки. Это создавало веские предпосылки к формированию у рабочих естественного стремления повышать собственную производительность труда. Несмотря на то, что учения Ф.У. Тейлора затрагивали в первую очередь вопросы рациональной организации производства, мотивация тем не менее касалась и всех других аспектов в системе управления организации — взаимодействия, обучения, формирования заинтересованности рабочих в достижении установленных показателей производительности своей трудовой деятельности.

В работе еще одного исследователя того периода Анри Файоля «Промышленность и общее управление» мы встречаем идею о том, что ключевая задача действующей в организации системы платежей состоит в обеспечении справедливого вознаграждения и поощрения трудовой инициативы через механизм вознаграждения. Речь идет о стимулировании как о принципе, а не функции управления.

Заметный вклад в развитие теоретических представлений о трудовой мотивации вносит

американский социолог Элтон Майо, который по результатам проводимого на заводе «Вестерн Электрик» исследования делает вывод о существовании некой зависимости производительности труда работников от текущего климата на предприятии. Это формирует начало учета различных мотивационных факторов, а также приводит к развитию такой системы управления, в рамках которой рабочие начинают обладать большей самостоятельностью при выборе той или иной модели трудового поведения. В целом изучение мотивации трудовой деятельности через систему социальных факторов приводит к созданию «школы человеческих отношений» (Э. Майо, Дж.Л. Морено, К. Левин). Важной разработкой одного из последователей данного направления Р. Ликерта становятся выводы о том, что существует зависимость между уровнем производительности трудовой деятельности и степенью удовлетворения индивидом своих потребностей. Именно Р. Ликерт подчеркивает необходимость развития у рабочих осознанного восприятия своей роли и понимания значимости их трудового вклада в процессы производства.

Помимо развития концепции трудовой мотивации в рамках «школы человеческих отношений» протекало и формирование психосоциологического направления, представители

которого на основе изучения индивидуальных особенностей работников устанавливали психологические факторы мотивации. Известным ученым А. Маслоу была проведена формулировка и структурирование совокупности индивидуальных потребностей личности, находящихся в определенной иерархической соподчиненности. К. Арджирис обосновал тот факт, что индивид стремится удовлетворить ряд своих психологических потребностей через механизм своего участия в работе организации.

На основе выводов, сформулированных А. Маслоу и К. Арджирисом, формируется теория мотивации Ф. Герцберга, в рамках которой выделены две группы факторов, влияющих на мотивацию: факторы, которые ведут к росту производительности трудовой деятельности, мотивируют к работе, повышению активности, но отсутствие их не всегда ведет к неудовлетворенности персонала (мотиваторы: трудовые достижения, содержание, сложность труда, признание заслуг), и факторы, мало влияющие на производительность, но удерживающие индивида на работе (гигиенические факторы: условия труда, уровень оплаты труда, межличностные отношения), но при этом не поддержание их на должном уровне ведет к неудовлетворению индивида своей работой (рис. 1, 2).

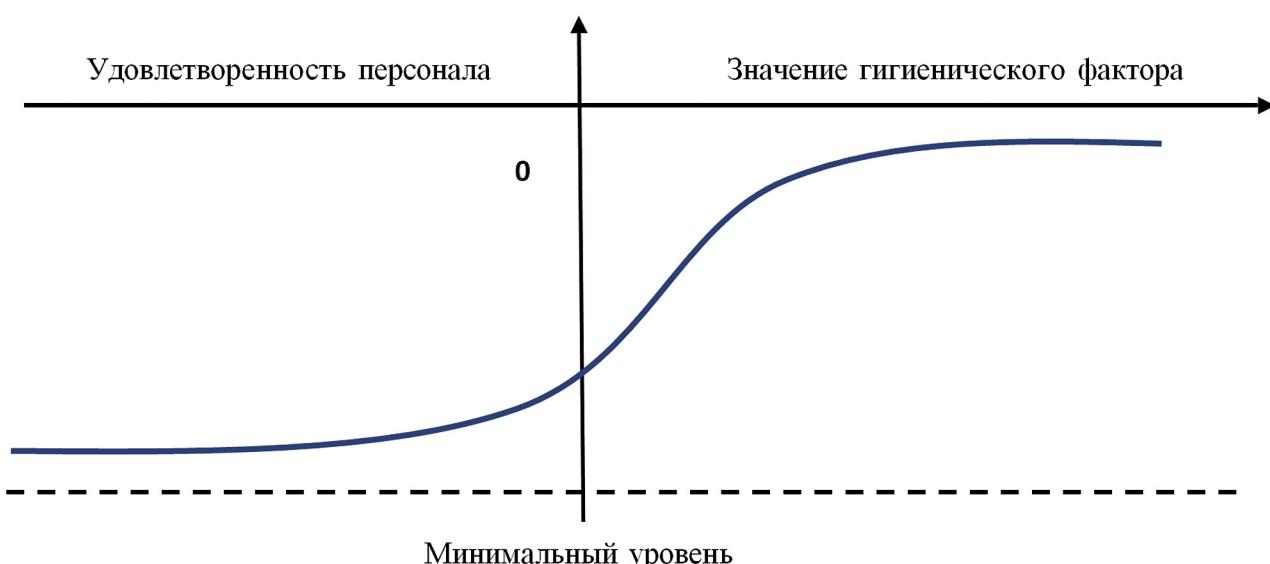

Рис. 1. Действие механизма изменения удовлетворенности персонала в результате влияния гигиенических факторов

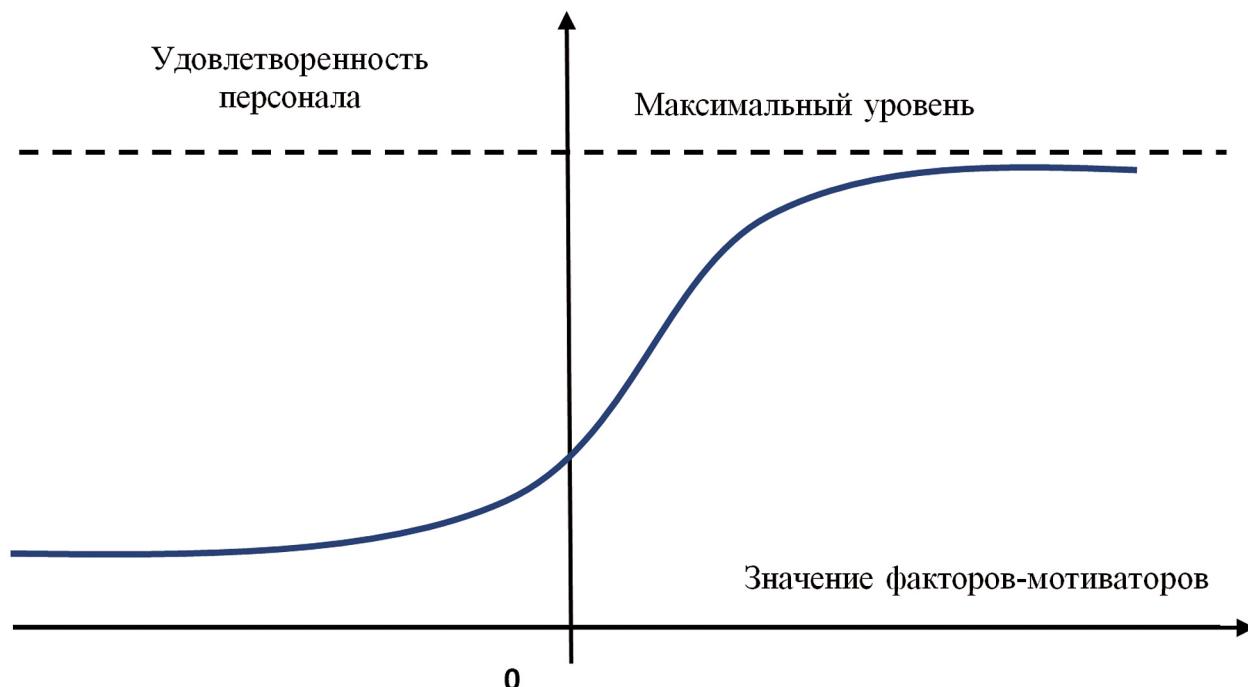

Рис. 2. Действие механизма изменения удовлетворенности персонала в результате влияния мотиваторов

Согласно выводам Ф. Герцберга руководство организации должно поддерживать на должном уровне обе группы факторов, но в первую очередь группу «мотиваторов», поскольку, индивиды, которые сильно мотивированы содержанием своей трудовой деятельности, проще реагируют на действие неблагоприятных «гигиенических» факторов. По мнению исследователя, управлять мотивацией и удовлетворенностью персонала нужно следующим образом. На первом этапе следует создать условия для удовлетворения базисных потребностей персонала (воздействие гигиенических факторов), что гарантирует отсутствие чувства неудовлетворенности. На втором этапе предпринимаются действия по созданию и поддержанию благоприятных условий для удовлетворения потребностей-мотиваторов.

Теоретические воззрения М. Маслоу и Ф. Герцберга положили начало формированию группы содержательных теорий мотивации труда, исследующих содержательную сторону данного феномена. Помимо двух уже упомянутых теорий в данную группу вошли и три другие.

1. Теория трех потребностей Д. Макклелланда (потребность в успехе, причастности,

власти).

2. Теория Г. Олпорта. Исследователь исходит из того, что любой индивид есть динамическая (мотивированная) развивающаяся система. Это означает, что мотивы индивида в текущий момент не зависят от его мотивов в прошлом. Вклад Г. Олпорта в развитие теоретических представлений о трудовой мотивации состоит в формулировании следующих четырёх постулатов, выраженных в: согласованности мотивов во временном отрезке, существовании разнообразных мотивов деятельности индивида, реальной уникальности индивидуальных мотивов, динамической силе когнитивных процессов.

3. Теория К. Роджерса. В своих исследованиях ученый вводит категорию «тенденция актуализации», под которой понимает некий объединяющий мотив, обусловливающий поведение индивида. Суть его действия состоит в том, что каждому из нас присуща тенденция развития всех своих способностей ради сохранения развития его личности.

В противоположность содержательным теориям мотивации развивались процессуальные теории, которые в первую очередь основывались на изучении природы поведения индивидов, особенностей их восприятия

окружающей действительности, познавательных способностей. Среди процессуальных теорий мотивации выделим теории В. Врума, С. Адамса, Л. Портер и Э. Лоулера.

Теория ожиданий В. Врума. В центре внимания данной теоретической концепции — исследование феномена ожиданий, в частности, речь идет об ожидании вознаграждения, которое работник рассчитывает получить, совершая тем или иные действия. В основе теории лежат три переменные:

- взаимосвязь между затратами трудовых усилий и определенным результатом;
- взаимосвязь между определенным результатом и неким планируемым к получению вознаграждением;
- установление уровня привлекательности (валентности) ожидаемого вознаграждения.

В основе оценки ожидания — субъективная вероятность, значение которой принимается на уровне «1», если человек имеет полную уверенность в наступлении события, и на уровне «0», если, наоборот, имеет полную уверенность в невозможности его наступления [2].

В. Врум предлагает определять уровень мотивации на основе тождества (1)

$$M = P_1 \times P_2 \times P_3, \quad (1)$$

где P_1 — субъективная оценка вероятности достижения работником определенного результата при определенных затратах труда;

P_2 — субъективная оценка вероятности получения определенного вознаграждения, если заданный результат будет достигнут;

P_3 — субъективная вероятность «равенства» уровня полученного вознаграждения осознаваемым потребностям индивида.

От уровня удовлетворенности индивида различными аспектами своего труда зависит упрочнение его мотивационных установок. Чем выше удовлетворенность трудом, тем больше стремление у работника выполнять ее надлежащим образом.

Теория справедливости. Ее автор С. Адамс при построении своей теории исходит из того, что индивиду свойственно сопоставлять полученное им вознаграждение с затраченными им трудовыми усилиями, а также сопоставлять уровень трудовых усилий и вознаграждений, получаемых другими индивидами, которые выполняют такую же работу. Если результаты обоих сопоставлений схожи, человек делает вывод о справедливости данной ситуации по отношению к нему (табл. 1).

Из теории С. Адамса следует вывод о том, что уровень мотивации индивида находится в зависимости не только от абсолютного, но и от относительного размера вознаграждения. При столкновении с несправедливой, по меркам работника, ситуацией, его последующие действия будут направлены на ее корректировку.

Теория мотивации Л. Портер и Э. Лоулер. На основе синтеза выводов теории ожиданий и теории справедливости разработана комплексная процессуальная теория мотивации, основная гипотеза которой состоит в том, что индивид стремится к удовлетворению своих потребностей через механизм вознаграждения, который должен быть соразмерен его трудовому вкладу (рис. 3).

Помимо содержательных и процессуальных теорий мотивации следует выделить группу личностных теорий, которые концентрируются на изучении личности индивида, его отношений к трудовой активности, также

Таблица 1
Варианты сопоставления справедливости уровня вознаграждения
согласно затраченным трудовыми усилиям

Вознаграждение А Вклад А	<	Вознаграждение В Вклад В	Имеет место несправедливость, выраженная в недоплате
Вознаграждение А Вклад А	=	Вознаграждение В Вклад В	Ситуация справедлива
Вознаграждение А Вклад А	>	Вознаграждение В Вклад В	Имеет место несправедливость, выраженная в переплате

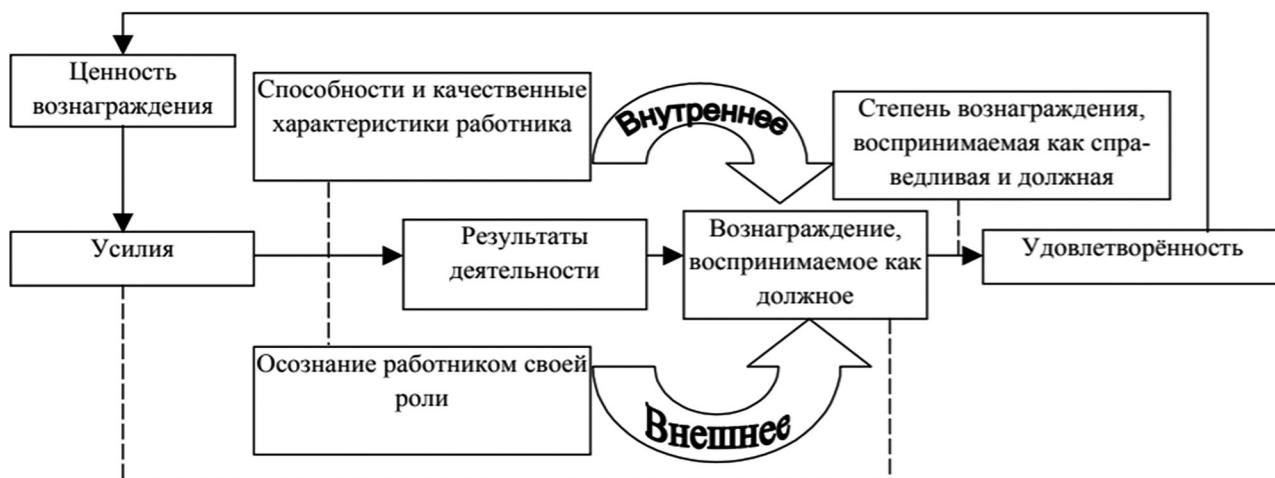

Рис. 3. Механизм трудовой мотивации (по теории мотивации Портера — Лоулера)

известных как теории отношений. Отметим основные из них.

1. *Теория Д. Макгрегора*. Исследователь приходит к выводу о существовании традиционного подхода к управлению, который он именует «теорией X», и теории управления, сформированной в результате его личных разработок — «теории Y». «Теория X», основанная на выводах учений Ф. Тейлора, говорит о том, что среднестатистический работник, будучи ленивым от природы, нуждается в постоянном внешнем контроле и стимулировании труда через систему ее оплаты, увязывающей результаты трудовой активности и уровень вознаграждения. Вместе с тем в своей «теории X» Д. Макгрегор делает вывод о том, что труд сам по себе может стать источником удовлетворения и вдохновения, поскольку он естественен для любого индивида.

2. *Теория «Z» У. Оучи*. Свои выводы исследователь основывал на базе изучения опыта работы японских организаций в послевоенные годы. У. Оучи в своих трудах писал о существовании типов управления организацией A (бюрократические подходы к управлению) и Z (управление на основе системы пожизненного найма персонала, развития коллективной ответственности, неограниченного продвижения по карьерной лестнице, заботы о персонале). Вполне логично, что в организации с типом управления Z созданы все условия для роста ее эффективности и по-

лучения большей прибыли вследствие опоры руководства на такие составляющие успеха, как неформальная производственная структура в основе с человеческими отношениями. В качестве своеобразного алгоритма действий по развитию трудовых отношений У. Оучи предлагает формирование доверительных отношений между руководством и подчиненным ему персонала, а далее необходимой становится разработка и реализация мер по активизации творческого отношения к выполнению трудовых функций через систему принятия групповых решений.

Концепция влияния организационной культуры Э. Шейна. Исследователь приходит к выводу о возможности мотивационного воздействия руководства на персонал на основе понимания системы «карьерных якорей» своих сотрудников. Достижению высокой мотивации к труду будет способствовать выполнение сотрудником тех заданий и функций, которые максимально согласуются с его системой ценностей. К числу «якорей», которые определяются на основе собственного представления индивида о важности тех или иных вещей с учетом уровня его способностей, ценностей, интересов, мотивов, Э. Шейн отнес технико-функциональный якорь (принадлежность к определенной профессии); стремление к выполнению в работе функций общего руководства; высокий уровень самостоятельности и независимости в работе; безопасность и стабильность (потребность в

непрерывной работе); наличие предпринимательской жилки, стремление работать с пользой; преданное отношение к работе; наличие у индивида высокого уровня внутренней мотивации, стремление к поддержанию своего стиля жизни и на рабочем месте.

Отдельные взгляды на раскрытие феномена трудовой мотивации мы встречаем в многочисленных исследованиях отечественных ученых. Отметим некоторые из них. Так, автором теории деятельностного происхождения мотивационной сферы индивида стал А.Н. Леонтьев, суть его концепции состоит в том, что на формирование мотивационной сферы индивида непосредственное влияние оказывает содержание и структура его практической деятельности, т. е. речь идет об изоморфизме или взаимном соответствии. Таким образом, данная концепция объясняет происхождение и динамику состояния и структуры мотивационной сферы

индивидуа. Согласно выводам С.Л. Рубинштейна, в работах которого решается задача формирования потребностного подхода, развитие потребностей индивида идет вразрез с системой его инстинктов. В исследованиях Д.Н. Узладзе, получивших название «теория установки», речь идет об установлении взаимосвязей между мотивами и потребностями индивида как источниками его активной деятельности. В работе С.С. Фролова представлена классификация мотивов на внутренние и внешние мотивы, а также на личностные, предметно-содержательные, социальные.

Отдельно можно отметить ряд мотивационных теорий, в которых исследуется взаимосвязь между факторами мотивации и типами, а также различными категориями персонала:

– изменение мотивационной структуры личности в зависимости от стажа и возраста (В.А. Ядов; А.Г. Здравомыслов);

Таблица 2

Этапы развития научных представлений о трудовой мотивации

Этап развития	Содержание этапа
Первый этап (начало положено учением Ф. Тейлора)	Изучение реакции индивидов на установление системы обязательных условий трудовой деятельности, а также соотношение результатов труда и получаемого вознаграждения
Второй этап	Познание индивида как социального, группового существа. Индивид имеет способность к нормальному существованию, лишь ощущая принадлежность к определенному социальному коллективу. Труд есть объект купли-продажи. Работодатель устанавливает порядок и размеры оплаты и стимулирования труда
Третий этап	Зависимость системы мотивации от способов и методов управления. Уровень вознаграждения и эффективность трудовой деятельности — производные от стиля управления
Четвертый этап	Изучение влияния различных факторов на эффективность трудовой деятельности и объемы ее вознаграждения
Пятый этап	Формирование и использование на практике новой мотивационной философии, суть которой выражена в усилении роли самомотивации на основе анализа иерархической структуры потребностей индивида
Шестой этап	Апробация новой концепции мотивации, в которой условия достижения индивидом своих целей определяются системой потребностей и психологическими особенностями личности
Седьмой этап	Ориентация мотивационной системы на реализацию групповых целей через делегирование полномочий малым группам, от результатов работы которых зависят объемы вознаграждения
Восьмой этап	База мотивационной системы — совокупность факторов социальной карьеры и механизм удовлетворения индивидуальных потребностей

Рис. 4. Группировка подходов к исследованию природы и механизма мотивации трудовой деятельности

– изменение мотивационной структуры личности в ходе развития профессионализации (В.Д. Шадриков).

Обобщая изложенный материал, нами выделены основные этапы эволюции представлений о трудовой мотивации, охватывающей временной интервал с начала XX в. по настоящее время. Критерий выделения — базовый объект изучения в рамках раскрытия ключевых детерминант мотивационного механизма (табл. 2).

Еще один вывод, который можно сделать на основе исследования теоретических взглядов на природу и механизм мотивации трудовой деятельности, состоит в том, что разные концепции и школы рассматривают феномен мотивации с точки зрения различных подходов — административного (административно-командного и административно-организационного, социального, экономического, психологического) (рис. 4).

Таким образом, процессы активного формирования новых подходов к исследованию феномена мотивации трудовой деятельности, а также зарождения новых концепций мотивации протекали в течение всего XX в. и не прекращаются в настоящее время. Несмотря на большой объем теоретико-методологических и прикладных исследований, посвя-

щенных феномену трудовой мотивации, до сих пор остаются нерешенными вопросы о причинах неустойчивости структуры мотивационных установок индивида, его поведения, совершения им в некоторых трудовых ситуациях немотивированных поступков, неэффективности мотивационных воздействий руководства. Не в полной мере изучены и научно не обоснованы инновационные подходы к развитию мотивационных систем. Не существует глубоких теоретических проработок мотивационных систем, представленных определенным набором специфических инструментов, технологий, методов, которые бы в полной мере обеспечивали учет особенностей отраслевой принадлежности различных организаций и соответственно базисных характеристик задействованного в них труда.

Библиографический список

1. Верещагина Л.А., Карелина И.М. Психология потребностей и мотивация персонала. Харьков, 2005.
2. Кравченко Е.С., Скорик А.А. Ключевые доминанты современных теорий мотивации персонала предприятия / Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского, г. Донецк, Украина. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/38546117.pdf>.

ИНОВАЦИОННЫЙ КОНТЕНТ КОГНИТИВНОГО МЕНЕДЖМЕНТА

Н.Р. МОЛОЧНИКОВ, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики предприятия, регионального и кадрового менеджмента, Кубанский государственный университет
e-mail: mnr001@mail.ru

Т.А. РОВОВАЯ, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры международного туризма и менеджмента, Кубанский государственный технологический университет
e-mail: taniaprokopenko@mail.ru

К.О. ЛИТВИНСКИЙ, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики и управления инновационными процессами, Кубанский государственный университет
e-mail: litvinsky@econ.kubsu.ru

Аннотация

В условиях глобальной неопределенности огромную значимость для функционирования организации имеет уточненный инструментарий в плане расширенного использования отечественных и зарубежных методов исследования и способов воздействия на бизнес-процессы. При этом часть инструментов представляет собой успешные технологии в контексте когнитивного менеджмента. Впервые с позиции системного подхода рассмотрен инструментарий организации как система, в которой определяющей (базовой) подсистемой выступают инструменты управления персоналом, а разрабатываемые им HR-технологии становятся результативными инструментами организации, предопределяющими ее инновационную стратегию. В этой связи пример диаграммы по оценке результативности бизнеса представляет в настоящее время актуальный инструмент организации в форме развернутой технологии с конкретными конвергентными мерами защиты от конкурентов в плане заимствования зарубежного опыта и адаптации к российским организациям.

Ключевые слова: управление персоналом, инструментарий организации, когнитивный менеджмент, системный подход, HR-технологии, бизнес.

DOI: 10.31429/2224042X_2021_62_41

В условиях пандемического кризиса появляются новые инструменты, позволяющие выполнить оценку экономических показателей с последующей диаграммой резервов повышения их результативности. Повышен-

ный интерес может представлять развернутая технология оценки результативности бизнеса организации как инструмента бизнеса и расширенное понятие «инструментарий организации» с ведущей ролью и значимостью инструментов управления персоналом с HR-технологиями.

Одной из самых пострадавших сфер в условиях пандемии оказался малый и средний бизнес, на котором в значительной степени держится экономика многих стран, правительства этих стран срочно разрабатывают соответствующую помощь. Правительственные меры поддержки весьма существенны в США, Швейцарии, Великобритании, Франции, Германии, Италии, Канаде, Японии. В России в качестве мер поддержки в условиях пандемии введены налоговые послабления и мораторий на банкротства.

Тем не менее произошел переход к политике протекционизма как результат ориентации правительств многих стран на национальную безопасность и самодостаточность экономики.

Однако некоторые изменения вследствие пандемического кризиса стали положительными. Так, локдауны ускорили внедрение цифровых технологий и изменили способы взаимодействия людей. Спрос и предложение товаров и услуг стали виртуальными. Произошла быстрая цифровизация: электронная коммерция, виртуальные конференции. Резко увеличилось использование Интернета, но и

значительно выросла киберуязвимость компаний во всем мире.

Социальные сети, онлайн-коммуникации, электронная коммерция стали эффективными инструментами «новой экономики».

Прогнозируется, что 2021 г. будет годом восстановления экономики докризисного уровня. Ожидается, что глобальный ВВП может вырасти на 4,3 %, а объем мировой торговли — на 6,7 %. Прирост ВВП в России в 2021 г. составит около 3,5 %, реальные доходы населения увеличатся на 4 %.

На современном этапе традиционные способы ведения бизнеса в России становятся неактуальными. Нужны новые модели построения бизнеса, отвечающие прежде всего непрерывному повышению качества функционирования самой организации и самооценке результативности ее бизнеса, представляющей собой эффективную HR-технологию как инструмент организации.

В этой связи для функционирования организации огромную значимость имеет более широкое использование уточненного инструментария организации в форме разнообразных традиционных и новых методов исследования и способов воздействия на бизнес-процессы, регулярное проведение соответствующего мониторинга в условиях пандемического кризиса и глобальной неопределенности, резкого ослабления международного сотрудничества и сокращения каналов распределения продукции. При этом часть инструментов представляет собой успешные технологии в контексте когнитивного менеджмента.

Следует отметить, что в специальной литературе инструменты организации отделены от остальных инструментов (инструменты организации труда, инструменты менеджмента, инструменты маркетинга, инструменты конкурентоспособности, инструменты бизнеса, инструменты управления качеством, инструменты управления персоналом и др.) и, к сожалению, без применения системного подхода к инструментарию организации как системе, чтобы показать ведущую роль управления персоналом в плане разработок и использования HR-технологий.

Первоначально уточним содержание всех названных нами инструментов.

Инструменты организации труда:

- разделение и коопération труда;
- нормирование труда;
- организация и обслуживание рабочих мест;
- подбор и развитие персонала;
- улучшение условий труда;
- рационализация трудовых процессов;
- оптимизация использования рабочего времени;
- укрепление трудовой дисциплины;
- эмпирический метод использования передового опыта;
- научный метод использования экономических законов;
- оценка уровня организации труда.

Инструменты менеджмента:

- модели менеджмента;
- реструктуризация;
- метод экспертных оценок;
- метод сетевого планирования и управления;
- система управления по целям;
- корреляционно-регрессионный анализ;
- метод PERT;
- матрица ответственности;
- матрица рисков.

Инструменты маркетинга:

- исследования рынка;
- интернет-маркетинг;
- методы распространения;
- методы стимулирования;
- обслуживание показателей;
- реклама;
- мерчендайзинг;
- товарная политика;
- сбытовая политика;
- политика продвижения;
- политика цен.

Инструменты конкурентоспособности:

- концепция TQM;
- система структурированной функции качества;
- самооценка качества функционирования организаций;
- методы Г. Тагути;

- система менеджмента качества;
- самоменеджмент;
- маркетинг, маркетинговые исследования;
- мерчандайзинг;
- финансовая устойчивость;
- стратегические альянсы;
- поглощения и слияния компаний;
- бостонская матрица;
- SWOT-анализ, Gap-анализ;
- конкурентные стратегии;
- бенчмаркинг;
- реинжиниринг бизнес-процессов;
- непрерывное наращивание знаний;
- конвергентные меры защиты от конкурентов;
- связи с общественностью.

Инструменты бизнеса:

- электронная почта;
- бизнес-план, антикризисная программа;
- кредитование;
- аутсорсинг;
- программные документы для бизнес-моделирования (ARIS, ELMA и др.);
- социальная сеть, блоги, лендинг, квизы;
- цифровые технологии, электронная коммерция;
- компьютерная техника;
- оргтехника;
- бухгалтерские программы, платежные сервисы;
- форумы;
- модели бизнеса;
- репутация бренда.

Особый интерес представляет группа инструментов управления качеством, определяющих в первую очередь конкурентоспособность организаций.

К примеру, В.В. Окрепилов рассматривает четырнадцать инструментов качества [4]. Также Е.А. Горбашко называет набор из семи инструментов управления качеством, заявленных еще в 1970-х гг. Союзом ученых и инженеров [2, с. 216—219]. Девять инструментов качества приведены Р.А. Фатхутдиновым [6, с. 128—129]. Группа авторов (Герасимова Е.Б., Герасимов Б.И., Сидикин А.Ю.) приводят десять инструментов качества [1, с. 166—178].

Некоторые инструменты управления качеством — одни и те же — имеют у авторов разные названия.

- Инструменты управления персоналом:
- административные методы управления;
 - экономические методы управления;
 - социально-психологические методы управления;
 - системы вознаграждения;
 - обогащение содержания труда;
 - развитие персонала;
 - грейдинг, должностные модели компетенций;
 - корпоративная культура;
 - вовлеченность персонала;
 - оценка результатов работы;
 - сегментирование персонала;
 - рекрутинг;
 - конкурентные преимущества;
 - ассесмент, мониторинг оценки персонала;
 - компьютерная техника;
 - оргтехника;
 - специализированное компьютерное оборудование;
 - компьютерное игровое оборудование.

Перечисленные группы используемой современной техники превратились в повседневный рабочий инструмент управления персоналом и бизнеса.

- Инструменты организаций:
- устав организации;
 - ранжирование полномочий;
 - учет рабочего времени сотрудников;
 - мониторинг упоминаний в социальных сетях;
 - мониторинг изменений;
 - матрица ответственности проекта;
 - базовые модели конфигурации инструментов организации (приказы и распоряжения, делегирование и регулирование, инициирование и инструктаж, программы и рейтинг) [4, с. 225];
 - система Паттерн;
 - краудсорсинг;
 - аутстаффинг;
 - бюджетирование;
 - бухгалтерский учет;
 - налоговый учет;

- управленческий учет;
- HR-технологии;
- поиск и оценка персонала;
- создание систем обучения и управления знаниями;
- фасилитация как стиль не дивергентного управления;
- повышение квалификации работников и собственной капитализации на рынке труда;
- развитие HR-специалистов;
- создание программ нематериальной мотивации персонала;
- самозанятость и новые рабочие места;
- управление кадровым резервом;
- построения системы управления процессами;
- повышение эффективности бизнес-процессов;
- организационное развитие по управлению изменениями;

- самооценка результативности бизнеса.

Как видно из данного перечня, нами к инструментам организации впервые в специальной литературе отнесены HR-технологии, появившиеся по результатам управления персоналом.

По нашему мнению, все инструменты входят в понятие «инструментарий организации», который с позиции использования методов системного подхода предопределяет инновационную стратегию организации и может быть представлен следующим образом (рис. 1).

Как видно из рис. 1 нами выделены четыре основные подсистемы в системе инструментария организации — инструменты маркетинга, менеджмента, управления качеством и управления персоналом. Последняя подсистема (инструменты управления персоналом) выступает в качестве базовой с HR-технологиями как инструментами ор-

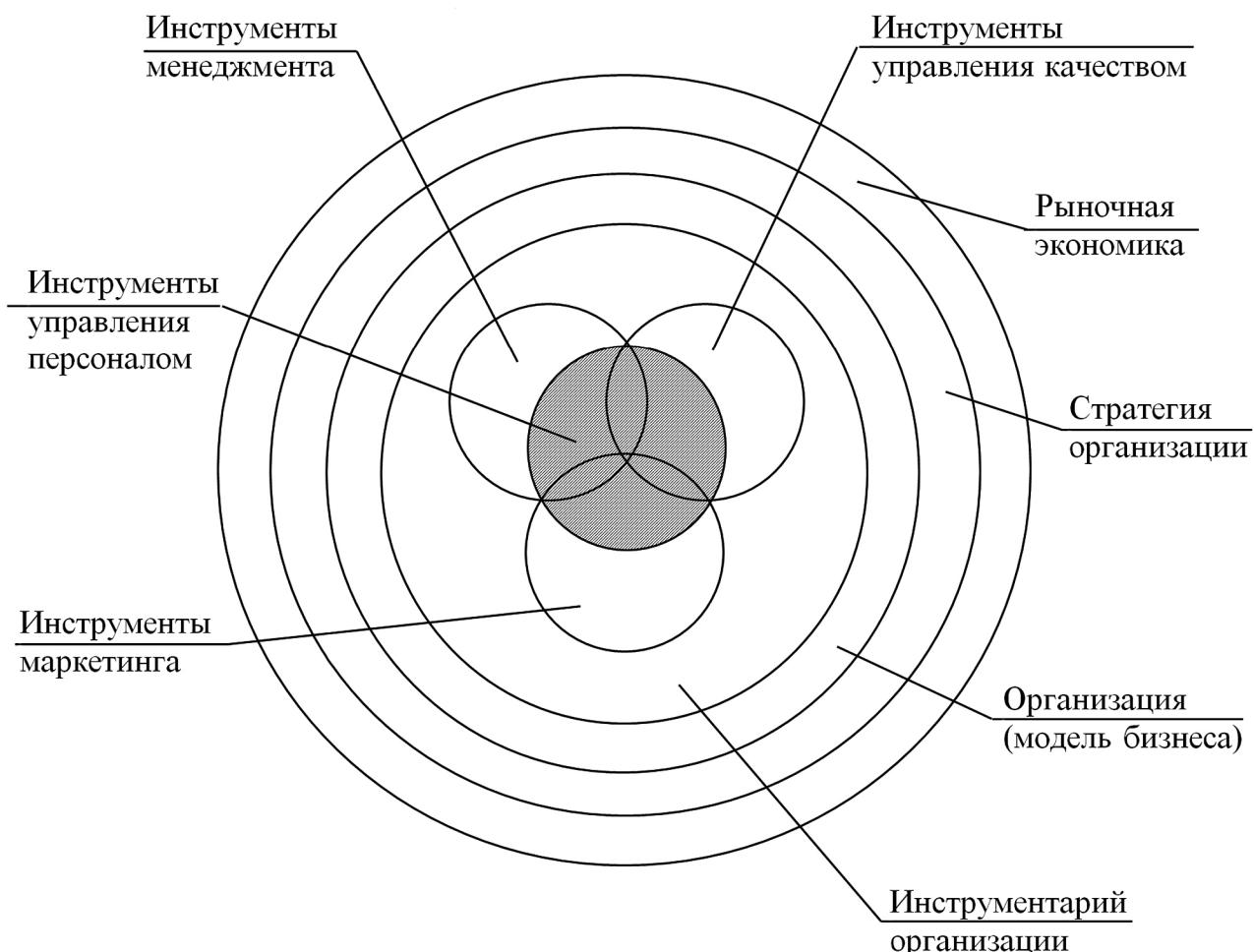

Рис. 1. Инструментарий организации

ганизации, а сама организация процессов управления человеческими ресурсами при этом способствует наращиванию компетентности организации.

Также в специальной литературе практически не называют среди инструментария организации Gap-анализ и бенчмаркинг, составляющие суть конвергентного стратегического менеджмента и продолжения SWOT-анализа в качестве когнитивного менеджмента. Но если Gap-анализ показывает не покрытые пробелы, требующие своего закрытия конкретными мероприятиями и образующимися в результате сравнения конкурентов на основе выделенных индикаторов (критериев), то бенчмаркинг представляет собой то же самое, но только анализируемый процесс (или подпроцессы, анализируемая организация) сравнивается с организацией — отраслевым лидером. В любом случае все начинается со SWOT-анализа (т. е. с когнитивного менеджмента, если инновация дает многократный положительный конечный результат), а потом с закрытия непокрытых пробелов у соответствующих индикаторов с реперным началом конвергентной части.

В перечисленных инструментах находят

свое отражение различные применяемые на практике методы оценки экономических показателей с последующим мониторингом. Приведем пример оценки результативности бизнеса организации (как его инструмента), выполненной нами в соответствии с требованиями Европейской награды за качество и подготовленными рекомендациями относительно использования российскими организациями. Показатели критерия «результаты бизнеса» приведены в табл. 1.

Исходные данные представлены в табл. 2, где каждому показателю присвоена важность в условных единицах. Общая сумма равна 15, как установленная в целом по данному критерию, а требуемый результат составляет 150 баллов.

Диаграмма резервов повышения результативности бизнеса организации показана на рис. 2. Важность каждого показателя проставляется экспертами — должностными лицами топ-менеджмента организации.

Таким образом, выполнена типовая проработка технологии самооценки результативности бизнеса, отвечающей требованиям Европейской награды за качество и соответствующим конвергентным мерам защиты от

Таблица 1

Показатели критерия «результаты бизнеса»

№ показателя	Показатель	Оценка, балл (от 0 до 1)
1	Для каждого подразделения определены ключевые финансовые показатели и показатели деятельности	
2	Определены показатели деятельности, не относящиеся к финансовой сфере	
3	Для всех типовых показателей определены цели	
4	На местах разработаны планы деятельности подразделений по достижению целей бизнеса	
5	Фактическое положение дел регулярно анализируется	
6	Все тенденции в деятельности компании хорошо понятны персоналу	
7	Применяется метод сопоставления аналогичных показателей среди различных подразделений	
8	Имеются доказательства непрерывного улучшения во всех ключевых направлениях	
9	Результаты бизнеса систематически анализируются и улучшаются так же, как и эффективность принимаемых мер	
10	Результаты оказываются удовлетворительными в сравнении с результатами конкурентов	

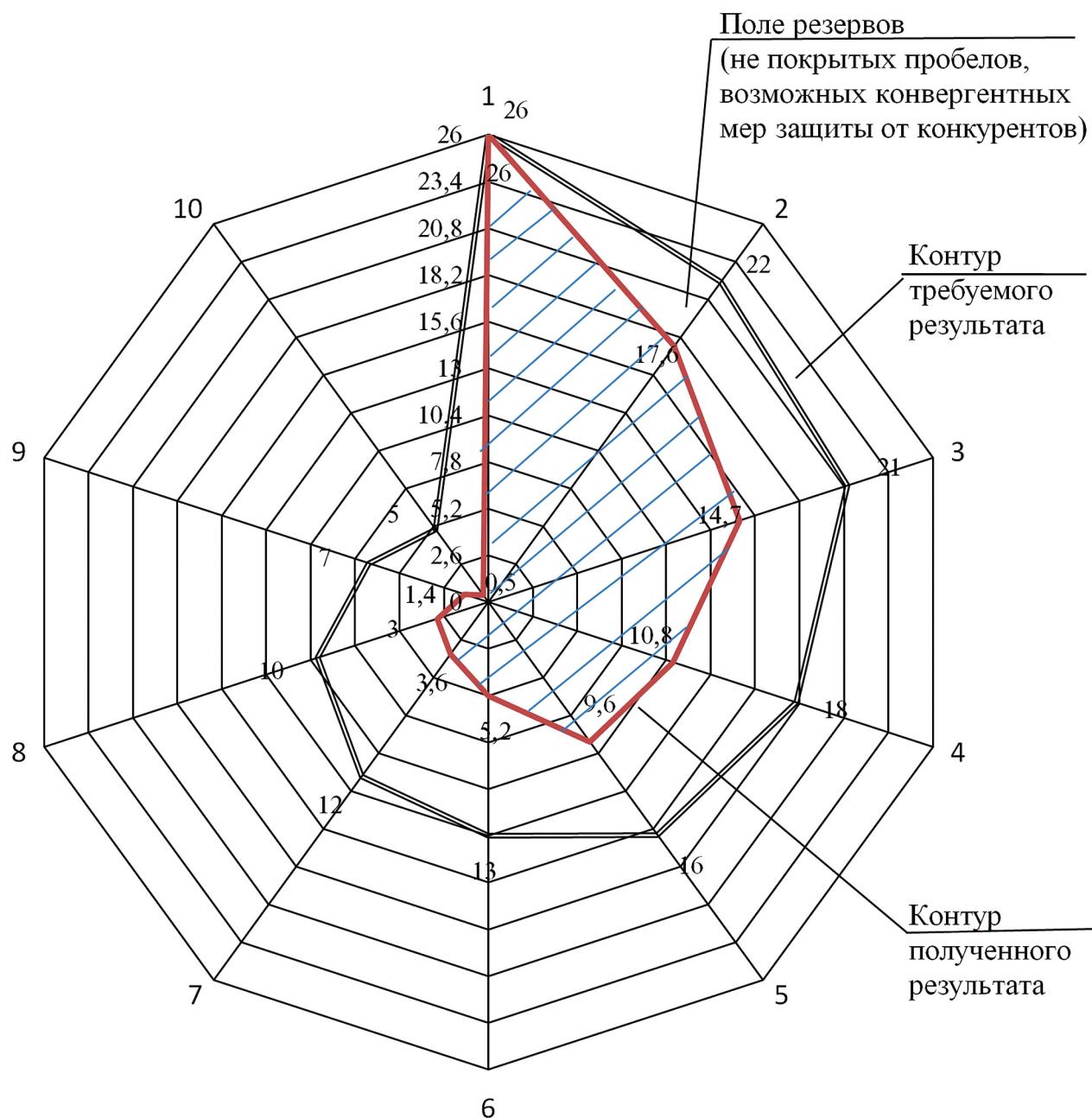

Рис. 2. Диаграмма резервов повышения результативности бизнеса организации (здесь № 1—10 — наименования показателей критерия «результаты бизнеса»)

конкурентов, отраженным в диаграмме Иси-кавы для закрытия поля не покрытых пробелов. Результативность бизнеса, равная 61,6 %, говорит о том, что организация находится на середине пути ее повышения.

Необходимо отметить, что в специальной литературе оценка качества функционирования организаций обычно смешивается с оценкой ее деятельности и представлена в следующих вариантах: с целью определения стоимости бизнеса, анализа финансового со-

стояния, анализа рентабельности производства, оценки эффективности внедрения системы менеджмента качества. В отечественной литературе представлены и методы оценки качества: товара, организации, труда, а также оценки конкурентоспособности человеческого капитала, товара, организации, вида экономической деятельности, региона, страны. Однако оценка качества функционирования организаций, и в том числе оценка результативности бизнеса, практически отсутству-

ют. Следовательно, оценка результативности бизнеса, выполненная в виде развернутой технологии, может представлять в настоящее время повышенный интерес в плане заимствования зарубежного опыта и его адаптации к российской действительности.

Таблица 2
Исходные данные для формирования
резервов повышения результативности
бизнеса организации

Код показателя	Собственный вес (важность) показателя, усл. ед.	Требуемый результат, балл	Полученный результат, балл	Результативность бизнеса, %
1	2,6	26,0	26,0	
2	2,2	22,0	17,6	
3	2,1	21,0	14,7	
4	1,8	18,0	10,8	
5	1,6	16,0	9,6	
6	1,3	13,0	5,2	
7	1,2	12,0	3,6	
8	1,0	10,0	3,0	
9	0,7	7,0	1,4	
10	0,5	5,0	0,5	
<i>Итого</i>	15,0	150,0	92,4	61,6

Таким образом, пример приведенной диаграммы выполнен исключительно в порядке изучения зарубежного опыта по одному целевому критерию («результаты бизнеса») с развернутой технологией когнитивного менеджмента, который, в свою очередь, определяется не только как система управления процессами, посредством чего знание идентифицируется, накапливается для улучшения деятельности организации, но и как процесс, приводящий к многократно повторяющимся успешным конкретным результатам от каждой новой инновации с последующей разработкой конвергентных мер защиты от конкурентов [3, с. 16—20].

Благодаря построенной диаграмме получено поле не покрытых пробелов между двумя контурами многоугольников по требуемым и полученным значениям десяти показателей,

которое можно закрыть с помощью рекомендуемых Исиевой соответствующих резервов, определить и контролировать степень результативности бизнеса. При этом рассмотренная технология может быть заимствована любой российской организацией, но с уточнением (корректировкой) топ-менеджментом перечня показателей интересующего критерия и соответствующей их значимостью (весомостью).

Также установлено, что все группы инструментов с позиции использования принципов системного подхода входят в инструментарий организации, в которой базовой, определяющей взаимосвязь всех подсистем, выступает подсистема управления персоналом. Расширение перечня инструментов организации (вместо известного и суженного) позволяет организациям применять более широкий подход ко всем существующим методам оценки и способам воздействия на бизнес-процессы, не ограничиваясь рамками групп инструментов с помощью уточненных технологий и базовой подсистемы при условии непрерывного развития человеческого капитала и продуманных инноваций, составляющих суть контента когнитивного менеджмента.

Библиографический список

1. Герасимова Е.Б., Герасимов Б.И., Сизикин А.Ю. Управление качеством: учеб. пособие / под ред. Б.И. Герасимова. 4-е изд., испр. и доп. М., 2017.
2. Горбашко Е.А. Управление качеством: учебник. 2-е изд. испр. и доп. М., 2016.
3. Молочников Н.Р. К вопросу о взаимосвязи когнитивного и конвергентного стратегического менеджмента // Казанский экономический вестник. 2020. № 3 (47). С. 16—20.
4. Окрепилов В.В. Управление качеством: учебник. 2-е изд. М., 1998.
5. Патфуллин Г.Р., Райченко А.В. Теория организаций: учебник для вузов. СПб., 2007.
6. Фатхутдинов Р.А. Производственный менеджмент: Краткий курс. СПб., 2004.

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКИ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ЗАНЯТОСТИ В СЕКТОРЕ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ¹

В.В. ЗАБОЛОЦКАЯ, кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики и менеджмента,
Кубанский государственный университет
e-mail: zvikky90@gmail.com

Г.И. ФОЩАН, кандидат экономических наук, доцент кафедры теоретической экономики,
Кубанский государственный университет
e-mail: foshan@mail.ru

Т.С. ШАКИРОВА, магистрант кафедры мировой экономики и менеджмента,
Кубанский государственный университет
e-mail: tanya-shakirova@mail.ru

Аннотация

В статье изучены особенности регионального государственного финансирования и развития малого и среднего предпринимательства (МСП) Краснодарского края, в том числе в период коронавирусной пандемии (COVID-19). С помощью эконометрического моделирования проведена оценка эффективности региональной финансовой поддержки предприятий малого и среднего бизнеса Краснодарского края (по ключевому показателю — численности занятых на предприятиях малого и среднего бизнеса (включая ИП)). Результаты моделирования показали высокую зависимость роста занятости в секторе МСП Кубани от объемов их федеральной и краевой финансовой поддержки и девальвации национальной валюты, построен среднесрочный прогноз роста занятости в секторе МСП края до 2023 г.

Ключевые слова: Краснодарский край, малое и среднее предпринимательство, меры финансовой поддержки, занятость, коронавирусная инфекция, девальвация, динамическая эконометрическая модель с распределенным лагом.

DOI: 10.31429/2224042X_2021_62_48

Малое и среднее предпринимательство (МСП) и формы его финансовой поддержки являются предметом исследований многих отечественных [4; 13; 21; 27] и зарубежных экономистов и аналитиков [31—33]. Однако,

системных исследований особенностей его развития в регионах РФ все еще недостаточно [20; 29; 32], и они в основном носят фрагментарный характер.

Целью исследования является анализ особенностей развития сектора МСП Краснодарского края и прогнозирование занятости в секторе МСП в зависимости от мер и видов их региональной поддержки в среднесрочном периоде.

Государственная поддержка малого и среднего бизнеса в Краснодарском крае в условиях пандемии коронавирусной инфекции

Краснодарский край является регионом с высоким потенциалом экономического развития [18; 21].

Динамика изменения валового регионального продукта (ВРП) края как ключевого показателя экономического развития за период 2007—2020 гг. представлена на рис. 1. Как видно из рисунка, базисные темпы роста по отношению к 2007 г.росли, а цепные темпы роста ВРП практически не изменились.

Краснодарский край обладает значительным трудовым и предпринимательским потенциалом. В 2020 г. численность населения

¹Исследование выполнено при финансировании РФФИ и Краснодарского края (грант № 19-410-230060-п_a).

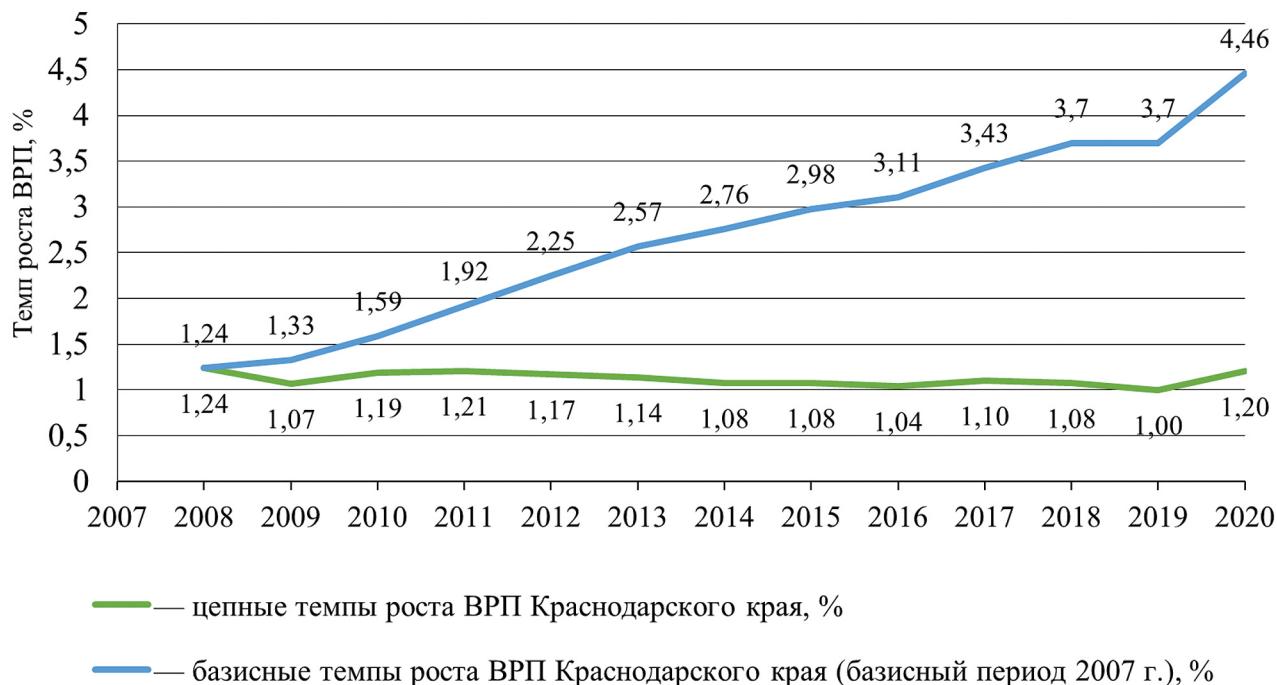

Рис. 1. Цепные и базисные темпы роста ВРП Краснодарского края за 2008—2020 гг. (рассчитано авторами по данным Федеральной службы статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея)

края по сравнению с 2019 г. увеличилась на 15,8 тыс. чел. и составила 5675,5 тыс. чел. [16], при этом доля городского населения в 2020 г. достигла 55,35 %.

Регион является одним из лидеров в развитии МСП в России. Доля вклада кубанских МСП в ВРП в 2019 г. составила 33 % [5]. К 2024 г. данный показатель планируется увеличить до 50 % [18].

На рис. 2 представлено количество предприятий МСП Кубани за 6 лет. Как видно из рис. 2, количество субъектов МСП Кубани начиная с 2015 г. практически не увеличивалось. В 2020 г. количество предприятий МСП края незначительно снизилось по отношению к 2015 г. На начало 2021 г. в регионе насчитывалось 261,3 тыс. МСП (более 72 тыс. юридических лиц и свыше 189 тыс. индивидуальных предпринимателей (ИП)). При этом, в 2020 г. произошло снижение количества ИП на 11 тыс. ед. и рост юридических лиц на 2 тыс. ед.

В 2019 г. Краснодарский край принимал участие в реализации 11 Национальных проектов (НП), в том числе в НП «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» [28]. Для реализации указан-

ных НП было разработано 48 региональных программ. В 2019 г. совокупный объем их финансирования составил 24 млрд р., а в 2020 г. — 32 млрд р. Регион досрочно выполнил целевые показатели НП по льготному финансированию МСП [10; 28].

Многоканальная поддержка кубанских МСП осуществляется в рамках региональной программы «Социально-экономическое и инновационное развитие Краснодарского края» [19] и подпрограммы «Государственная поддержка малого и среднего предпринимательства в Краснодарском крае». Ключевыми показателями оценки эффективности этих программ являются [19]:

- количество субъектов МСП (включая ИП) в расчете на 1 тыс. чел. в крае;
- количество вновь созданных рабочих мест (включая вновь зарегистрированных ИП) в сфере малого и среднего бизнеса;
- уровень инновационной активности организаций;
- доля обрабатывающей промышленности в обороте МСП;
- доля кредитов субъектам МСП в общем кредитном портфеле юридических лиц и ИП;
- оборот (выручка) МСП, в том числе об-

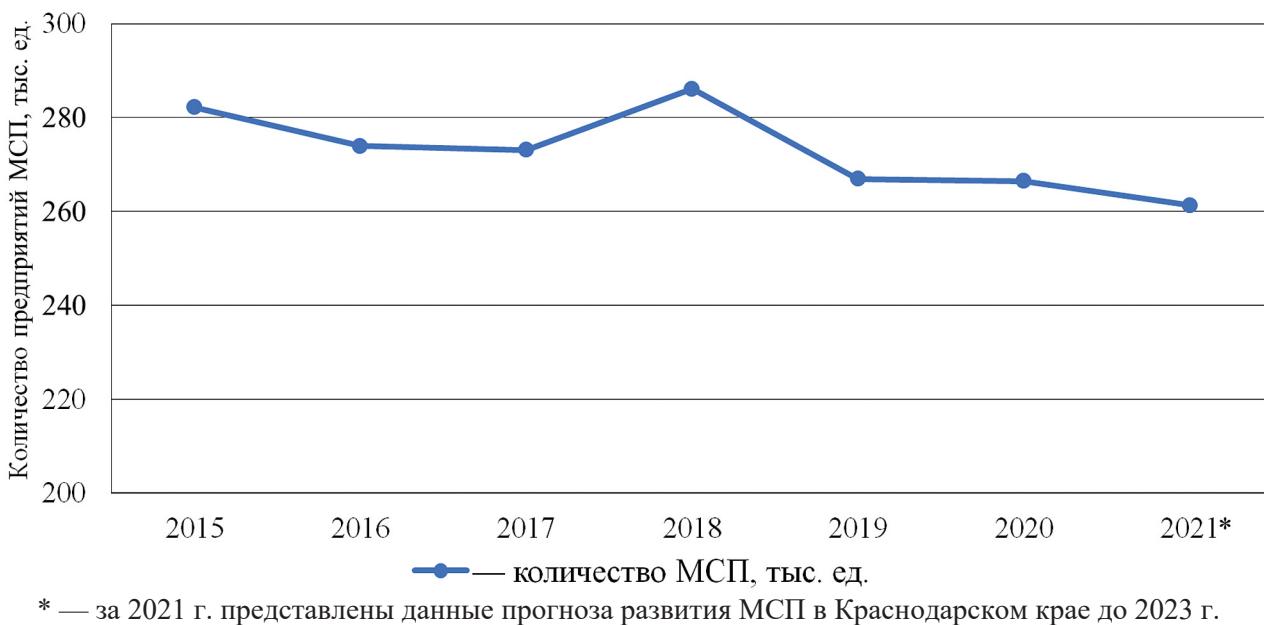

Рис. 2. Динамика количества субъектов МСП в Краснодарском крае за 2015—2021 гг. (по данным Единого реестра МСП Управления федеральной службы статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея и Интернет-портала МСП на Кубани «Мой бизнес»)

рот в расчете на 1 работника субъекта МСП (в постоянных ценах);

- коэффициент «рождаемости» (количество созданных в отчетном периоде МСП на 1 тыс. действующих на дату окончания отчетного периода малых и средних предприятий);

- численность занятых на предприятиях малого и среднего бизнеса (включая ИП);

- количество субъектов МСП и самозанятых граждан, получивших поддержку в рамках Федерального проекта «Акселерация субъектов малого и среднего предпринимательства»;

- количество выдаваемых микрозаймов некоммерческой микрокредитной компанией (МФО) субъектам МСП и общая сумма выданных МФО микрозаймов (нарастающим итогом).

В 2019 г. финансирование основных мероприятий региональной программы поддержки МСП составило 1421,06 млн р. [1; 2], т. е. годовой рост финансирования по сравнению с предыдущим годом составил 4,45 раза.

Для сектора МСП в Краснодарском крае было предусмотрено несколько основных видов поддержки [19]: «...финансовая (в форме субсидии, микрозаймов и кредитов, пору-

чительств и лизинга); информационно-консультационная (семинары, тренинги, участие МСП в выставках), имущественная поддержка; поддержка в области подготовки (переподготовки и повышения квалификации) кадров; поддержка промышленного производства, ремесленничества и инноваций; поддержка МСП, осуществляющих внешнеэкономическую и / или сельскохозяйственную деятельность».

Значительное внимание в крае уделяют совершенствованию региональной законодательно-правовой базы для развития различных форм предпринимательства, а также поддержке предприятий МСП в условиях коронавирусной инфекции (COVID-19). В 2019 г. Законодательным Собранием края в региональной законодательно-нормативной базе было введено понятие «социальное предпринимательство» и закреплен его статус. В 2020 г. был создан Реестр организаций социального предпринимательства. На основании регионального законодательства были предусмотрены меры поддержки социально-ориентированных МСП «...с долей инвалидов не менее 50 % от всех работников, при условии, что доля оплаты их труда в общем

фонде оплаты труда должна составлять не менее 25 %» [7; 15].

В связи с пандемией вируса COVID-19 в регионе был расширен действующий федеральный перечень признанных пострадавшими в период коронавирусной инфекции. Краснодарский край — единственный субъект РФ, который ввел региональный перечень ОК-

ВЭД, пострадавших отраслей от COVID-19, который включает 26 видов деятельности субъектов МСП [8]. В результате этого около 100 тыс. МСП [26] ($\frac{1}{3}$ всех кубанских предприятий малого и среднего бизнеса) были отнесены к категории пострадавших от коронавирусной инфекции.

В табл. 1 представлены антикризисные

Таблица 1

Классификация региональных антикризисных мер поддержки МСП в Краснодарском крае в период пандемии коронавирусной инфекции* (составлено авторами [12; 23])

Мера поддержки МСП	Краткая характеристика
Снижение (обнуление) налоговых и страховых платежей для субъектов МСП, отнесенных к числу пострадавших в регионе	Снижение до 3 % налоговых ставок при упрощенной системе налогообложения (объект налогообложения — «доходы») и до 7,5 % с объектом налогообложения «доходы, уменьшенные на величину расходов») Полное освобождение МСП от части налогов регионального уровня (освобождение от налогов, сборов, страховых взносов за II кв. 2020 г.)
Отсрочка налоговых платежей	Сдвиг сроков (от 3 до 9 мес.) уплаты налоговых взносов (в том числе авансовых) по выплатам налогов на имущество организаций, земельного налога, а также налогов по патентной, упрощенной системам и Единого налога на вмененный доход (ЕНВД)**
Налоговые каникулы для МСП, осуществляющих деятельность в пострадавших отраслях	Получение отсрочки (свыше 6 мес.) или рассрочки по налогам и страховым выплатам при условии снижения выручки от 20 до 50 % (за исключением налога на добавленную стоимость (НДС), налога на добычу полезных ископаемых, акцизов и налога на дополнительный доход от добычи углеводородного сырья)
Снижение (обнуление) арендных платежей	Предоставление скидок на оплату арендных платежей для пострадавших МСП, в том числе арендующих региональное или муниципальное имущество. В частности, 50 % снижение размера арендных платежей для МСП санаторно-курортного сектора, арендующих недвижимость и земельные участки, находящихся как в государственной, так и в муниципальной собственности
Отсрочка арендных платежей для МСП пострадавших отраслей	Сдвиг срока внесения арендных платежей, в том числе для малых и средних предприятий, арендующих региональное или муниципальное имущество
Субсидии	Субсидии из регионального бюджета для пострадавших или социально значимых видов экономической деятельности МСП Освобождение МСП от выплаты налога на субсидию
Приостановка проверок бизнеса и применения налоговых санкций	Мораторий на проведение проверок и налоговых санкций субъектов МСП со стороны подведомственных надзорных органов
Приостановка процедур банкротства	Мораторий приема заявлений на банкротство (с 16.03.2020 г.) для всех МСП
Меры поддержки занятости бизнеса для МСП для пострадавших отраслей	Предоставление льготных кредитов и микрозаймов

Примечание: * — для субъектов МСП, зарегистрированных в Едином реестре МСП РФ; ** — с 2021 г. ЕНВД был отменен.

меры для сектора МСП и их краткое описание.

Согласно проведенному анализу официальных источников администрации Краснодарского края, с 2019 г. единовременную субсидию на поддержку занятости в секторе МСП пострадавших отраслей получили 39 тыс. бизнесменов Кубани на общую сумму 1,45 млрд р. [12; 23]. Суммарные объемы антикризисных мер противодействия коронавирусной инфекции в Краснодарском крае составили 21 млрд р., из них отсрочка по уплате налогов составила свыше 10 млрд р. [23].

В период коронавирусного кризиса кубанские МСП стали активнее использовать кредитные продукты «Фонда микрофинансирования Краснодарского края» и «Фонда развития Краснодарского края». Им был увеличен максимальный срок (до 3) лет и максимальный размер предоставления микрозаймов — до 5 млн р. [24]. В 2020 г. фондом было предоставлено микрозаймов на сумму 2,5 млрд р. [6; 10], что на 1,2 млрд р. больше объемов кредитования предыдущего года. Для МСП Фондом развития бизнеса было выдано рекордное количество поручительств на 1,6 млрд р. и кредитов на 2,3 млрд р.

Тем не менее нельзя считать поддержку в Краснодарском крае в части противодействия коронавирусной пандемии, в том числе и сектора МСП, высокоэффективной. Край не вошел в число регионов — лидеров по разнообразию мер поддержки противодействия COVID-19 [3, с. 14].

В регионе до сих пор существует ряд факторов, препятствующих достижению сектором МСП высоких целевых показателей, установленных «Стратегией социально-экономического положения Краснодарского края». К таким проблемам следует отнести:

- отрицательное влияние коронавирусной инфекции на сектор МСП;
- повышение курса доллара США и евро;
- низкий уровень квалификации кадров и финансовой грамотности субъектов МСП;
- недостаток инвестиций в сектор МСП;

– отраслевая деформация субъектов МСП в регионе;

– низкая доля научноемких, социальных и экспортноориентированных предприятий;

– устаревшая материально-техническая база на сельскохозяйственных предприятиях МСП;

– низкая доля внедрения инноваций в сельскохозяйственную деятельность субъектов МСП;

– сложная процедура получения финансовой поддержки, связанная с предоставлением большого количества аналитической информации о деятельности субъекта МСП;

– низкая информативность мер поддержки МСП в общедоступных источниках информации;

– постоянные камеральные, встречные проверки налоговых инспекций, снижающие доверие предпринимателей к государственным мерам поддержки.

На Кубани наблюдается высокая конкуренция среди предприятий МСП в отдельных отраслях. Сравнение МСП Кубани по видам экономической деятельности в 2018 и 2020 г. представлено на рис. 3.

Из диаграмм (рис. 3) видно, что кубанские предприятия малого и среднего бизнеса доминируют в таких сферах и отраслях, как: торговля и ремонт, строительство, операции с недвижимостью, гостиничный бизнес. За анализируемый период произошел рост доли предприятий сферы торговли на 19 %, сельского и лесного хозяйства, рыболовства на 5 % и снижение доли строительства на 5 %. Это свидетельствует о существовании отраслевой деформации в секторе МСП края.

Объемов финансовой поддержки МСП недостаточно для обеспечения высоких целевых показателей. В 2020 г. Краснодарский край вошел в топ-10 самых скрупых городов и регионов РФ, заняв 3-е место после г. Санкт-Петербурга и Республики Марий Эл (рис. 4).

В «Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 года»

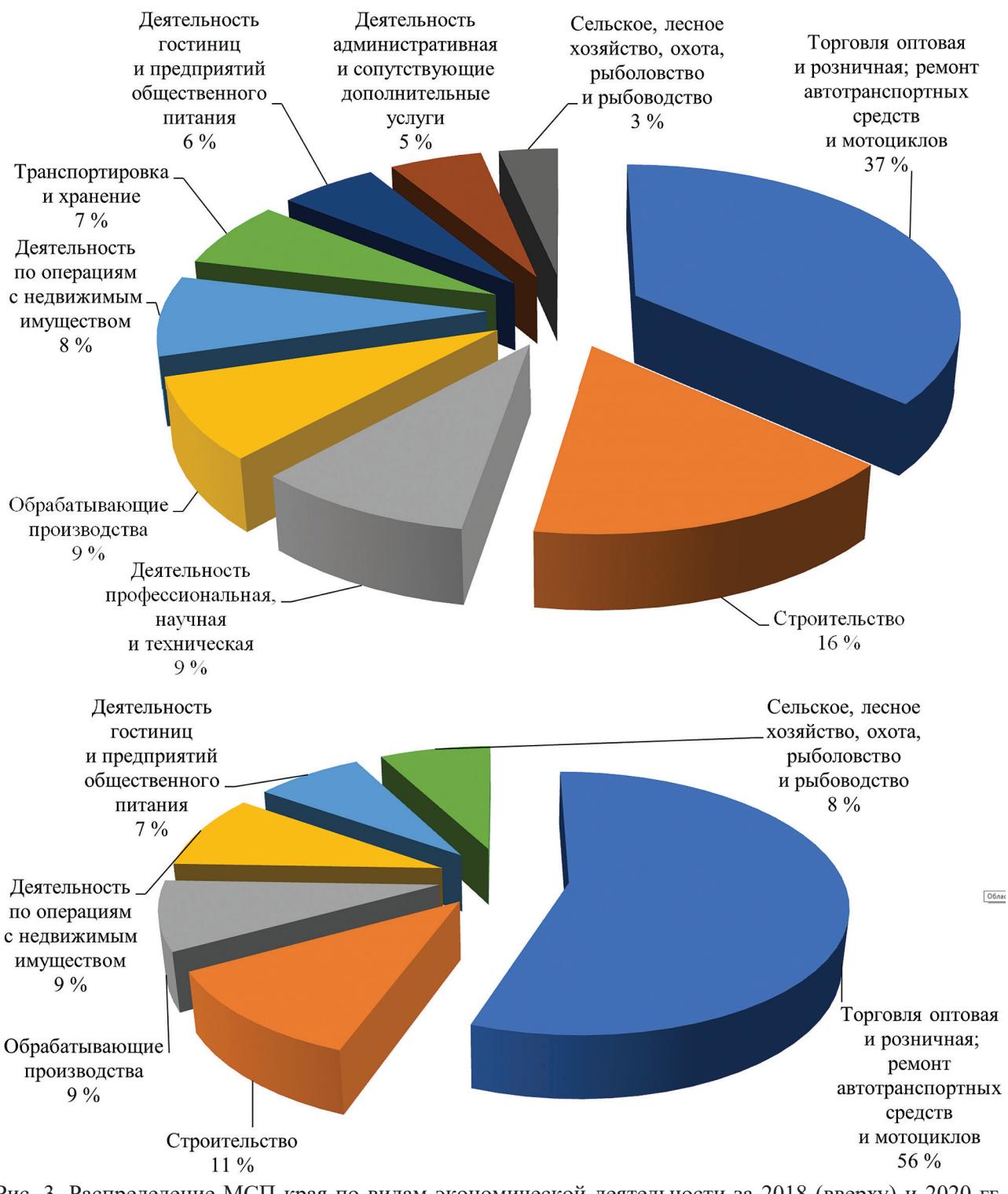

Рис. 3. Распределение МСП края по видам экономической деятельности за 2018 (вверху) и 2020 гг. (внизу) (рассчитано авторами по данным Единого реестра МСП РФ)

предусмотрено увеличение количества МСП на 36 % и рост занятых до 1 млн чел. [19]. Для их достижения администрацией края и уполномоченными органами региона были предприняты особые меры, направленные на увеличение поддержки сектора МСП.

Оценка и прогнозирование влияния региональной финансовой поддержки на рост занятости в секторе МСП Краснодарского края

С использованием методологии и алгоритма, разработанного ранее [25, с. 223—230],

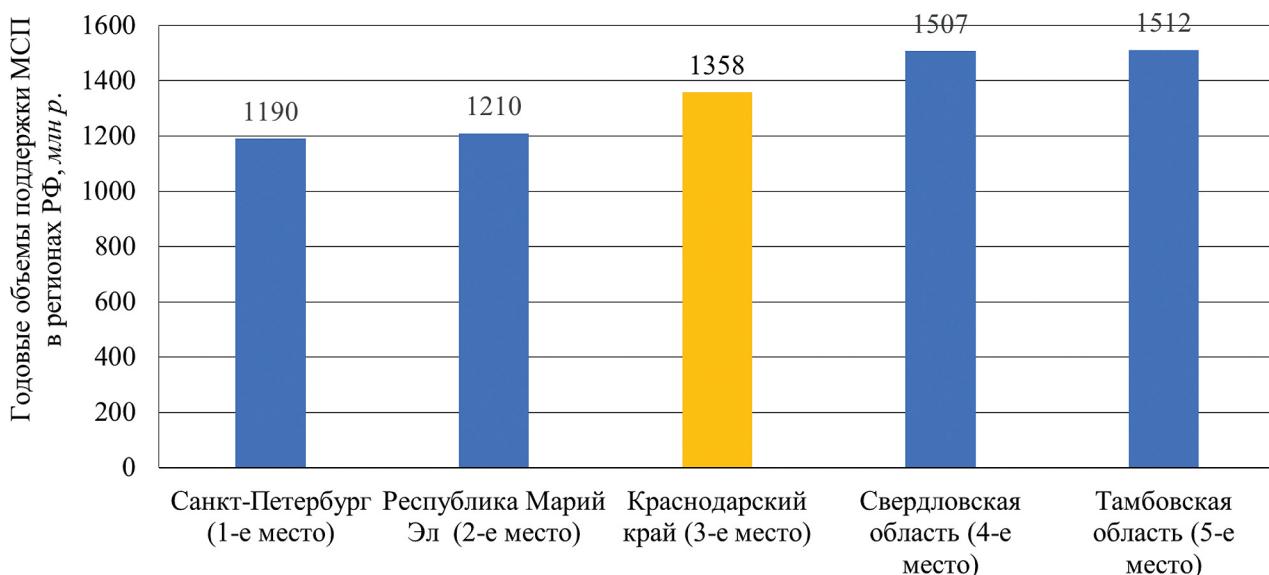

Рис. 4. Место Краснодарского края в пятерке регионов и городов с самым низким уровнем регионального финансирования субъектов МСП в 2020 г. (из расчета на 1 субъект МСП), р. (составлено авторами по [30])

проведем оценку эффективности региональной финансовой поддержки МСП Краснодарского края и ее влияние на количество занятых работников на предприятиях МСП края за период 2010—2020 гг. и составим среднесрочный прогноз роста занятости в секторе МСП Кубани до 2023 г.

В качестве исходных экономических пока-

зателей используем экзогенные переменные за период с 2010 по 2020 г.: среднегодовой курс доллара США к рублю $X_{1,t}$, ежегодные совокупные объемы региональной финансовой поддержки МСП Краснодарского края $X_{2,t}$ (млн р.). В качестве эндогенной переменной примем занятость в секторе МСП Краснодарского края Y_t (чел.) (рис. 5).

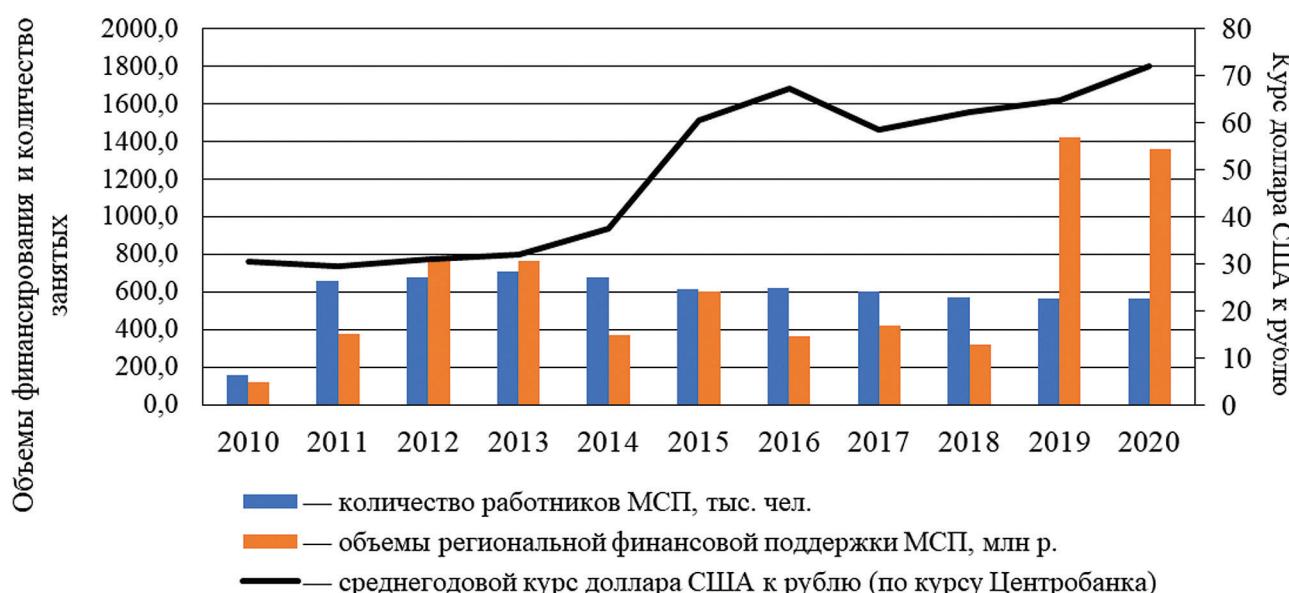

Рис. 5. Исходные экзогенные и эндогенные переменные для эконометрического моделирования (рассчитано авторами по официальным данным ежегодных «Аналитических записок о ходе реализации подпрограмм государственной программы «Социально-экономическое и инновационное развитие Краснодарского края» по итогам с 2010 по 2019 г.; данным Единого реестра МСП РФ [14])

Для построения и анализа связей между экзогенными и эндогенными переменными воспользуемся эконометрическим программным обеспечением *EViews 10*¹. Исходные данные были прологарифмированы.

Анализ идентификации типа модели с использованием тестов Энгла — Грэнджера; автокорреляционной (*Auto-correlation function — ACF*) и частной автокорреляционной функций (*Partial autocorrelation function — PACF*), а также тестов Дики — Фуллера (*ADF*) и Эллиота, Ротенберга и Стока (*DF-GLS*) показал, что модель является *динамической эконометрической моделью с распределенным лагом*².

На основе результатов тестирования данных была построена динамическая эконометрическая модель с распределенным лагом:

$$M_{KR} \div \ln Y_t = 13,41 - 0,02t - 0,07 \ln X_{1,t} + 0,06 \ln X_{2,t-1},$$

где $\ln Y_t$ — количество занятых в секторе МСП Краснодарского края; $\ln X_{2,t-1}$ — объемы региональной финансовой поддержки МСП Краснодарского края за прошедший период; $\ln X_{1,t}$ — среднегодовой курс доллара США к рублю.

Итоговые результаты моделирования влияния государственной поддержки МСП Краснодарского края и среднегодового курса доллара США к рублю на рост занятости в секторе МСП Кубани представлен в табл. 2.

Построенная модель является статистически значимой с коэффициентом аппроксимации (для исходных данных) 0,89 %, а коэффициент детерминации составляет 97 %.

Рассчитанные коэффициенты модели показывают: рост среднегодового курса доллара к рублю на 1 % приводит к снижению занятости в секторе МСП на 0,07 %, а увеличение на 1 % объемов региональной финансовой

поддержки субъектов МСП Краснодарского края к увеличению количества занятых в этом секторе на 0,06 %.

На рис. 6 представлена экстраполяция сценариев влияния объемов региональной поддержки МСП на уровень занятости, при минимальном, максимальном и среднем курсе дол. США к рублю за 2010—2020 гг.

Как видно из рис. 6, за 2010—2020 гг. занятость в секторе МСП Краснодарского края демонстрировала ниспадающий тренд, который значительно усилился, начиная с 2014 г. за счет девальвации национальной валюты по отношению к доллару США. (Если бы курс доллара США оставался на уровне 2010 г., количество занятых в секторе в 2020 г. составило бы не 595 288 чел., а 634 534 чел.).

На рис. 7 представлена зависимость фактических, моделируемых и прогнозных значений количества занятых в секторе МСП Краснодарского края от роста региональной финансовой поддержки в крае за 2011—2023 гг. с использованием прогнозных курсов Министерства экономического развития [30] и плановых объемов финансирования МСП подпрограммы «Государственная поддержка малого и среднего предпринимательства в Краснодарском крае до 2025 г.» [19].

Как видно из рис. 7, при выделенной государственной финансовой поддержки МСП за 2020 г. в объеме 1 358 млн р. количество занятых составило 585 288 чел., что близко к фактическим. С 2021 г. прогнозное значение количества занятых в МСП будет снижаться: в 2021 г. оно составит 580 722 чел., в 2022 г. — 515 536 чел., а в 2023 г. — 514 861 чел. После опубликования прогнозных курсов доллара США к рублю на 2024 и 2025 г., эконометрическая модель позволит составить прогноз изменения количества занятых в секторе МСП края до 2025 г.

¹*EViews 10* — эконометрическое программное обеспечение, позволяющее управлять данными, выполнять эконометрический и статистический анализ, генерировать прогнозы или моделирование, а также создавать высококачественные графики и таблицы.

²Данные расчетов идентификации модели предоставляются редакцией по запросу.

Таблица 2

Результаты моделирования данных и показатели качества модели (рассчитано авторами)

Название переменной модели	Обозначение переменной	M_{KR} $\ln Y_t$
Среднегодовой курс доллара к рублю, p .	$\ln X_{1,t}$	-0,07 (-2,24*)
Совокупная государственная поддержка МСП Краснодарского края за прошедший период, млн p .	$\ln X_{2,t-1}$	0,06 (6,32*)
Константа	C	13,41 (111,31*)
Тренд	t	-0,02 (-4,46*)
Количество наблюдений, лет	n	9
<i>Показатели (критерии) оценки качества модели</i>		
Коэффициент аппроксимации для исходных данных	A	0,89 %
Скорректированный коэффициент детерминации	Adjusted R-squared	0,966
<i>Статистические тесты на основные предпосылки регрессионного анализа</i>		
Тест Брайша-Годфри**	F-statistic = 1,298	Probability 0,318
	Obs*R-squared = 2,205	0,138
ARCH тест***	F-statistic = 0,026	0,877
	Obs*R-squared = 0,034	0,853
Статистика Харке-Бера****	JB-statistic = 0,325	0,85

Примечание: * — значения *t-statistics* представленных коэффициентов значимы на 5% уровне; ** — тест, определяющий гомоскедастичность остатков модели; *** — тест на отсутствие автокорреляции в остатках; **** — тест для проверки нормального закона распределения эконометрической модели.

Таким образом, как показало исследование, в Краснодарском крае сформировалась многоканальная система региональной финансовой поддержки и развития субъектов МСП края. Субъекты МСП края зависят зависимости от роста объемов и эффективности распределения финансовой поддержки предприятий, а усиление девальвации российского рубля отрицательно оказывается на росте занятости на предприятиях сектора МСП Кубани.

Для достижения целевых показателей «Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 года» и устранения проблем деформации структуры сектора МСП на Кубани необходимо проведение дальнейшей диверсификации и повышение адресности распределения финансирования в пользу регламентированных в Стратегии (ин-

новационных, социально- и экспортно ориентированных) категорий МСП.

Библиографический список

1. Аналитическая записка о ходе реализации подпрограмм государственной программы Краснодарского края «Социально-экономическое и инновационное развитие Краснодарского края», координируемой департаментом инвестиций и развития малого и среднего предпринимательства Краснодарского края по итогам 2018 года. URL: <http://www.mbkuban.ru/documents/realizatsiya-programm-gosudarstvennoy-podderzhki/>.

2. Аналитическая записка о ходе реализации подпрограмм государственной программы Краснодарского края «Социально-экономическое и инновационное развитие

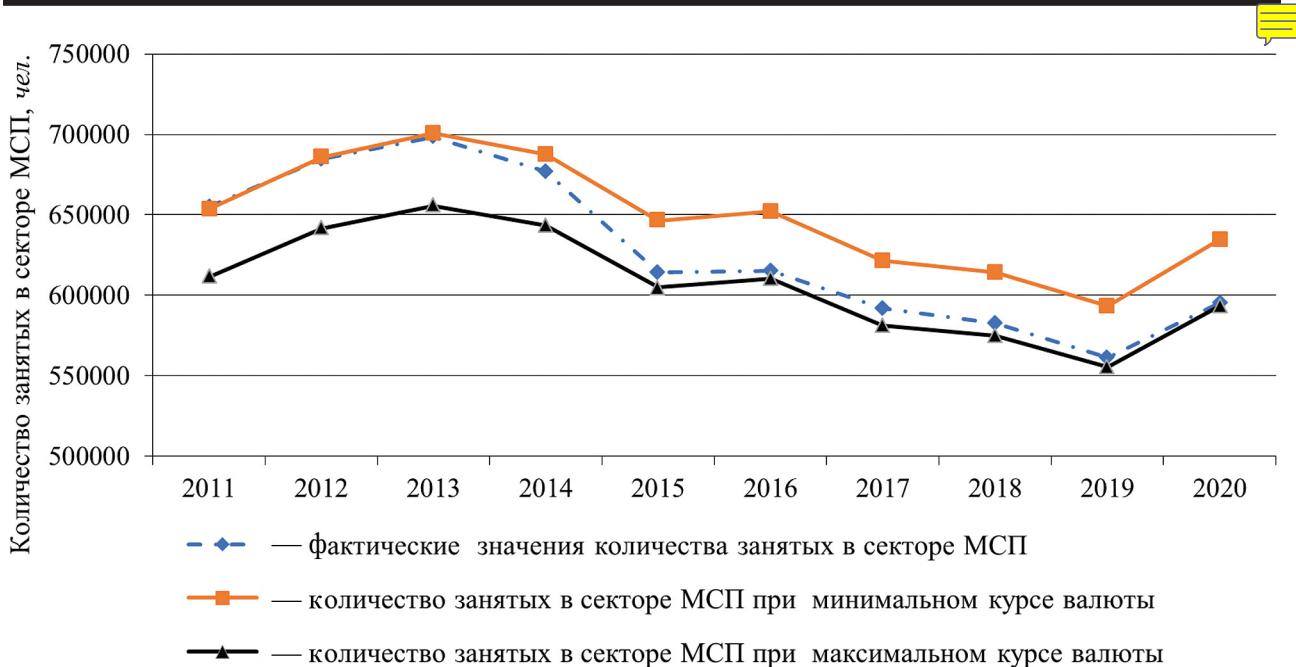

Рис. 6. Фактические и моделируемые значения роста количества занятых в секторе МСП Краснодарского края в зависимости от минимального и максимального курсов доллара США за 2011—2020 гг., чел. (рассчитано авторами)

Примечание: минимальный среднегодовой курс доллара США к рублю (по курсу ЦБ РФ) составлял 30,36 (2010 г.), максимальный — 74,7 (2021 г.).

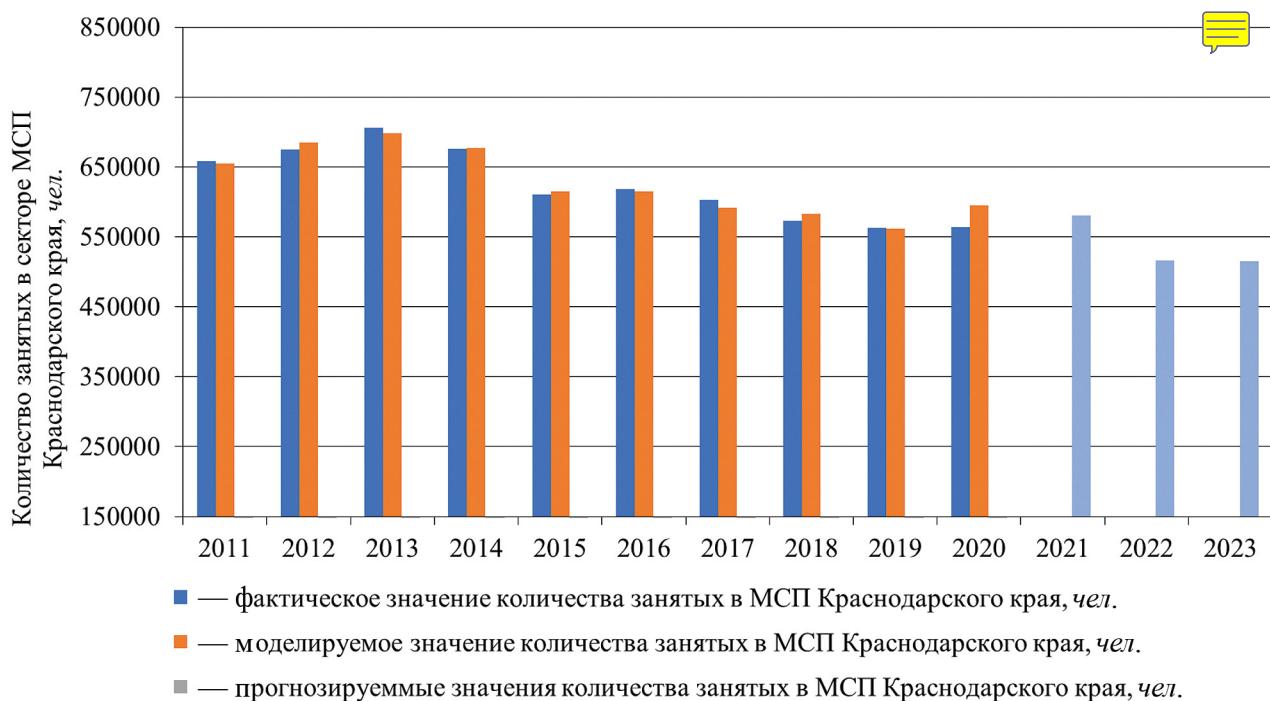

Рис. 7. Фактические, моделируемые и прогнозные значения роста занятых в секторе МСП Краснодарского края в зависимости от объемов региональной финансовой поддержки и девальвации российского рубля за 2011—2023 гг. (рассчитано авторами)

Краснодарского края», координируемых департаментом инвестиций и развития малого

и среднего предпринимательства Краснодарского края за 2019 год. URL: [2 \(62\) 2021](http://www.</p>
</div>
<div data-bbox=)

mbkuban.ru/documents/realizatsiya-programm-gosudarstvennoy-podderzhki/.

3. Аналитический обзор «Между Сциллой и Харибдой: как российские регионы справляются с экономическими последствиями пандемии». Национальное рейтинговое агентство. URL: https://www.ranational.ru/sites/default/files/Review_Regions%20during%20COVID_NRA_June%202020.pdf.

4. Белозёров С.А., Заболоцкая В.В. Государственное стимулирование инновационной деятельности в Швейцарии и России // Современная Европа. 2021. № 1. С. 1—13.

5. Большая поддержка малого: как на Кубани помогают МСП. URL: <https://www.dg-yug.ru/article/108590.html>.

6. Большое в «малом»: как на Кубани получить поддержку малому и среднему бизнесу. URL: <https://krasnodarmedia.su/news/906722/>.

7. В Краснодарском крае в 2020 году создадут реестр социальных предпринимателей. URL: <https://tass.ru/msp/7062518>.

8. Власти Кубани оценили число пострадавших от коронавируса предпринимателей. URL: <https://kuban.rbc.ru/krasnodar/22/05/2020/5ec7bd8c9a794743f753070d>.

9. Зелинская М.В., Медведева О.В. Субсидирование как инструмент государственной поддержки малого и среднего предпринимательства // Научный журнал КубГАУ. 2016. № 123 (09). С. 1—15.

10. Как регионы России могут поддержать бизнес в условиях пандемии и кризиса экономики. URL: <https://vostokmedia.com/article/general/27-04-2020/kak-regiony-rossii-mogut-podderzhat-biznes-v-usloviyah-pandemii-i-krizisa-ekonomiki>.

11. Какие субсидии могут получить малые предприятия Кубани. URL: <https://xn--90aifddrld7a.xn--p1ai/smi/kakie-subsidii-mogut-poluchit-malye-predpriyatiya-kubani>.

12. Коронный удар: потери бюджета Кубани от пандемии достигли ₽21 млрд. URL: <https://kuban.rbc.ru/krasnodar/12/05/2020/5eba618d9a79474cdfbad119>.

13. Кузнецов Ю.В., Быкова Н.В. Эффективность государственной поддержки малого предпринимательства в России // Финансы:

теория и практика. 2017. № 21 (6). С. 50—59.

14. Курсы валют (доллар, евро) в 2000 году. URL: <https://www.kurs.metrinfo.ru/kurs/2000-1-3/#start>.

15. Об утверждении государственной программы «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия в Краснодарском крае»: постановление главы Администрации (губернатора) Краснодарского края № 944 (в ред. от 10.03.2020 г.). URL: <http://docs.cntd.ru/document/430643160>.

16. О положении на рынке труда Краснодарского края на 1 февраля 2020 г. URL: <https://kubzan.ru/Documents/Detail/f3aa948a-110c-47ec-8a5c-e83a31cb5a04/>.

17. О развитии малого и среднего предпринимательства в Краснодарском крае: закон Краснодарского края от 4 апреля 2008 г. № 1448-КЗ (с изм. на 29 декабря 2020 г.). URL: <https://docs.cntd.ru/document/461601781>.

18. О Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 года. Закон Краснодарского края от 21 декабря 2018 г. № 3930-КЗ (с изм. 9 декабря 2020 г.). URL: <https://docs.cntd.ru/document/550301926>.

19. Паспорт государственной программы Краснодарского края «Социально-экономическое и инновационное развитие Краснодарского края». URL: <https://economy.krasnodar.ru/gos-prog-kk/the-programme-coordinated-by-the-ministry-of-seiin-razv/>.

20. Петровская А.В., Ермакова Ю.С. Малый бизнес в условиях пандемии: проблемы и пути решения // Экономика: теория и практика. 2020. № 2 (58). С. 133—139.

21. Плешаков Г.Г. Факторы формирования и развития региональной предпринимательской среды: дис. ... канд. экон. наук. Воронеж, 2020.

22. Плешакова М.В. Анализ предпринимательского климата Краснодарского края // Экономика: теория и практика. 2014. № 2 (34). С. 43—47.

23. Поддержка бизнеса в условиях COVID-19. URL: <http://www.mbkuban.ru/covid/#bizsupport>.

24. Правила предоставления микрозаймов физическим лицам, применяющим специ-

альный налоговый режим НПД, субъектам малого и среднего предпринимательства, организациям инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства Краснодарского края унитарной некоммерческой организацией — микрокредитной компанией «Фонд микрофинансирования субъектов малого и среднего предпринимательства Краснодарского края». URL: https://fmkk.ru/upload/iblock/e12/pravila_31.03.2021.pdf.

25. Рыночные трансформации: новые бизнес-модели, инновационные технологии, практика решений: монография / под ред. В.А. Сидорова, В.С. Ядгарова, В.В. Чапля. Л., 2021.

26. Тамразян А. Импульс к оживлению // Юг Times. URL: <https://yugtimes.com/news/58177/>.

27. Туманянц К.А., Синицына Е.Д., Фишер О.В. Количественная оценка результативности влияния государственных субсидий на развитие малого предпринимательства в России // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2017. Т. 10, № 10. С. 1173—1187.

28. Финансирование нацпроектов на Кубани

в 2020 году увеличится более чем на треть. URL: <https://tass.ru/nacionalnye-proekty/7121135>.

29. Чернова О.А., Митрофанова И.В. Экономическая политика агропромышленных регионов юга России в условиях COVID-19 // Региональная экономика. Юг России. 2020. Т. 8, № 3. С. 150—162.

30. Эксперты оценили прогноз курса рубля на 2020—2023 годы, представленный Минэкономразвития. URL: https://1prime.ru/Financial_market/20200523/831502338.html.

31. Alsaaty F. Dwindling Entrepreneurial spirit in the United States: A Time for Rethinking and Action // Journal of Small Business and Entrepreneurship Development. 2017. Vol. 5, iss. 1. P. 55—63.

32. Cortés K., Demyanyk Y., Li L., Loutsikina E., Strahan P.E. Stress tests and small business lending // Journal of Financial Economics. 2019. Vol. 136. P. 260—279.

33. Kersten R., Harms J., Liket K., Maas K. Small Firms, large Impact? A systematic review of the SME Finance Literature // World Development. 2017. Vol. 97. P. 330—348.

Приложение А

Engle-Granger Cointegration Test				
Date: 03/21/21 Time: 21:26				
Series: LNY LNX2 LNX3				
Sample: 2010 2019				
Included observations: 10				
Null hypothesis: Series are not cointegrated				
Cointegrating equation deterministics: C				
Automatic lags specification based on Schwarz criterion (maxlag=1)				
Dependent	tau-statistic	Prob.*	z-statistic	Prob.*
LNY	-4.595837	0.0633	-12.34488	0.0775
LNX2	-3.094629	0.3178	-13.55150	0.0280
LNX3	-1.943225	0.7629	-6.634762	0.6455

Рис. А.1. Тест Энгла — Грэндженера (рассчитано авторами в пакете EViews 10)

Как видно из рис. А.1, результаты теста Энгла — Грэндженера не отвергает причинно-следственных связей между переменными $\ln Y_t$ и $\ln X_{2,t}$ (вероятность не меньше 10 %).

На рис. А.2 представлены ACF и PACF функции моделируемого процесса влияния регулярной финансовой поддержки на уровень занятости в секторе МСП Краснодарского края.

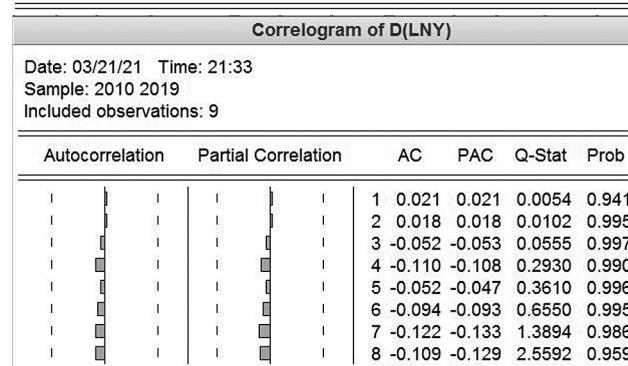
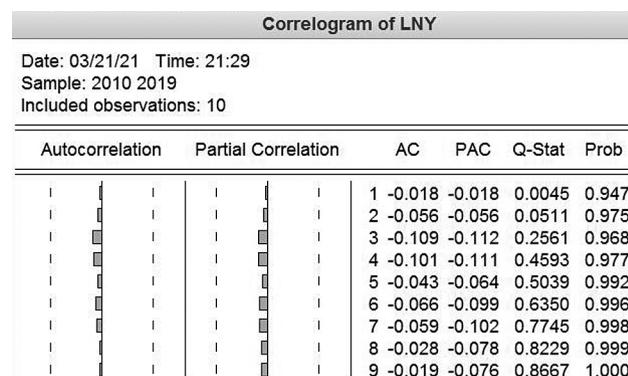

Рис. А.2. ACF и PACF функции моделируемого процесса (рассчитано авторами в пакете EViews 10)

Результаты ADF и DF-GLS тестов представлены в таблице.

Вероятность ADF и DF-GLS тестов
(рассчитано авторами в пакете *EViews 10*)

Переменные	Относительно константы (C)	Относительно константы и тренда (T)
$\ln Y_t$	0,000	0,149
$\Delta \ln Y_t$	—	0,336
$\Delta^2 \ln Y_t$	—	0,000
Порядок интегрируемости	I(0)	I(2)
$\ln X_{1,t}$	0,801	0,436
$\Delta \ln X_{1,t}$	0,243	0,495
$\Delta^2 \ln X_{1,t}$	0,152	0,05
DF-GLS ($\Delta^2 \ln X_{1,t}$)	-2,89	
Критические значения на 5 % уровне	-2,02	
Порядок интегрируемости	I(2)	I(2)
$\ln X_{2,t}$	0,07	0,229
$\Delta \ln X_{2,t}$	—	0,68
$\Delta^2 \ln X_{2,t}$	—	0,025
DF-GLS ($\ln X_{2,t}$)	-3,23	
Критические значения на 5 % уровне	-1,99	
Порядок интегрируемости	I(0)	I(2)

Примечание: для нестационарных рядов построение модели возможно, если они имеют одинаковый порядок интегрируемости и присутствует причинная связь.

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА РОЛЬ И СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ СРЕДЫ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ

*М.В. ПЛЕШАКОВА, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры мировой экономики и менеджмента, Кубанский государственный университет
e-mail: ptv23@list.ru*

*И.В. КУДРЯШОВА, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры мировой и региональной экономики, Волгоградский государственный университет
e-mail: inna.kudrjaschowa@yandex.ru*

Аннотация

В статье рассмотрены вопросы, связанные с эволюционным развитием представлений о сущности формирования предпринимательства и предпринимательской среды на разных уровнях развития социально-экономической системы. Определены основные тенденции трансформации данного процесса с позиции взглядов основных представителей экономической теории. Сделаны выводы по детерминирующим факторам формирования предпринимательской среды на макро- и микроуровнях.

Ключевые слова: предпринимательство, предпринимательская среда, предприниматель, социально-экономическая система.

DOI: 10.31429/2224042X_2021_62_61

Предпринимательская деятельность оказывает существенное влияние на развитие экономики и общества посредством эффективной организации взаимодействия основных экономических ресурсов (труда, земли и капитала) для осуществления хозяйственной деятельности. Тем не менее до сих пор не существует систематической научной теории или полного синтеза существующих представлений о взаимодействии между предпринимательством, предпринимательской средой и территориальным развитием.

До настоящего времени многие авторы изучали предпринимательскую деятельность и в целом предпринимательство как отдельное, самостоятельное явление, делая основной упор на структурно-функциональную составляющую. Однако предпринимательство и связанная с ним предпринимательская среда, на наш взгляд, должна рассматривать-

ся с позиции важнейшей подсистемы социально-экономического образования (любого уровня), главного фактора ее развития. Соостоятельность данного суждения находит подтверждение и в трудах представителей различных экономических школ и течений.

Необходимо отметить, что в процессе своей эволюции предпринимательство продуцирует новые факторы, которые изменяют его структуру, меняют сущность и смысл предпринимательской деятельности. Одновременно с этим меняются и факторы окружающей среды предпринимательства под воздействием тех процессов, которые происходят в социально-экономических образованиях. Кроме того, на формирование и развитие предпринимательской среды в социально-экономической системе, помимо предпринимательской деятельности, оказывают влияние и другие факторы (географические, демографические, политico-правовые и т. д.), формирующие тот или иной уровень ее развития. Условия и факторы предпринимательской среды по-разному могут воздействовать на развитие процесса предпринимательства (тормозить или усиливать основные тенденции) и в целом оказывать влияние на развитие социально-экономической системы любого уровня.

Развитие предпринимательской среды тесно связано с такими понятиями, как «предприниматель» и «предпринимательство», терминологическая сущность и содержание которых изменялось и упорядочивалось в течение нескольких столетий развития экономической мысли, одновременно с этим формировались и развивались теории предпринимательства [6].

Само понятие «предпринимательство» возникло в XVIII в. и знаменует собой новый тип экономических отношений, связанный с наступлением индустриальной эпохи развития мирового хозяйства.

В научный оборот термин «предпринимательство» введен Ричардом Кантильоном в качестве попытки объяснения природы прибыли и основы экономического роста [1, с. 18—19]. Он разработал первую концепцию предпринимательства и определил значение термина «предприниматель». Под ним автор понимал человека, который действует в условиях риска и неопределенности. Именно предпринимательство Р. Кантильон считал важным фактором экономического развития общества, а формирование предпринимательской среды связывал с условиями ведения предпринимательской деятельности [5].

Разнообразные научные школы по-своему исследовали природу предпринимательства, и каждая из них внесла вклад в изучение и объяснение сути данного явления. Например, А. Смит одним из первых экономистов попытался комплексно подойти к исследованию развития предпринимательства, учитывая текущий уровень социально-экономического развития. В своих работах классик экономической школы, рассматривал предпринимателя в качестве владельца собственного капитала, который ради получения прибыли готов идти на риск: он сам организует производственный процесс, распоряжается результатами своего труда и полностью несет ответственность за предпринимаемое дело.

В роли механизма рыночной системы А. Смит вводит понятие конкуренции как регулирующего и дисциплинирующего инструмента воздействия на поведение рыночных субъектов. Каждому предпринимателю, желающему улучшить свое состояние, противостоит толпа людей с аналогичными стремлениями, поэтому каждый действующий субъект, находясь на рынке, должен принять цены, предложенные конкурентами [7, с. 58], и соблюдать правила игры, установленные рынком.

Необходимо отметить, что именно А. Смит первым отметил в качестве отрицательно-

го фактора участие государства в регулировании предпринимательской деятельности, поскольку считал «всех правителей расточителями». Тем не менее, невмешательство государства по А. Смиту это скорее общий принцип, а не абсолютное правило, поэтому государству отводится роль создателя благоприятных условий для деятельности рыночных агентов в виде установления, например, размера банковского процента, стоимости (минимальной) банковских акций и др.

Отмечая негативные стороны предпринимательства, А. Смит учитывал вклад предпринимательства в экономическое развитие страны, считая его одним из значимых участников рыночного обмена.

Французский экономист Жан Батист Сэй, опираясь на идеи А. Смита, дополнил теорию предпринимательства, обратившись к личности самого предпринимателя. В своем «Трактате по политической экономии» [8] Ж.Б. Сэй исследует теорию трех факторов производства: труда, земли и капитала, которые равнозначно участвуют в создание стоимости продукта и по сути являются источниками богатства общества. Ж.Б. Сэй предлагает ввести понятие «промышленного предпринимателя» [9, с. 55], который руководит производством и главенствует в сфере распределения богатства. Предприниматель, по мнению автора трактата, это экономический агент, сочетающий основные факторы производства, распределяющий ресурсы из сфер наименьшей производительности и прибыльности в сферы, где возможно получить предельную доходность. И на основании своих рассуждений Ж.Б. Сэй выводит определение процесса предпринимательства как экономической деятельности, которая происходит в процессе сочетания различных ресурсов и направлена на увеличение их результативности, чтобы добиться максимального эффекта.

Следует отметить, что именно представители классической экономической школы обратили внимание на одну важнейшую черту предпринимательства — наличие риска и неопределенности в ведение этой деятельности. Кроме того, по их мнению, заслуживает вни-

мания и личность самого предпринимателя, поскольку он является не только собственником капитала, но и распорядителем данного капитала, и активным участником трудового процесса. В трудах классиков фактически изложена мысль о том, что предпринимательский успех сопутствует неординарным людям (предпринимателям), которые обладают острым умом, особыми знаниями в тех или иных сферах экономики, они наиболее активны и предпримчивы, дисциплинированы. Все эти качества помогают им справляться с негативными условиями, которые так или иначе возникают при ведение бизнеса, помогают преодолеть сопротивление окружающей (предпринимательской) среды, зачастую весьма некомфортной по отношению к бизнесу [5].

Кроме того, для развития теории предпринимательства большое значение имеют положения ученых о развитии конкуренции предпринимателей, о регулятивной функции государства, направленной на процесс упорядочивания предпринимательской деятельности посредством налогов, пошлин, процентов, т. е. те факторы, которые непосредственно формируют предпринимательскую среду на макроуровне.

Функциональное разделение понятий «собственник» и «предприниматель» провел Карл Маркс в своем труде «Капитал» [3], основные положения которого базируются на идеях классической школы. По Марксу, предпринимателю отводится пассивная роль, так как предпринимательская функция представляет собой только авансирование капитала, а роль капиталиста (собственника) сводится к эксплуатации труда. Также Маркс обратил внимание на то, что и само предпринимательство и представления о нем подвержены изменениям, поскольку меняется характер производственных отношений в связи с развертыванием научно-технического прогресса и наступлением научно-технической революции, ужесточением конкуренции, цикличностью экономических кризисов и др.

В ходе этих процессов менялось содержание и значение предпринимательства, его соотношение с окружающей макро- и мик-

росредой, но тем не менее фигура самого предпринимателя, его личность, поведение, мотивация выступали важным фактором экономического развития, в процессе которого происходило формирование предпринимательской среды.

Теоретически осмыслить этот факт пытались представители экономического либерализма. Сторонники экономического либерализма, одним из которых является Ф. Хайек, к первостепенной ценности в экономической науке относили экономическую свободу личности и полагали, что основным принципом предпринимательства выступает существование независимости в принятии предпринимателем экономических решений. Это дает ему толчок более плодотворно и качественно применять свой личный экономический потенциал, и свобода предпринимательства понимается как конкретизация свободы личности в сфере экономики. Ф. Хайек определял суть предпринимательства как поиск и дальнейшее изучение экономических возможностей [11].

В своем исследовании Ф. Хайек также обращает внимание на некоторые факторы развития предпринимательской деятельности. По его мнению, «доля частных лиц, готовых aproбировать новые возможности (если это, как им представляется, сулит улучшение их положения и если им не мешает давление со стороны соплеменников), везде примерно одинакова. Вызывающее столько нареканий отсутствие духа предпринимательства во многих «молодых» странах является не прирожденным свойством их жителей, а следствием ограничений, налагаемых существующими обычаями и институтами» [10]. Следовательно, для дальнейшего развития предпринимательства как движущей силы развития социально-экономической системы необходимо было изменение общественного менталитета, смягчения правил и норм, которыми руководствовались институциональные структуры.

Также следует отметить, что представители либерализма, как и А. Смит, выступали против вмешательства государства в рыночные отношения. Так, в концепции свободного предпринимательства Ф. Хайек рассматривала

ет вопросы взаимоотношений хозяйствующих субъектов с государственными институтами и выделяет особенности влияния последних на характер предпринимательской деятельности. По его мнению, чрезмерное госрегулирование данного сектора, вмешательство в дела предпринимателей ведет к неисполнению существующего законодательства, подмене его удобными административными предписаниями, приказами, нормативными актами. С углублением государственного вмешательства в экономику закон перестает считаться нормой поведения, и выполнение официальных приказов становится предпосылкой выживания экономических субъектов. Это приводит к пренебрежительному отношению к закону, деформации основных регулирующих институтов государства, созданию неблагоприятных условий для ведения предпринимательской деятельности.

В трудах представителей неоклассической теории (А. Маршалл, Л. Вальрас, К. Менгер) предприниматель представляется не только собственником капитала, а скорее менеджером, способным наиболее эффективно распорядиться имеющимися ресурсами, организовать производство в соответствии с потребностями рынка, быстро реагировать на появляющиеся новшества, т. е. неоклассики стали отделять функцию предпринимателя от функции собственника. Организация про-возглашается «четвертым фактором производства» [4], а бизнес служит своеобразным встроенным элементом саморегулирующегося ценового механизма.

В этом контексте следует выделить идеи представителя кембриджской школы А. Маршала, который уделил процессу предпринимательства и фигуре самого предпринимателя значительное внимание. В сфере экономики эволюционное развитие имеет тот же характер, что и в обществе и природе: «...закон замещения... приводит к вытеснению одного метода промышленной организации другим методом, приносящим прямые и непосредственные результаты при меньших затратах. ... Поэтому многие коммерческие предприятия чахнут и гибнут, хотя в конечном итоге они

могли бы сослужить хорошую службу обществу при более справедливых исходных условиях» [4, с. 563]. Следовательно, по А. Маршаллу, именно предпринимательская среда («исходные условия»), определяет характер развития предпринимательской деятельности: стимулируя рождение новых, более прогрессивных форм и типов предпринимательских структур и изгоняя слабые, отжившие (не соответствующие месту и времени) субъекты хозяйственной деятельности.

Немаловажным фактором успешной деятельности предпринимателя, по мнению А. Маршалла, являются такие его индивидуальные особенности, как управленческий талант, умение привлекать и грамотно распоряжаться капиталом, эффективно организовывать процесс производства, открывать новые методы хозяйствования. То есть отмечается активная роль предпринимателя, меняющего и развивающего экономическую систему посредством вклада своего таланта, способностей и др., ускоряя процессы, уже конструктивно созревающие в обществе, и тем самым изменяя окружающую предпринимателя среду на макро- и микроуровнях. Надо отметить, что реализации предпринимательской активности на рынке также способствует конкуренция, которая создает соревновательные условия для текущей предпринимательской деятельности.

Таким образом, вкладом неоклассиков можно считать отнесение предпринимательства к основным факторам производства, обозначив его как «организация», которую они расположили после «классических факторов»: земля, труд, капитал, организация. Это означает, что предпринимательство становится важнейшей движущей силой социально-экономического развития общества, особенно производственной подсистемы, к тому же личность самого предпринимателя, его специфические особенности (наличие сильной мотивации, воли, интуиции, интеллекта) оказывают значительное влияние на последующее развитие производительных сил. В ходе эволюции предпринимательство меняет условия предпринимательской

деятельности (поскольку последние подвергаются воздействию научно-технического прогресса), видоизменяются его формы для более эффективного применения имеющихся в распоряжении общества ресурсов и удовлетворения возникающего спроса, соответственно формируется своеобразно условиям и предпринимательская среда, направленная на поддержание этого процесса.

Представители институциональной теории (Т. Веблен, Дж.Дж. Коммонс, У.К. Митчелл) уделяли особое внимание наличию институтов, под которыми они понимали нормы, традиции, привычки, стереотипы мышления, т. е. те условия и факторы, которые регламентируют и облегчают хозяйственную жизнь индивидов. Институционалисты оспаривают исходные предпосылки классической экономики: существование изолированного и рационального индивида, руководствующегося исключительно интересами максимальной полезности, стремление экономической системы к равновесию, отсутствие проблемы неполного знания. К тому же представители институциональной экономики (в отличие от своих предшественников) ставят под сомнение значение предпринимателя как важного фактора развития экономической системы, ответственного за экономический прогресс общества.

Так, Т. Веблен представляет капиталистическую систему исходя из характеристики двух групп: производственно-технических специалистов, создающих материальные блага и услуги в «индустриальной системе», и бизнесменов, которые в основном занимаются спекулятивными операциями в сфере денежного обращения. Первые, по мнению Т. Веблена, стремятся создать лучшие условия для развития производства и поэтому считаются представителями активного роста, т. е. прогресса, именно им ученый предлагает передать руководство обществом и производством.

Вторые (бизнесмены) нацелены исключительно на получение прибыли: «Цель и типичный результат деятельности в сфере бизнеса — накопление богатства» [2, с. 24], поэтому он рассматривал бизнесменов как реакционную и вредную для общества группу

людей, считая необходимым отстранить их от материального производства. Кроме того, по мнению ученого, бизнесмены в погоне за прибылью деформируют индустриальную систему в виде кризисов недопроизводства и переизбытка, что приводит к дестабилизации производства и рынка: «...этот класс бизнесменов... заинтересован в крупных и частых возмущениях системы, поскольку именно изменчивость ситуации порождает доходы представителей этого класса» [2, с. 30], а вся их деятельность подчинена быстрому обогащению в результате нестабильности функционирования индустриальной системы.

Поэтому представители данного направления, признавая ведущую роль институтов, соединенных с развитием институциональной среды и определяющую человеческое поведение и условия функционирования хозяйствующих субъектов в индустриальной экономике, отмечали необходимость регулирования этой среды посредством государственного вмешательства в экономическую сферу.

Значительный вклад в научный анализ обоснования черт и функций бизнеса внес Йозеф Алоиз Шумпетер. Его работы получили признание социологов и экономистов и имели неоценимое значение для последующего развития практики и теории управления бизнесом, так как он смог сформулировать источники и движущие силы экономического развития общества.

Й. Шумпетер уделял большое внимание предпринимательской деятельности, рассматривая предпринимателя как основное звено развития капиталистической системы. Под предпринимателями он понимал «...хозяйственных субъектов, функцией которых является... осуществление новых комбинаций...» [12, с. 142]. Ученый отмечал, что предприниматель — это не обязательно собственник капитала, это может быть активный индивид, способный к организации и управлению производственной деятельностью, обладающий творческими способностями, определенной мотивацией нацеленной на получение прибыли и самое важное — способный внедрять инновации в хозяйственную практику.

Иновационная деятельность предпринимателя на микроуровне ведет к развитию экономического потенциала социально-экономической системы, что является источником ее развития как циклического процесса структурных преобразований. Экономическое развитие сопровождается значительными изменениями в самой структуре и соотношении экономических показателей, т. е. приводит к качественным изменениям в экономической (производственной) подсистеме, в основе которых лежит постоянное перекомбинирование традиционных факторов производства в принципиально новые. Такие преобразования, как считал Й. Шумпетер, способны осуществлять люди, находящиеся в «состоянии активной инновационной деятельности» [12, с. 152], определяющие направленность общественных трансформаций в социально-экономической системе. Поэтому инновационное предпринимательство, по мнению ученого, выступает главной движущей силой экономического развития общества.

В то же время предпринимательство (обладающее новаторским мышлением, деловой неординарностью), выступающее как фактор развития социально-экономической системы, изменяет пространственную организацию общества, воздействуя на экономические процессы посредством внедрения инноваций, в результате чего изменяется предпринимательская среда, которая является эффективным условием социально-экономического развития на мезо- и макроуровнях.

Таким образом, исходя из представленного обзора, можно выделить основные подходы к эволюции концепций предпринимательства и факторы, влияющие на создание предпринимательской среды, которые представлены в таблице.

Обобщая основные подходы ярких представителей экономической теории в отношении роли и содержания предпринимательства, можно сказать, что они определяют предпринимательство (и складывающуюся соответствующую месту и времени пред-

Эволюция концепций предпринимательства как фактора формирования предпринимательской среды

Экономическая школа	Ведущие учёные	Концепция предпринимательства	Факторы, действующие на формирование предпринимательской среды
			1 2 3 4
Классическая школа	А. Смит (1723—1790), Жан Батист Сэй (1767—1832)	Предприниматель — собственник капитала, разумно комбинирующий факторы производства, идущий на риск ради получения прибыли, распоряжающийся результатами своего труда. Рыночная система имеет механизмы саморегулирования, поэтому вмешательства государства не требуется	<ul style="list-style-type: none"> – Конкуренция между хозяйствующими субъектами; – комбинирование основных факторов производства, требующее новых форм организации производства и труда; – регулятивные факторы предпринимательства (налоги, пошлины, ограничение монополии); – спрос на предпринимательскую деятельность
Неоклассическая школа	А. Маршалл (1842—1924), Л. Вальрас (1834—1910), К. Менгер (1840—1921)	Экономическое развитие является эволюционным и подчиняется законам естественного отбора. Предприниматель — это тот, кто открывает новые методы хозяйствования, обладающий развитой интуицией, мотивацией, сильной волей. Выделение «организации» в четвертый	<ul style="list-style-type: none"> – Научно-технический прогресс; – комбинирование традиционных факторов производства, посредством предпринимательской деятельности; – новые методы хозяйствования;

Продолжение таблицы

<i>I</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>
		фактор производства. В области рыночных отношений неэффективные предприниматели вытесняются и заменяются более эффективными. Накопление капитала также подчиняется законам эволюции: богатство передается по наследству и приумножается	– личные качества предпринимателя: интуиция, мотивация, интеллект
Марксизм	К. Маркс (1818—1883)	Разделение функции собственника от функции управления в предпринимательстве. Прямая зависимость между степенью риска и ожидаемой прибыли. Предприниматель — собственник капитала, эксплуатирующий наёмный труд. Предпринимательская деятельность провоцирует возникновение экономических кризисов. Со временем происходит укрупнение бизнеса	– Научно-технический прогресс; – ужесточение конкуренции между хозяйствующими субъектами; – цикличность экономических кризисов; – монополизация производства
Либерализм	Ф. фон Хайек(1899—1882)	Предпринимательство связано с личной свободой, которая дает человеку возможность разумно распоряжаться своими знаниями, способностями, информацией и полученными доходами. Сущность предпринимательства — исследование и поиск новых возможностей. Вмешательство государства в хозяйственную деятельность приводит к деформации характера предпринимательства, игнорирование закона и применение неценовых методов конкуренции	– Предпринимательская свобода (независимость в принятии экономических решений); – обычаи, традиции, сложившиеся в обществе; – наличие институтов, поддерживающих предпринимательскую деятельность; – жесткие законы, нормы, правила, регулирующие предпринимательскую деятельность
Институционализм	Торстайн Всблен (1857—1929), Уэсли Клэйр Митчелл (1874—1948), Джон Коммонс (1862—1945)	Предпринимательская деятельность нацелена на получение сверхприбыли, источником ее является нестабильность на рынке. Предприниматели — угроза существованию экономики из-за провоцирования кризисов. Необходимость вмешательства регулирующих государственных институтов в экономическую сферу для контроля за деятельностью предпринимателей	– Привычки, стереотипы мышления, традиции, которые направляют, пролетают и облачают хозяйственную деятельность экономических субъектов; – развитие машинного производства, определяющего масштабы промышленности и методы труда; – подверженность экономики кризисам; – государственное регулирование экономики
Неоинституционализм	Й. Шумпетер (1883—1950)	Предприниматель — это новатор, который внедряет инновации и	– Внедрение инноваций (технических, организационных,

Окончание таблицы

<i>I</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>
		комбинирует факторы производства. Инновации ведут к нарушению равновесия, росту деловой активности и, следовательно, к экономическому росту	– управлеченческих, маркетинговых); – изменение структурных показателей экономики; – предприниматель новаторского типа

Примечание: составлено по материалам [5].

принимательскую среду) в качестве важного фактора экономического развития социально-экономической системы, но только на макро- и микроуровнях. Исследование показывает, что данный фактор в процессе эволюции концепций предпринимательства (см. таблицу) приобретает все большее значение, становясь ключевой детерминантой развития экономической системы на макроуровне. Немаловажно мнение ученых с позиции микроподхода о личности самого предпринимателя, который преобразует и изменяет в ходе своей деятельности окружающую деловую среду, определяя вектор развития всей экономической системы.

Однако представители экономической теории практически не рассматривают факторы формирования предпринимательской среды на мезоуровне. На наш взгляд, это объясняется тем, что процессы регионализации, которые активно стали распространяться по всему миру в конце XX в., не были присущи тому периоду (XVIII — начало XX в.) развития производительных сил, за который проводился анализ. Кроме того, у общества не было потребностей в перераспределенииластных компетенций (передачи управлеченческих и регулирующих функций от национального на региональный уровень), поскольку на протяжении длительного времени экономическая система характеризовалась определенной гомогенностью. Дальнейшее развитие экономической системы (кардинальное изменение производительных сил и производственных отношений, усиление кооперационного взаимодействия и др.), а также существующая территориальная гетерогенность, определили новую роль регионов в процессе принятия

решений на национальном и региональном уровнях, что послужило основанием для выделения факторов ее развития на мезоуровне.

Библиографический список

1. Блауг М. Очерк Кантильона // Экономическая мысль в ретроспективе = Economic Theory in Retrospect. М., 1994. С. 23—42.
2. Веблен Т. Теория делового предпринимательства / пер. с англ. М., 2007.
3. Маркс К. Капитал. СПб., 2018.
4. Маршалл А. Основы экономической науки / предисл. Дж.М. Кейнс; пер. с англ. М., 2007.
5. Плешаков Г.Г. Факторы формирования и развития региональной предпринимательской среды: дис. ... канд. экон. наук. Воронеж, 2020.
6. Плешаков Г.Г., Кабанов В.В. Теоретические аспекты развития предпринимательской деятельности // Известия Волгоградского государственного технического университета. Сер.: Актуальные проблемы реформирования российской экономики (теория, практика, перспектива). 2016. № 13 (192). С. 101—106.
7. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М, 1997.
8. Сэй Ж.Б. Трактат по политической экономии. М., 2000.
9. Сэй Ж.Б. Трактат по политической экономии / Жан-Батист Сэй. Экономические софизмы; Экономические гармонии; Ф. Бастиа; вступ. ст. и коммент. сост. М.К. Бункиной, А.М. Семенова. М., 2000.
10. Хайек Ф. Конкуренция как процедура открытия // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 12. С. 5—14.
11. Хайек Ф. Частные деньги. М., 1996.
12. Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / предисл. В.С. Автономова; пер. с нем.; пер. с англ. М., 2007.

МАРКЕТИНГОВЫЙ АНАЛИЗ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО СПРОСА НА ТОВАРЫ ЛИЧНОЙ ГИГИЕНЫ (НА ПРИМЕРЕ ИРАНА)

*Ф. САФАВИ, профессор факультета бизнес-администрирования,
Университет Западного Вашингтона
e-mail: farrokh.safavi@wwu.edu*

Аннотация

Иран был достаточно серьезно подвержен негативному влиянию распространения COVID-19. При этом граждане Ирана были обвинены в недостаточном использовании индивидуальных средств защиты, что, по мнению многих, привело к значительному распространению COVID-19. Представленная работа опровергает данное представление и исследует динамику потребительских предпочтений, относящихся к приобретению средств личной гигиены. Исследование базируется на основе анализа показателей импорта и потребления продукции международных компаний по производству трех групп товаров: мыло, зубная паста и шампунь, в течение последних 17 лет. Несмотря на значительный разрыв в ценах между национальными и международными производителями, граждане Ирана предпочитают зарубежных, опираясь на устоявшееся мнение, что у зарубежной продукции качество лучше.

Ключевые слова: потребительский анализ, потребление зарубежных товаров, потребительские предпочтения, влияние цены и брендов на поведение потребителей, динамика импорта товаров личной гигиены, конкурентоспособность продукции личной гигиены иранских производителей.

DOI: 10.31429/2224042X_2021_62_69

На ранних этапах появления коронавирусной пандемии Иран был эпицентром развития вируса и занимал первое место среди стран Ближнего Востока [8]. Одно из прямых объяснений, из-за которого произошли потери в глобальном масштабе, — отсутствие соответствующих санитарных условий, особенно отсутствие достаточного уровня соблюдения населением личной гигиены. Государство использовало различные политические инструменты минимизации физиологического воз-

действия вируса [6]. Также граждане страны были призваны к соблюдению санитарных норм, например, к частому мытью рук и соблюдению социальной дистанции во избежание заражения [2].

Один из вопросов, на который направлено данное исследование: произошло ли распространение COVID-19 в Исламской Республике Иран из-за отсутствия должного беспокойства на национальном уровне о соблюдении личной гигиены или присутствовали другие внешние факторы?

Главный показатель определения степени заботы иранских граждан о личном здоровье — их истинное желание использовать высококачественные средства личной защиты как механизм защиты от COVID-19, даже несмотря на завышенную стоимость.

С тех пор как появилась тенденция восприятия зарубежных брендов как продуктов высокого качества, отмечается значительный рост потребления импортного товара в сравнении с темпом роста населения, эта разница может служить косвенным показателем длительной приверженности населения к поддержанию личной гигиены. Следует отметить, что на эффективность применения продуктов личной гигиены также значительно влияет их правильное использование. Если нарушены правила применения средств личной гигиены, то эффект от применения того или иного высококачественного продукта будет значительно снижен в процессе иммунизации потребителя или будет отсутствовать вообще. Нарушение правил использования высококачественных товаров обычно является результатом недостаточной информированности потребителя, а также их незаинтересо-

ванности узнать. В менее развитых регионах Ирана отмечены случаи некорректного, т. е. неэффективного, использования высококачественных средств личной гигиены, таких как мыло, зубная паста, шампунь.

Объект исследования — определить приверженность и заинтересованность населения Ирана в поддержании своего здоровья как меры предосторожности против инфекционных заболеваний, включая риск заражения коронавирусом.

В целях достижения достоверного результата исследования анализ включает следующие этапы.

1. Выбор критериев для определения степени осознанного поведения населения в отношении поддержания здоровья. Как правило, считается, что использование высококачественных товаров личной гигиены является индикатором поведения человека в поддержании здоровья. Были выбраны три мировых импортируемых бренда из самой широко используемой продукции в данной категории товаров: 1) мыло; 2) зубная паста; 3) шампунь. Обоснованием выбора указанных товаров является факт, основывающийся на том, что мытье рук высококачественным мылом может помочь в предотвращении распространения вируса; зубная паста очищает ротовую полость, что позволяет иммунной системе эффективнее противостоять различным болезням; использование шампуня предотвращает распространение микробов с головы вниз по телу.

2. Доступность иранских потребителей к международным брендам в основном обеспечивается импортом данных продуктов частными торговыми компаниями. Импортированная продукция, как правило, учитывается таможенной системой Ирана, где она проходит проверку, подвергается налогообложению и тарификации.

3. Несмотря на то что таможенное управление регистрирует информацию в течение последних 30 лет, для данного исследования была отобрана достоверная информация по данным трем категориям продуктов только с 2001 г. Однако внешние факторы, напри-

мер, огромный приток нефтедолларов в начале XXI в., внесли свой вклад в значительное увеличение импорта данных трех категорий продуктов в 2003 г. По этой причине в представленный продольный анализ не включены данные за 2001 г. и 2002 г. в целях предотвратить ложное влияние резко отклоняющихся значений. В свою очередь наложение максимальных санкций на внешнеторговую деятельность Ирана со стороны правительства США в 2017 г. повлекло за собой значительное отклонение в импорте этих трех видов товаров в 2018 г., поэтому в исследовании также не рассматривались показатели импорта за 2018 г.

4. Отраженные в расчетах сопоставимые данные местного производства анализируемых групп товаров взяты из отчетности Министерства производства, добывающей промышленности и торговли за период с 2010 г. Различия в данных за 15 лет по импортной продукции и 8 лет по национальной продукции усложняют проведение сравнительного анализа.

5. Политическое вмешательство в регулирование потребительских предпочтений в отношении мировых брендов в Иране, а также в других странах этого региона привело к стимулированию национальными государственными органами власти и принуждению граждан покупать продукты национального производства в целях стимулирования слабого состояния экономики страны.

6. В работе используется ограниченная база данных для оценки уровня предпочтений иранского населения продукции международных брендов, основанных на показателях импорта и численности населения. При этом строится ежегодная модель взаимосвязи, что может быть причиной упущения других relevantных переменных в анализе. Это обстоятельство может значительно исказить понимание ситуации.

Данная концепция взаимоотношений проявляется в отношении 4 парадигм.

Парадигма 1. Если потребление населением Ирана в течение длительного периода импортных высококачественных средств личной гигиены остается на достаточно высоком

уровне, в сравнении с показателем темпа роста населения, то результат будет учитывать на предпочтения населения Ирана в отношении потребления средств личной гигиены в течение определенного периода (16 лет). Соответственно первая выдвинутая гипотеза представлена следующим образом:

$$H_0: ROG_{\text{impW } s, t, sh - 2003-2017} \leq ROG_{\text{pop} - 2003-2017};$$

$$H_a: ROG_{\text{impW } s, t, sh - 2003-2017} > ROG_{\text{pop} - 2003-2017},$$

где ROG_{impW} — ежегодный темп роста импорта (в показателе веса): s — мыло в килограммах (ежегодный темп роста в течение 2003—2017 гг.); t — зубная паста в килограммах (ежегодный темп роста в течение 2003—2017 гг.); sh — шампунь в килограммах (ежегодный темп роста в течение 2003—2017 гг.); $ROG_{\text{pop} - 2003-2017}$ — ежегодный темп роста численности населения Ирана в течение 2003—2017 гг.

В табл. 1 представлены показатели численности населения Ирана и показатели импорта и потребления международных брендов, производящих мыло, зубную пасту и шампунь на единицу килограмма за период 2001—2018 гг. (показатель численности населения преображен до исчисления в 100 млн части, с целью усиления результатов сравнения изменений переменных в течение длительного времени на графике).

Для получения дополнительной исчерпывающей информации о фактическом потребительском поведении населения Ирана по отношению к средствам гигиены в течение двух десятилетий было решено предоставить реальные данные об объеме импорта и потребления в отношении общей численности населения, валовый национальный доход на душу населения, и скорректированный темп роста объема потребления. ROG значения по каждому из трех групп товаров были использованы в статистическом анализе, однако темпы роста не были показаны ни в таблице (табл. 1), ни в графике (рис. 1), потому что они не представляют собой полезную информацию.

Аналогичным образом, линии тренда потребительских и внешних факторов представлены в линейной диаграмме так, что их колебания в течение анализируемого периода не будут запутаны для читателя, так как последовательные линейные графики наглядно представляют рост в течение определенного периода. Показатель численности населения преображен до исчисления 100 млн части, чтобы визуально сравнивать данный показатель с ROG других. Например, численность населения Ирана в 2001 г. представлена как 0,0066, что соответствует 66 000 000 чел. (табл. 1). В этом же году уровень потребления импортного мыла представлен как 0,0030, что

Потребление на душу населения групп товаров (мыло, зубная паста, шампунь) в сравнении с численностью населения Ирана в 2001—2018 гг., кг

Показатель	Год								
	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Числен. насел., млн чел.	0,0066	0,0067	0,0068	0,0069	0,0070	0,0071	0,0071	0,0072	0,0073
Мыло, кг/чел.	0,0030	0,0360	0,0790	0,0633	0,0912	0,0849	0,0827	0,0936	0,0865
Зубная паста, кг/чел.	0,0012	0,0078	0,0117	0,0225	0,0257	0,0258	0,0265	0,0345	0,0506
Шампунь, кг/чел.	0,0013	0,0068	0,0119	0,0230	0,0506	0,0521	0,0546	0,0806	0,0963

Показатель	Год								
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Числен. насел., млн чел.	0,0074	0,0075	0,0076	0,0076	0,0077	0,0078	0,0080	0,0081	0,0082
Мыло, кг/чел.	0,1187	0,1056	0,1073	0,1455	0,0986	0,1207	0,1397	0,1655	0,1757
Зубная паста, кг/чел.	0,0402	0,0477	0,0495	0,0472	0,0643	0,0576	0,0492	0,0542	0,0026
Шампунь, кг/чел.	0,0869	0,1046	0,1090	0,0940	0,1133	0,1154	0,1560	0,1824	0,1061

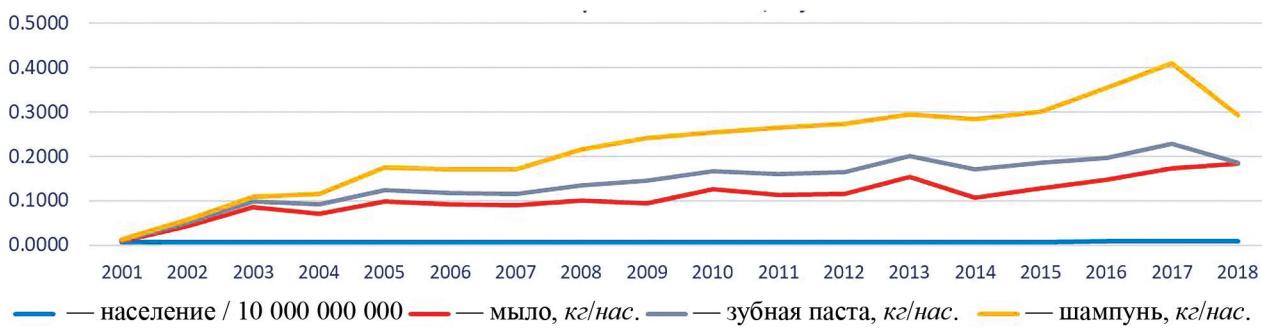

Рис. 1. Потребление на душу населения групп товаров (мыло, зубная паста, шампунь) в сравнении с численностью населения Ирана в 2001—2018 гг., кг

предполагает среднее потребление мыла 3 кг в год на каждого человека.

График, представленный на рис. 1, иллюстрирует тенденцию потребления на душу населения трех групп товаров в килограммах с 2001 по 2018 г. Они не скорректированы по масштабированной шкале значений относительно вертикальной оси по левой стороне графика (килограммы на одного человека в год). Тренды сгруппированы так, что находятся один над другим, в целях наглядного представления сравнения движения трендов относительно изменений численности населения из года в год в течение анализируемого периода. Данный формат линейного графика иллюстрирует тенденции потребления трех групп товаров. Следует отметить, что в целом потребление представленных продуктов увеличилось к концу анализируемого периода, в то время как уровень численности населения практически не изменился.

Данные по 2001—2002 гг. и 2018 г. были исключены из анализа, так как они относятся к периодам чрезвычайных событий, которые отрицательно влияли на условия импорта зарубежной продукции.

Был проведен парный выборочный тест с помощью программы *Statistical Package for the Social Sciences (SPSS)* и получены существенные доказательства, позволяющие отклонить нулевую гипотезу, которая звучит так: темп роста потребления товаров на душу населения в течение 15 лет равен или меньше темпа роста численности населения Ирана в течение того же периода (зубная паста и шампунь: $p < 0,05$) (табл. 2). Однако данная гипотеза в отношении мыла не может быть отклонена. Таким образом, нулевая гипотеза отклонена, и была сформулирована альтернативная гипотеза: темп роста потребления населением Ирана зубной пасты и шампуня значительно выше, чем темп роста численности населения. Более того, потребление импортных высококачественных товаров личной гигиены увеличилось, демонстрируя высокий уровень приверженности населения Ирана к поддержанию личной гигиены из года в год.

В регионах мировые производители средств личной гигиены скорректировали ассортимент в соответствии с изменившимся предпочтением потребителей, ориентирован-

Таблица 2

Результаты парного выборочного теста

Показатель	Парные различия					<i>t</i>	<i>df</i>	<i>sig.</i> (1-tailed)			
	Значение	Стд откл.	Стд ошибки	Интервал							
				нижний	верхний						
Pair 1	$ROG_{t_W} - ROG_{pop}$	0,1721067	0,3035682	0,0783810	0,0039962	0,3402172	2,196	14	0,023		
Pair 2	$ROG_{s_W} - ROG_{pop}$	0,1534000	0,3659951	0,0944995	-0,0492813	0,3560813	1,623	14	0,063		
Pair 3	$ROG_{sh_W} - ROG_{pop}$	0,2956533	0,3934467	0,1015875	0,0777698	0,5135369	2,910	14	0,006		

Таблица 3

Результаты анализа величины эффекта парного выборочного теста

		Показатель	Стандарт	Точечная оценка	95% доверительного интервала		
					нижний	верхний	
Pair 1		$\text{ROG}_{t_W} - \text{ROG}_{\text{pop}}$	Тест Коэна	0,3035682	0,567	0,011	1,106
			Кор. на лимит	0,3120138	0,552	0,011	1,076
Pair 2		$\text{ROG}_{s_W} - \text{ROG}_{\text{pop}}$	Тест Коэна	0,3659951	0,419	-0,117	0,941
			Кор. на лимит	0,3761774	0,408	-0,113	0,916
Pair 3		$\text{ROG}_{sh_W} - \text{ROG}_{\text{pop}}$	Тест Коэна	0,3934467	0,751	0,165	1,317
			Кор. на лимит	0,4043928	0,731	0,160	1,282

ным на продукты с натуральными ингредиентами. Компания *Hindustan Unilever* внедрила в производство категорию натуральных продуктов в каждом типе товаров: мыло, шампунь, кондиционер для волос, чтобы внедриться в новый и быстроразвивающийся рынок данного региона [4].

Тест Коэна по величине эффекта парного выборочного теста демонстрирует следующие показатели: 0,419 для мыла, 0,567 для зубной пасты и 0,751 для шампуня (табл. 3). Стоит отметить, что по тесту Коэна интервал достоверности информации по категории мыла равен «0», это означает, что разница между показателями роста данной категории и показателями роста численности населения может быть незначительной, что подкрепляется заключением из проведенного *t*-теста. Переменные по категории товаров зубная паста и шампунь по тесту Коэна показали низкий эффект, равный 0,2, и средний эффект, равный 0,5 от стандартных отклонений. Поэтому можно подвести итог, что тенденция уровня роста потребления каждой из этих категорий товаров умеренная в течение анализируемого периода (16 лет), несмотря на рост численности населения в течение этого же периода. В то время как существует значительное различие в темпе роста показателей, это разница не всегда большая. Это то, что ожидается в конечном результате, когда будут представлены итоговые объемы шампуня и зубной пасты, которые каждый человек может потребить.

Что касается концепции, то она предполагает темп роста потребления на душу населе-

ния предметов личной гигиены значительно выше темпа роста численности населения. Это может быть отмечено как подтверждение предпочтений иранских потребителей в отношении высококачественных импортных продуктов. Высокие объемы потребления могут отразиться на повышении цен на товары личной гигиены без дальнейшего увеличения спроса на них. Чтобы уменьшить возможное проявление эффекта данной ошибки, фактор повышения цен должен быть учтен в анализе.

Парадигма 2. Потребители в Иране продемонстрировали искреннее стремление покупать дорогие товары мировых брендов, несмотря на то что темп роста затрат на приобретение импортных товаров выше темпа роста общей стоимости продукции (табл. 4). Это можно выразить следующим образом:

$$\begin{aligned} H_0: \text{ROG}_{\text{cifr } s, t, sh - 2003-2017} &\leq \text{ROG}_{\text{pr } s, t, sh - 2003-2017}; \\ H_a: \text{ROG}_{\text{cifr } s, t, sh - 2003-2017} &> \text{ROG}_{\text{pr } s, t, sh - 2003-2017}, \end{aligned}$$

где ROG_{cifr} — темп роста объемов (в риалах): s — мыло (в иранских риалах, ежегодный объем в течение 2003—2017 гг.); t — зубная паста (в иранских риалах, ежегодный объем в течение 2003—2017 гг.); sh — шампунь (в иранских риалах, ежегодный объем в течение 2003—2017 гг.); ROG_{pr} — темп роста цен на импортные товары (в риалах): s — цена на мыло в иранских риалах за 1 кг (2003—2017 гг.); t — цена на зубную пасту в иранских риалах за 1 кг (2003—2017 гг.); sh — цена на шампунь в иранских риалах за 1 кг (2003—2017 гг.).

Таблица 4

CIF стоимость совокупного импорта трех групп товаров в местной валюте в сравнении с ценами в местной валюте за кг (2003—2018 гг.), иранский риал

Показатель	Год							
	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Стоимость мыла, риал	2,359	3,268	4,595	4,603	5,165	9,295	9,448	12,007
Мыло, кг/риал	4,382	7,485	7,224	7,683	8,758	13,767	14,974	13,719
Стоимость зубной пасты, риал	10218	25816	27832	29341	24449	43792	76897	83503
Зубная паста, кг/риал	12,852	16,629	15,551	16,129	12,947	17,590	20,837	28,175
Стоимость шампуня, риал	6,755	13,207	30,562	39,744	76,918	159,346	223,634	175,958
Шампунь, кг/риал	8,314	8,311	8,658	10,816	19,751	27,400	31,843	27,442

Показатель	Год							
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Стоимость мыла, риал	14,196	16,439	36,321	35,319	35,907	45,688	69,279	75,143
Мыло, кг/риал	18,015	20,287	32,645	46,256	37,887	41,118	51,877	52,283
Стоимость зубной пасты, риал	143060	231945	326662	571194	604793	499182	898346	28252
Зубная паста, кг/риал	40,186	61,979	90,575	114,595	133,754	127,465	205,316	132,561
Стоимость шампуня, риал	225,902	404,887	503,085	716,362	812,811	1137,805	1836,675	808,765
Шампунь, кг/риал	8,817	49,164	69,949	81,604	89,769	91,690	124,828	93,146

На рис. 2 представлены линии тренда, показывающие изменения потребления импортных товаров по трем группам товаров, которые схожи с изменениями цен на эти продукты за 2003—2018 гг. Однако следует отметить, что существует значительная разница между темпом роста цен и темпом роста объема затрат населения на данные товары. Величина этой разницы свидетельствует о том, что потребители в Иране расходовали каждый год значительно больше своих финансовых средств на приобретение качественных импортных това-

ров личной гигиены, несмотря на значительный рост стоимости на эти товары.

Данные за 2018 г. не включены в анализ по причине чрезвычайных событий этого года, где внешние факторы негативно повлияли на условия импорта.

Результат парного анализа демонстрирует значительную разницу между значениями объемов импорта товаров (*CIF* в риалах) и их ценами за килограмм в реалах ($p = 0,016$ и $p = 0,003$ соответственно) в течение анализируемого периода (табл. 5).

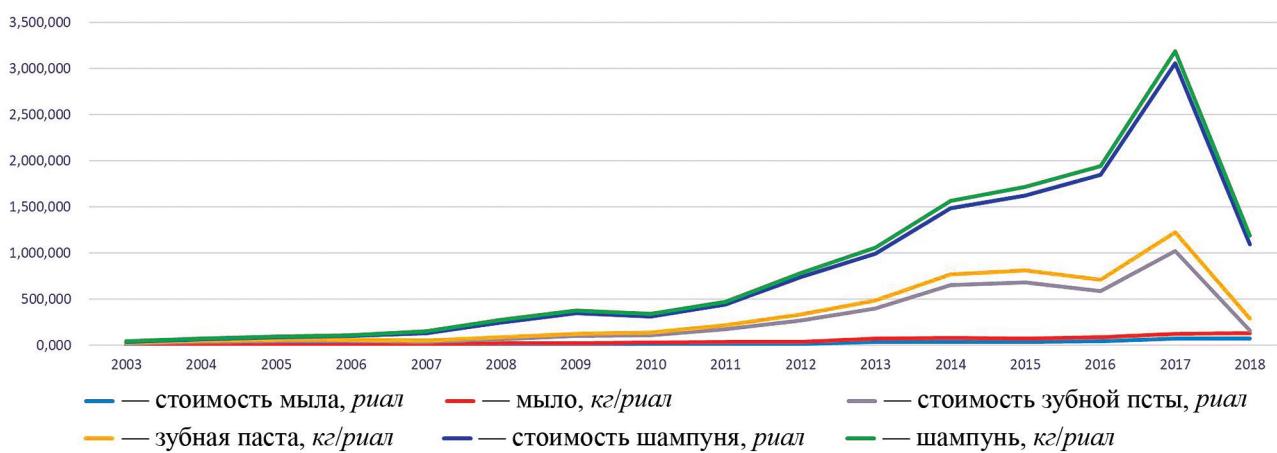

Рис. 2. Динамика потребления населением Ирана импортных товаров по трем группам товаров в сравнении с изменениями уровня цен на данные товары в местной валюте в течение 2003—2018 гг. (импорт в *CIF* стоимости на 10 млн реалов, цены 1 кг к риалу)

Таблица 5

Результаты парного выборочного теста

Показатель		Парные различия				<i>t</i>	<i>df</i>	<i>sig.</i> (1-tailed)		
		Значение	Стд откл.	Стд ошибка	Интервал					
					нижний	верхний				
Pair 1	$\text{ROG}_{\text{cif/t}} - \text{ROG}_{\text{kg/p/t}}$	0,2375267	0,3867913	0,0998691	0,0233288	0,4517245	2,378	14	0,016	
Pair 2	$\text{ROG}_{\text{cif/s}} - \text{ROG}_{\text{kg/p/s}}$	0,1818067	0,4550857	0,1175026	-0,0702114	0,4338247	1,547	14	0,072	
Pair 3	$\text{ROG}_{\text{cif/sh}} - \text{ROG}_{\text{kg/p/sh}}$	0,3473867	0,4191070	0,1082130	0,1152929	0,5794804	3,210	14	0,003	

Тест Коэна по величине эффекта парного выборочного теста показывает значение 0,614 для зубной пасты и 0,829 для шампуня (табл. 6). Предполагается, что в дальнейшем разница между темпом роста численности населения и темпом роста потребления этих двух групп товаров личной гигиены увеличится. Результаты анализа демонстрируют, что темп роста объема затрат иранского населения на высококачественные импортные товары был существенно выше, чем темп роста уровня цен в течение 15 лет.

Представление о заинтересованности покупать дорогостоящие и высококачественные импортные товары личной гигиены, измеряемое уровнем импорта (в местной валюте), который увеличивался относительно уровня численности населения каждый год, может быть недостоверным индикатором национальных приоритетов, если дополнительные ежегодные расходы не изменились под влиянием инфляции.

Парадигма 3. Национальные приоритеты покупать дорогостоящие высококачественные импортные продукты личной гигиены, по крайней мере частично, могут быть продемонстрированы корректно, когда изменения уровня инфляции, скорректированного по показателям объема импорта, значительно выше, чем темп роста численности населения (табл. 7). Это выражается следующим образом:

$$\begin{aligned} H_0: \text{ROG}_{\text{viri s, t, sh} - 2003-2017} &\leq \text{ROG}_{\text{pop} - 2003-2017}; \\ H_a: \text{ROG}_{\text{viri s, t, sh} - 2003-2017} &> \text{ROG}_{\text{pop} - 2003-2017}, \end{aligned}$$

где ROG_{viri} — уровень роста объемов импорта в иранском риале, скорректированный относительно уровня инфляции: s — скорректированная *CIF* стоимость объемов импортированного мыла, в риалах; t — скорректированная *CIF* стоимость объемов импортированной зубной пасты, в риалах; sh — скорректированная *CIF* стоимость объемов импортированного шампуня, в риалах; $\text{ROG}_{\text{pop} - 2003-2017}$ — ежегодный темп роста численности населения Ирана.

Таблица 6

Результаты анализа величины эффекта парного выборочного теста

Показатель		Стандарт	Точечная оценка	95% доверительного интервала	
				нижний	верхний
Pair 1	$\text{ROG}_{\text{t}_W} - \text{ROG}_{\text{pop}}$	Тест Коэна	0,3867913	0,614	0,051
		Кор. на лимит	0,3975522	0,597	0,050
Pair 2	$\text{ROG}_{\text{s}_W} - \text{ROG}_{\text{pop}}$	Тест Коэна	0,4550857	0,399	-0,134
		Кор. на лимит	0,4677466	0,389	-0,130
Pair 3	$\text{ROG}_{\text{sh}_W} - \text{ROG}_{\text{pop}}$	Тест Коэна	0,4191070	0,829	0,228
		Кор. на лимит	0,4307670	0,806	0,222

Таблица 7

Показатели объема импорта трех категорий товаров в местной валюте, скорректированные на уровень инфляции, в сравнении с ростом уровня численности населения Ирана в течение 2003—2018 гг., CIF-риал

Показатель	Год					
	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Мыло (скорректированная стоимость), риал	19 910,170	27 711,344	41 171,601	40 551,680	42 142,652	69 342,250
Зубная паста (скорректированная стоимость), риал	8 624,108	21 892,175	24 937,342	25 849,443	19 949,984	32 668,627
Шампунь (скорректированная стоимость), риал	5 701,071	11 199,683	27 383,636	35 014,601	62 765,292	118 872,198
2 — общее число населения	68 122,938	68 951,281	69 762,347	70 554,760	71 336,475	72 120,604

Показатель	Год					
	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Мыло (скорректированная стоимость), риал	84 275,782	105 179,265	111 434,862	114 248,671	237 175,437	298 095,893
Зубная паста (скорректированная стоимость), риал	68 591,878	73 148,300	112 302,420	161 202,001	213 310,603	482 087,546
Шампунь (скорректированная стоимость), риал	199 481,474	154 139,297	176 548,069	281 396,805	328 514,736	604 609,309
2 — общее число населения	72 924,837	73 762,519	74 634,956	77 465,753	76 481,943	77 465,753

Показатель	Год			
	2015	2016	2017	2018
Мыло (скорректированная стоимость), риал	316 338,304	415 764,701	626 281,262	516 986,633
Зубная паста (скорректированная стоимость), риал	532 822,693	454 255,855	812 104,893	19 437,584
Шампунь (скорректированная стоимость), риал	716 086,220	1 035 402,901	1 660 354,419	556 430,539
2 — общее число населения	78 492,215	79 564,016	80 673,951	81 800,269

годный уровень роста численности населения в течение 2003—2017 гг.

Линейный график (рис. 3) демонстрирует темп роста объема затрат населения на три категории товаров личной гигиены, скорректированный относительно уровня инфляции. Следует отметить резкое повышение темпа роста затрат относительно изменений уровня численности населения. Фактически это означает, что население Ирана из года в год тратит больше на приобретение качественной

продукции личной гигиены в целях усилить иммунитет в условиях неблагоприятного состояния окружающей среды.

Результат парного анализа показывает значительную разницу между показателями темпа роста объема импорта трех категорий товара, скорректированный на уровень инфляции иранского риала, и изменениями общей численности населения в течение 2003—2017 гг. (зубная паста: $p = 0,002$; мыло: $p = 0,003$; шампунь: $p = 0,000$) (табл. 8). Результат вы-

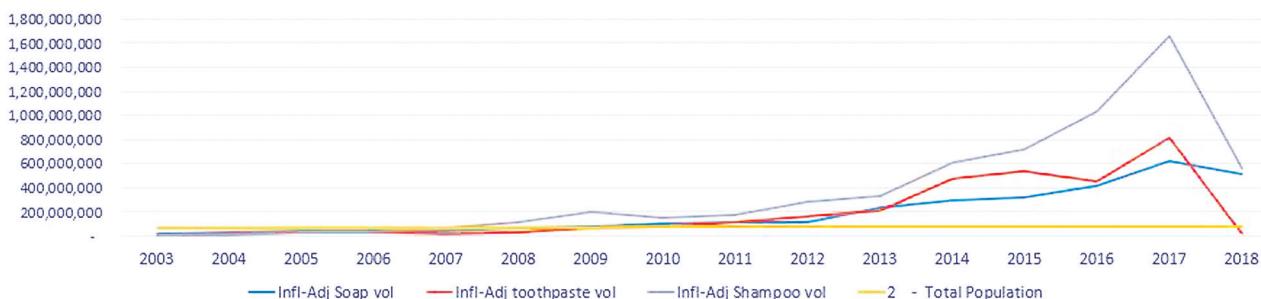

Рис. 3. Объем затрат в местной валюте на три категории импортных товаров, скорректированный на уровень инфляции, в сравнении с уровнем численности населения Ирана в течение 2003—2018 гг.

Таблица 8
Результаты парного выборочного теста

Показатель		Парные различия				<i>t</i>	<i>df</i>	<i>sig.</i> (1-tailed)		
		Значение	Стд откл.	Стд ошибка	Интервал					
					нижний	верхний				
Pair 1	$\text{ROG}_{\text{inf.adj/t}} - \text{ROG}_{\text{pop}}$	0,4892800	0,5331095	0,1376483	0,1940538	0,7845062	3,555	14	0,002	
Pair 2	$\text{ROG}_{\text{inf.adj/s}} - \text{ROG}_{\text{pop}}$	0,3886133	0,4620153	0,1192918	0,1327578	0,6444689	3,258	14	0,003	
Pair 3	$\text{ROG}_{\text{inf.adj/sh}} - \text{ROG}_{\text{pop}}$	0,5806867	0,4350236	0,1123226	0,3397786	0,8215947	5,170	14	0,000	

ражается в определении уровня в 95 % потребительского доверия. Результаты анализа предполагают, что приоритет граждан к приобретению высококачественных импортных продуктов личной гигиены вырос, несмотря на изменения уровня инфляции. Общая численность населения выросла в течение 15 лет на 18,42 %, в то время как уровень роста объемов импорта в денежном выражении, скорректированный на уровень инфляции, вырос: мыло — на 30,46 %, зубная паста — 9,317 %, шампунь — 29,024 %.

Тест Коэна по величине эффекта парного выборочного теста показывает значение 0,918 для зубной пасты, 0,841 для мыла и 1,335 для шампуня (табл. 9). Так как общепризнанное значение 0,8 — ориентир высокого уровня разницы между темпом роста потребления указанных товаров и темпом роста численности населения за анализируемый период (15 лет), можно сделать вывод, что величина разницы между темпом роста объема потребления и темпом роста

численности населения достаточно значительная.

Предположение о стремлении потребителей приобретать импортные продукты, оцененное посредством показателей высокого уровня ежегодных затрат, было сравнено с уровнем роста численности населения, и в итоге может быть поставлено под сомнение из-за возможного влияния уровня дохода населения. Если доход на душу населения увеличивается эквивалентно или быстрее, относительно изменений уровня роста объема затрат на импортные продукты, высокий уровень инфляции, скорректированный на денежные затраты на импортную продукцию, может быть отнесен к факторам поддержания высокой потребительской способности, нежели реальный интерес потребителей использовать дорогостоящие высококачественные продукты личной гигиены. Только в том случае, когда темп роста затрат на импортные продукты личной гигиены превосходит темп роста валового национального дохода (ВНД),

Таблица 9

Результаты анализа величины эффекта парного выборочного теста

		Показатель	Стандарт	Точечная оценка	95% доверительного интервала	
					нижний	верхний
Pair 1	$\text{ROG}_{t_W} - \text{ROG}_{\text{pop}}$	Тест Коэна	0,5331095	0,918	0,299	1,514
		Кор. на лимит	0,5479411	0,893	0,291	1,473
Pair 2	$\text{ROG}_{s_W} - \text{ROG}_{\text{pop}}$	Тест Коэна	0,4620153	0,841	0,238	1,423
		Кор. на лимит	0,4748690	0,818	0,231	1,384
Pair 3	$\text{ROG}_{sh_W} - \text{ROG}_{\text{pop}}$	Тест Коэна	0,4350236	1,335	0,619	2,027
		Кор. на лимит	0,4471263	1,299	0,602	1,972

тогда можно утверждать, что существует реальное намерение потреблять высококачественные продукты личной гигиены. Это можно выразить следующим образом:

$$\begin{aligned} H_0: \text{ROG}_{viri s, t, sh - 2003-2017} &\leq \text{ROG}_{pcir - 2003-2017}; \\ H_a: \text{ROG}_{viri s, t, sh - 2003-2017} &> \text{ROG}_{pcir - 2003-2017}, \end{aligned}$$

где, ROG_{viri} — темп роста объема импорта товаров в иранских риалах, скорректированный относительно уровня инфляции, для: s — скорректированный на уровень инфляции *CIF* стоимость объема импорта мыла в местной валюте (иранский риал); t — скорректированный на уровень инфляции *CIF* стоимость объема импорта зубной пасты в местной валюте (иранский риал); sh — скорректированный на уровень инфляции *CIF* стоимость объема импорта шампуня в местной валюте (иранский риал); ROG_{pcir} — ВНД на душу населения в ППС, измеряемый в местной валюте, иранском риале, за период 2003—2017 гг.

Парадигма 4. Приверженность иранских потребителей к качественным товарам личной гигиены может быть определена, среди прочих факторов, непосредственно растущим объемом затрат на приобретение импортных продуктов в большом объеме, несмотря на неэквивалентный рост уровня дохода. В анализе использованы данные ВНД в пересчете на ППС, по данным Центрального Банка Ирана в целях определить разницу между темпом роста объемов потребления импортных товаров личной гигиены и темпом роста доходов домохозяйств. Таким образом, гипотеза может быть представлена следующим образом (табл. 10).

Линейный график (рис. 4) показывает сравнение изменений двух показателей в течение 16 лет: уровень потребления импортных товаров личной гигиены: мыло, зубная паста, шампунь, и паритета покупательской способности (в иранском реале). Результаты показывают, что стремление иранского населения пользоваться высококачественными товарами личной гигиены превышает уровень возможности потребителей приобретать данные товары, что обосновывается ростом экономического благосостояния.

Результат парного анализа показывает значительную разницу между показателями объема импорта зубной пасты и шампуня, измеряемых в скорректированной на инфляцию местной валюте — иранский реал, и потребительской способности к приобретению импортных брендов данных категорий продукции. Это было рассмотрено с учетом ППС за анализируемый период, с 2003 по 2017 г., с допустимой погрешностью в 5 %. Таким образом, показатели: $p = 0,020$ для зубной пасты, $p = 0,048$ для мыла и $p = 0,001$ для шампуня (табл. 11). Результаты анализа подтверждают выдвинутое первоначальное суждение, что приверженность иранского населения к потреблению высококачественных импортных товаров личной гигиены не обязательно зависит от размера доходов домохозяйств, что подчеркивает их стремление поддерживать собственное здоровье и доказывается превышением темпа роста затрат на данные продукты над темпом роста доходов домохозяйств.

Таблица 10

Объемы потребления трех категорий товаров в местной валюте, скорректированные на уровень инфляции, в сравнении с доходами домохозяйств, риал

Показатель	Год							
	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
ВНД/ППС, риал	13,733	20,255	25,560	30,285	39,477	46,188	47,384	58,348
Мыло (скорректированная стоимость), риал	19,910	27,711	41,172	40,552	42,143	69,342	84,276	105,179
Зубная паста (скорректированная стоимость), риал	5,701	11,200	27,384	35,015	62,765	118,872	199,481	154,139
Шампунь (скорректированная стоимость), риал	8,624	21,892	24,937	25,849	19,950	32,669	68,592	73,148

Показатель	Год							
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
ВНД/ППС, риал	73,744	79,016	104,451	117,845	113,782	130,000	152,676	180,721
Мыло (скорректированная стоимость), риал	111,435	114,249	237,175	298,096	316,338	415,765	626,281	516,987
Зубная паста (скорректированная стоимость), риал	176,548	281,397	328,515	604,609	716,086	1 035,403	1 660,354	556,431
Шампунь (скорректированная стоимость), риал	112,302	161,202	213,311	482,088	532,823	454,256	812,105	19,438

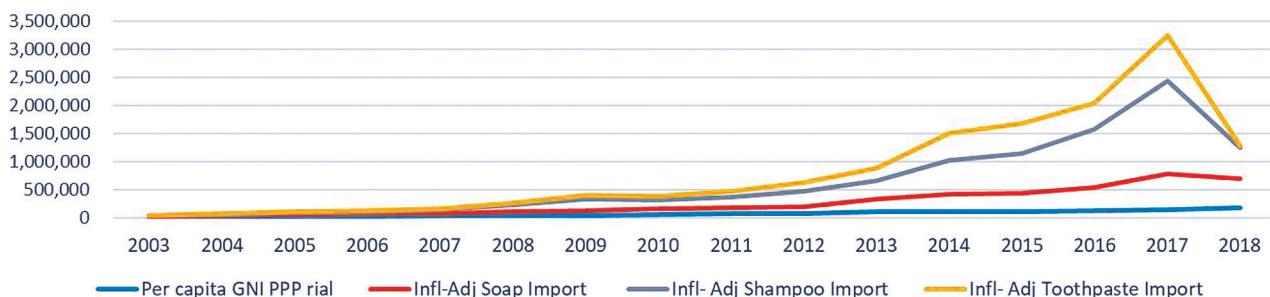

Рис. 4. Ежегодный объем импорта товаров мировых производителей по трем категориям товаров, в сравнении с ВНД в Иране за период 2003—2018 гг. (импорт в CIF стоимости по местной валюте, скорректированной по отношению к уровню инфляции; ВНД — относительно ППС стоимости)

Тест Коэна по величине эффекта парного выборочного теста показывает значение 0,585 для зубной пасты, 0,462 для мыла и 0,927 для шампуня (табл. 12). Так как общепризнанное значение 0,8 — ориентир высокого уровня разницы между значениями двух переменных, тест Коэна подтверждает гипотезу, что степень стремления иранского населения к соблюдению санитарных норм, выраженная в денежном измерении, гораздо выше уровня дополнительного до-

хода населения в течение периода 2003—2017 гг.

Дополнительный статистический анализ. Изначально стоял вопрос о возможной автокорреляции между темпом роста различных факторов, которые рассмотрены в анализе, таких как темп роста населения, темп роста объема импорта групп товаров: мыла, зубной пасты и шампуня, уровень инфляции, темп роста паритета потребительской способности. Был проведен первоначальный автокор-

Таблица 11

Результаты парного выборочного теста

Показатель	Парные различия					<i>t</i>	<i>df</i>	<i>sig.</i> (1-tailed)			
	Значение	Стд откл.	Стд ошибка	Интервал							
				нижний	верхний						
Pair 1	ROG _{inf.adj/t} – GNI _{pcapPPP}	0,3087267	0,5275273	0,1362070	0,0165918	0,6008615	2,267	14	0,020		
Pair 2	ROG _{inf.adj/s} – GNI _{pcapPPP}	0,2080600	0,4504470	0,1163049	-0,0413892	0,4575092	1,789	14	0,048		
Pair 3	ROG _{inf.adj/sh} – GNI _{pcapPPP}	0,4001333	0,4318346	0,1114992	0,1609913	0,6392753	3,589	14	0,001		

реляционный анализ с использованием SAS статистической программы, чтобы оценить масштабы разницы между каждой сопоставимой парой в парном анализе *t*-теста. Результаты представлены в табл. 13.

Как сказано ранее, результаты каждого теста свидетельствуют об отсутствии автокорреляции во всех парных анализах *t*-теста. Они подтверждают выдвинутое ранее предположение, что наблюдения независимы [5].

Научный вклад исследователей Ирана. Восприятие импортных товаров как продуктов наилучшего качества не обязательно означает плохое качество товаров отечественных производителей. Более того, многие R&D институты на территории Ирана создали передовые исследовательские лаборатории для разработки высококачественной продукции личной гигиены.

Выяснилось, что местные производители продукции личной гигиены в Иране также активно занимаются разработкой и выпуском

высококачественных продуктов, которые препятствуют возникновению различных заболеваний [3]. Сравнивая возможности мировых производителей с местными в производстве продукции личной гигиены, можно отметить, что налицо реальная попытка иранского населения огородить себя от быстро распространяемых болезней. Распространение пандемии в настоящее время следует отнести к другим факторам, что требует дальнейших исследований.

Таким образом, результаты анализа показывают, что население Ирана потребляло в большом количестве представленные группы товаров личной гигиены в течение 17 лет. Уровень роста в годовом потреблении был значительно выше, чем рост численности населения в тот же промежуток времени. Уровень роста потребления не во всех случаях основывался на объемах потребления в расчете на одно домохозяйство в быту. Это также может объясняться тем, что многие предпо-

Таблица 12

Результаты анализа величины эффекта парного выборочного теста

Показатель	Стандарт	Точечная оценка	95% доверительного интервала	
			нижний	верхний
Pair 1 ROG _{inf.adj/t} – GNI _{pcapPPP}	Тест Коэна	0,5275273	0,585	0,027
	Кор. на лимит	0,5422036	0,569	0,026
Pair 2 ROG _{inf.adj/s} – GNI _{pcapPPP}	Тест Коэна	0,4504470	0,462	-0,079
	Кор. на лимит	0,4629788	0,449	-0,077
Pair 3 ROG _{inf.adj/sh} – GNI _{pcapPPP}	Тест Коэна	0,4318346	0,927	0,306
	Кор. на лимит	0,4438486	0,902	0,297

Таблица 13

Значения, показывающие результаты автокорреляционного теста парного анализа *t*-теста с использованием SAS статистической программы. Критическим значением для 95% является промежуток между $-1,96$ и $+1,96$ допустимого отклонения

<i>Factor 1</i>	<i>Factor 2</i>	<i>St. deviation</i>	<i>Factor 1</i>	<i>Factor 2</i>	<i>St. deviation</i>
$\text{ROG}_{\text{tooth_W}}$	ROG_{pop}	0,15281	$\text{ROG}_{\text{infAdjTooth}}$	$\text{GNI}_{\text{pcapPPP}}$	-0,0687
$\text{ROG}_{\text{soap_W}}$	ROG_{pop}	-0,38967	$\text{ROG}_{\text{infAdjSoap}}$	$\text{GNI}_{\text{pcapPPP}}$	-0,10881
$\text{ROG}_{\text{shamp_W}}$	ROG_{pop}	0,41352	$\text{ROG}_{\text{infAdjShamp}}$	$\text{GNI}_{\text{pcapPPP}}$	-0,0657
$\text{ROG}_{\text{cifTooth}}$	$\text{ROG}_{\text{kgPrTooth}}$	0,11616	$\text{ROG}_{\text{infAdjTooth}}$	ROG_{pop}	-0,01715
$\text{ROG}_{\text{cifSoap}}$	$\text{ROG}_{\text{kgPrSoap}}$	-0,41636	$\text{ROG}_{\text{infAdjSoap}}$	ROG_{pop}	-0,03517
$\text{ROG}_{\text{cifShamp}}$	$\text{ROG}_{\text{kgPrShamp}}$	0,36818	$\text{ROG}_{\text{infAdjShamp}}$	ROG_{pop}	0,15286

читали продукцию мировых брендов вместо отечественной продукции из-за восприятия первых как высококачественных продуктов. В исследовании были использованы такие экономические показатели, как доход на душу населения и уровень инфляции, чтобы аргументировать действия, проведенные в течение анализа, и получить более достоверные результаты. Результаты данного исследования согласуются с исследованиями маркетинговых экспертов, которые предсказывали, что уровень спроса на товары категории мыла побочных продуктов и биопродуктов пищевого масла в странах Среднего Востока возрастет в значительной степени и достигнет показателя в 257,2 млн дол. к 2024 г. [7].

По результатам проведенного анализа можно сказать, что сторонние факторы, помимо приверженности к соблюдению санитарных норм в целях поддержания здоровья, повлияли на относительно быстрое и непрекращающееся распространение вируса. Анализ таких факторов находится за рамками представленной работы. Рекомендовано провести ряд исследований других факторов, повлиявших на широкое распространение вируса COVID-19 на территории Исламской Республики Иран.

Один из факторов, который необходимо исследовать, относится к восприятию качества. На данный момент исследование основывается на убеждении потребителей в высоком качестве импортных товарах личной гиги-

ны, в которых предположительно содержатся высококачественные ингредиенты. Исследования в данном секторе рынка продемонстрировали, что такое потребительское восприятие импортной продукции может оказаться ложным. Причиной тому могут быть эффективные маркетинговые кампании и рекламные стратегии позиционирования международных корпораций, которые сформировали в сознании потребителей высокую ценность мировых брендов в сравнении с местными производителями.

Стоит отметить еще одно упоминание данного исследования, не учитывающего, произведена ли продукция известных брендов местными производителями или импортирована. Целесообразно в последующих исследованиях расширить сферу анализа, которая будет включать малые предприятия.

Библиографический список

1. Bhardwaj R.R. The impact of Economic Downturn on Brand Preference and ‘Buy Down’ Behavior in FMCG sector // Vedprakash International Journal of Scientific Research and Management. 2016. Vol. 4, Issues 10. P. 4708—4717.
2. Cambridge (2020), Cambridge University Press Public Health Emergency Collection, PMC7137533.
3. Chaijan M.R., Handjani F., Zarshenas M., Rahimabadi M.S., Tavakkoli A. The Myrtus communis L. solution versus ketoconazole shampoo in treatment of dandruff: A double blinded randomized clinical

- trial // Journal of the Pakistan Medical Association. 2018. Vol. 5, Nom. 68. P. 715—720.
4. *Malviya S.* HUL Brings in Naturals Strategy to Tap into Growing Trend [Brands & Companies] // The Economic Times. 2019. 11. P. 7.
5. *Moran P.A.P.* Some theorems on time series II. The significance of the series correlation coefficient // Biometrika. 1948. Vol. 35. P. 255—260.
6. How Iran Became a New Epicenter of the Coronavirus Outbreak // New Yorker. 2020. <https://www.newyorker.com/news/our-columnists/how-iran-became-a-new-epicenter-of-the-coronavirus-outbreak>.
7. Edible Oil Co-Products and Bi-products Market in Middle East is Expected to Reach USD 257.2 Million by 2024; Dried Soap Stock Exhibits Strong Demand and Revenue: Transparency Market Research // PR Newswire. New York, 23 Aug. 2016. URL: <https://www.prnewswire.com/news-releases/edible-oil-co-products-and-by-products-market-in-middle-east-is-expected-to-reach-usd-2572-million-by-2024-dried-soap-stock-exhibits-strong-demand-and-revenue-transparency-market-research-591001091.html>.
8. World Health Organization Coronavirus Disease (COIVD-19) Dashboard, 2020. URL:https://covid19.who.int/?gclid=EAIAIQobChMIncefL-LE7AIVk-3jBx04UA8eEAAYASABEgIO_PD_BwE.
9. *Yaghini J., Kiani S., Mortazavi S., Haghshenas B., Mogharehabed A.* Assessment of available and stable fluoride in four widely-used toothpastes in the Iranian market // Journal of dentistry (Tehran, Iran). 2014. Vol. 11, Nom. 5. P. 604.

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ СТРАН НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И КИТАЯ

М.М. БАЛАНОВА, аспирант кафедры мировой экономики, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
e-mail: milena_27@list.ru

Аннотация

В статье определяются меры акселерации цифровизации экономики как нового фактора стимулирования экономического роста страны. На примере России и Китая произведён анализ взаимосвязи между уровнем цифровизации экономики стран и их: а) инновационным и предпринимательским потенциалами; б) контролем цифрового бизнеса и Интернета в целом путем ведения регуляторной политики со стороны правительства государств. В работе также определяются факторы акселерации цифровизации экономики.

Ключевые слова: цифровизация, экономический рост, инновации, предпринимательство, Китай, Россия.

DOI: 10.31429/2224042X_2021_62_83

Экономическая повестка многих стран сегодня содержит новости, посвященные цифровизации государственных институтов и созданию «государства как платформы». Обсуждаются процессы в промышленности и бизнесе, вызывающие массовое применение новых бизнес-моделей, а именно платформенной бизнес-модели и бизнес-модели с внедрением Интернета вещей [38]. Актуальность развития цифровой экономики подтверждается словами руководителя направления информационных технологий и цифровизации Центра хранения и анализа больших данных Национального центра цифровой экономики МГУ А. Бирюкова: «Цифровизация действительно может стать драйвером экономического роста... и государству нужно помочь в этом путем снятия регуляторных, инфраструктурных и институциональных барьеров» [18]. При этом для своего развития она требует надлежащего состояния исходной, аналоговой экономики, готовой к цифровизации с точки зрения ресурсов и инфраструктуры [2].

Данная работа представляет собой качественное исследование с использованием метода синтеза, кейс-метода (экономика и политика Китая и России), качественного сравнения и статистического анализа данных. Работа Р. Бухта и Р. Хикса, а также «Дорожная карта формирования системы измерения цифровой экономики» ОЭСР послужили теоретической подводкой. Материалом для аналитической части исследования стали ежегодные отчёты трёх рейтингов стран мира по уровню индексов, а именно *Глобального инновационного индекса (ГИИ)*, *Рейтинга глобальной цифровой конкурентоспособности стран мира (РГЦП)* и *Глобального индекса предпринимательства (ГИП)*, а также данные по странам, ежегодно публикуемые Международным валютным фондом (МВФ). Материалом для анализа программных инициатив и политики анализируемых стран послужили первоисточники проектов, инициатив и законов, статьи отечественных и зарубежных новостных сайтов, газет и обзорные статьи бизнес-блогов.

Поднимая вопрос о влиянии цифровизации экономики на экономический рост государств, а также факторах акселерации цифровизации, целесообразно дать определение цифровой экономике. Согласно ОЭСР, под цифровой экономикой понимаются «все виды экономической деятельности, зависящие от использования цифровых технологий, цифровой инфраструктуры, цифровых услуг и данных, либо в значительной степени усиливающиеся за счет такого использования» [27]. Ввиду её многоуровневой природы необходимо отметить, что в рамках данной статьи цифровая экономика, согласно Р. Бухту и Р. Хиксу, включает цифровой (ИТ/ИКТ) сектор, цифровую и цифровизированную экономику [3].

1. Взаимосвязь между уровнем цифровизации экономики и уровнем инновационного и предпринимательского потенциалов

Одна из задач данной статьи — проанализировать состояние цифровизации экономик России и Китая и обосновать причины, по которым Китай является лидером цифровизации, в то время как Россия только стремится к тенденции цифровизации экономики, производства и бизнеса. Основной подход, выбранный для подтверждения гипотез, — анализ показателей России и Китая в нескольких рейтингах по уровню инновационного и предпринимательского индекса.

Гипотеза 1. Страны, которые заботятся о сохранении и повышении уровня инноваций и технологий как составляющей части ВВП, а также о создании благоприятных условий для предпринимательства и предпринимательской экосистемы, являющейся важнейшим двигателем экономического роста и генерации инноваций, демонстрируют развитие цифровизации экономики и экономический рост ВВП в целом.

Для подтверждения гипотезы 1 проанализируем в динамике (2015—2019 гг.) наличие корреляции между позициями Китая и России в рейтингах ГИИ, ГИП и показателем роста ВВП (%), а также местом стран в РГЦП как наиболее релевантном источнике оценки цифровизации экономик страны (см. таблицу).

Согласно макроэкономической модели Солоу [30], по мере увеличения капитала, роста ВВП и действия закона убывающей отдачи инвестиции в производство начинают приносить еще меньший прирост произво-

дительности. Передовые страны вынуждены инвестировать в технологический прогресс, обеспечивающий 2—3 % экономического роста. Из чего также можно легко сделать вывод, что развивающиеся страны, несмотря на их иногда впечатляющие темпы роста, никогда не догонят развитые страны с точки зрения производства, если они не научатся производить собственные инновации (или очень эффективно заимствовать их у других стран, что требует открытых границ и активных международных отношений) [11]. Учитывая тот факт, что большинство национальных статистических агентств не принимают во внимание остаток Солоу, проанализируем положение России и Китая в динамике в ГИИ, который предоставляет информацию о том, насколько страны сосредоточены на достижении технического прогресса [32—34].

Россия демонстрирует относительную стабильность в рейтинге ГИИ. Согласно профилю страны [34], самая сильная группа показателей России — «Человеческий капитал и исследования», критическими показателями которой являются «Соотношение учеников и учителей», «Количество зачисленных в средние и высшие учебные заведения, %» и «Количество выпускников в области науки и техники, %». Кроме того, Россия — 6-я мировая экономика по масштабу внутреннего рынка, 7-я по количеству женщин с ученой степенью, 8-е место по полезным моделям по стране происхождения. В то же время у России есть ряд слабых показателей, препятствующих стабильному росту экономики. Страна занимает низкие позиции (рейтинг ниже 90) по таким показателям, как «Верховенство за-

Соотношение показателей инновационного (ГИИ) и предпринимательского (ГИП) индексов России и Китая с их позициями в рейтинге РГЦК и уровнем роста ВВП [19—23; 28; 33—36]

Год	Россия				Китай			
	ГИИ	ГИП	РГЦК	Рост ВВП, %	ГИИ	ГИП	РГЦК	Рост ВВП, %
2015	48 из 141	70 из 130	41 из 61	-2	29 из 141	61 из 130	33 из 61	6,9
2016	43 из 128	68 из 132	40 из 61	0,3	25 из 128	60 из 132	35 из 61	6,8
2017	45 из 127	72 из 137	42 из 63	1,8	22 из 127	48 из 137	31 из 63	6,9
2018	46 из 126	78 из 137	40 из 63	2,5	17 из 126	43 из 137	30 из 63	6,7
2019	46 из 129	80 из 137	38 из 63	1,3	14 из 129	34 из 137	22 из 63	6,1

кона», «Качество регулирования», «ВВП на единицу использования энергии», «Экологические сертификаты ISO 14001», «Сертификаты качества ISO 9001» и «ИКТ и создание бизнес-моделей».

Китай демонстрирует усиление лидирующих позиций на мировом рынке товаров. Согласно профилю страны [34], Китай входит в пятерку ведущих экономик по группе показателей «Накопленные знания и технологии», занимая 1-е место по таким показателям, как «Патенты по стране происхождения», «Полезные модели по стране происхождения», «Темпы роста ППС в долларах ВВП на одного работника» и «Чистый экспорт высокотехнологичных товаров от общего объема торговли». Страна также является экономикой номер 1 по таким показателям, как «Масштаб внутреннего рынка», «Фирмы, обеспечивающие обучение», «Товарные знаки по происхождению», «Промышленные образцы по происхождению» и «Экспорт товаров творческого назначения от общего объема торговли». В то же время в Китае есть несколько показателей, сдерживающих рост инноваций, а именно «Валовые внутренние расходы на НИОКР, финансируемые из-за рубежа», «Чистый приток ПИИ от ВВП».

Таким образом, модель Солоу, подкрепленная количественными данными ГИИ по двум анализируемым странам, позволяет подтвердить гипотезу 1. Правительство Китая стимулирует технический прогресс, что обеспечивает вхождение страны в число сильнейших развивающихся экономик, имеющих средний рост реального ВВП на 8,5 % с 2010 по 2019 г. (тем не менее есть тенденция к снижению) и 6,1 % в 2019 г. [28]. Средний рост реального ВВП России составляет 2,2 % с 2010 по 2019 г. и 1,3 % в 2019 г. [28], что также подтверждает гипотезу, но кейс России является примером, когда недостаточная со- средоточенность на развитии инновационного потенциала и инфраструктуры приводит к едва ощутимому экономическому росту. Основная причина, по которой Россия не входит в число ведущих развивающихся стран, — дефицит инноваций, а именно:

– низкая диверсификация экономики и преимущественная поддержка крупного бизнеса, что приводит к росту за счет концентрации производства, а не за счет конкуренции между множеством мелких производителей;

– пережитки административно-плановой экономики, не создающей стимулов для внедрения новых технологий, несущих риски невыполнения плана;

– слабо развитая правовая система, не способствующая появлению длинных производственных цепочек из-за больших временных предпочтений и низкой нормы сбережений [11].

Модель Ромера — более поздняя модель экономического роста, обусловленного внутренним технологическим ростом, возникающим в результате разработки новых промежуточных продуктов [29]. Согласно модели, чем больше государство поддерживает предпринимателей, создающих ноу-хау и новые технологии, тем выше общий технический прогресс.

Исследуем индекс, который бы учитывал вовлеченность правительств стран в развитие предпринимательства. ГИП ежегодно изменяет состояние предпринимательских экосистем в каждой из 137 стран [19—23]. Позиция России и Китая обозначена в таблице.

На 2019 г. Китай демонстрирует стабильное улучшение своих позиций в рейтинге в течение анализируемого периода. Его сильными сторонами являются «Инновации продуктов» и «Капитализация рисков», а самой слабой — «Восприятие возможностей». «Предпринимательские качества людей в экосистеме» оцениваются в 63 %, «Качество институтов, поддерживающих предпринимательство» — 59 %.

Россия же, напротив, заметно отстает от Китая и теряет свои позиции в рейтинге. Её сильнейшей стороной является «Человеческий капитал», а самой слабой — «Интернационализация». «Предпринимательские качества людей в экосистеме» оцениваются в 45 %, «Качество институтов, поддерживающих предпринимательство» — 52 %.

Из сказанного следует, что гипотеза 1 подтверждается. Кейс Китая показателен и подкрепляет логику гипотезы, что при создании благоприятных условий для предпринимательства и предпринимательской экосистемы цифровизация экономики, особенно бизнеса, ускоряется. Правительство и предприниматели России ведут активную деятельность в направлении гармонизации предпринимательского климата в стране, но по-прежнему существует ряд проблем, включая отсутствие программ поддержки МСП, способного к интернационализации своего бизнеса.

Согласно рейтингу РГЦК, Россия показывает небольшое улучшение своего положения [35; 36]. Самым существенным фактором России является показатель «Знания» (22-е место), а сильнейшими субфакторами — «Обучение и образование» (9-е место) и «Научная концентрация» (18-е место) [36]. В 2019 г. показатель «Знания» у Китая был самым сильным фактором (18-е место), а гибкость бизнеса (1-е место) и научная концентрация (9-е место) — самыми сильными субфакторами. Общая конкурентоспособность Китая демонстрирует восходящую тенденцию с 2016 по 2019 г., поднявшись с 35-го на 14-е место [36].

В целом случай Китая подтверждает взаимосвязь между фокусированием правительства на производстве инноваций, стимулировании предпринимательства и развитием цифровизации. Российская Федерация на законодательном уровне работает в направлении развития инноваций, предпринимательства и цифровизации (национальный проект «Наука», национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» и Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 «О стратегии научно-технического развития Российской Федерации» [13]). Однако принятие национальных целей и стратегических задач развития РФ не реализуется на практике, как это описано в документах. Основные препятствия, стоящие перед Россией, описаны ранее при перечислении причин недостатка

инновационной составляющей в ВВП страны. Глобальный институт *McKinsey* прогнозирует увеличение ВВП страны к 2025 г. на 4,1—8,9 трлн р. посредством цифровизации экономики России, а именно автоматизации существующих процессов с внедрением принципиально новых бизнес-моделей и технологий [1]. Применительно к цифровизации как фактору стимулирования экономического роста можно согласиться с данным прогнозом, однако важность традиционных факторов, применимых к индустриальной экономике (например, инвестиции, чистый экспорт, повышение качества используемых ресурсов и др.), по-прежнему неоспорима.

2. Взаимосвязь между государственным регулированием цифрового бизнеса и уровнем цифровизации экономики

В рамках текущего исследования была также определена задача проанализировать, существует ли взаимосвязь между программными инициативами и регуляторными мерами правительства России и Китая в сфере управления Интернетом и контроля ТНК ИКТ и цифровых ТНК и их позицией в рейтинге РГЦК.

Гипотеза 2. Государственное регулирование, в частности, протекционизм цифрового бизнеса и его субъектов способствует росту цифровизации экономики страны.

Прежде чем перейти к краткому обзору мер государственного регулирования цифрового бизнеса в анализируемых странах, целесообразно очертить рамки объекта анализа, т. е. какие компании являются субъектами цифровой экономики. ЮНКТАД выделяет две группы транснациональных компаний (ТНК) цифровой экономики: а) цифровые ТНК (англ. ‘*digital MNEs*’) — интернет-платформы, компании цифровых решений, интернет-магазины, компании цифрового контента; б) ТНК информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) (англ. ‘*ICT firms*’) — ИТ-компании и телекоммуникационные компании [39, с. 165].

Хотя период, в течение которого была осуществлена попытка подтверждения или

опровержения взаимосвязи между позицией анализируемых экономик в рейтинге РГЦК и государственным регулированием цифрового бизнеса, составляет 5 лет, было решено осуществить более развернутый обзор политики государств, направленной на регулирование сети Интернет и цифрового бизнеса с их первых инициатив. При изучении регуляторной политики были выявлены основные особенности технологической и экономической среды в России:

- развитая технологическая инфраструктура (высокий уровень интернет-покрытия, значительное количество интернет-пользователей, преобладание безналичных платежей);

- неравномерное использование платформенной модели и цифровых технологий в секторах экономики (акселерация роста платформ, специализирующихся на онлайн-коммерции и их дефицит в сфере архитектуры, строительства и сельского хозяйства) [7];

- умеренный протекционизм рунета и цифровой среды, исключающий монополию отечественных компаний в цифровой сфере;

- низкий уровень internaцionalizации российских цифровых ТНК и ТНК ИКТ [7].

Выделим программные инициативы и регуляторные меры правительства России в сфере управления Интернетом и контроля ТНК ИКТ и цифровых ТНК:

2010 г. — утверждение государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011—2020 гг.)» Распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 октября 2010 г. № 1815-р [17];

2017 г. — Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы» [15]; создание автономной некоммерческой организации «Цифровая экономика» с 9 направлениями компетенций, одна из которых — рабочая группа «Нормативное регулирование» совместно с Центром компетенций по нормативному регулированию [12];

2018 г. — утверждение национальной программы «Цифровая экономика Российской

Федерации» протоколом заседания Президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7 [16];

2019 г. — запуск федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» в рамках новой национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденной 28 мая 2019 г. [12]; вступление в силу федерального закона от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных площадок...» [14]; вступление в силу Закона о суверенном Интернете (1 ноября 2019 г.) [8]; принятие закона о предустановке российского программного обеспечения на мобильные устройства, компьютеры и смарт-телефоны в рамках Федерального закона «О внесении изменений в статью 4 Закона о защите прав потребителей» № 425-ФЗ от 2 декабря 2019 г. [4];

2020 г. — предложение Правительства России о создании оператора трансграничной электронной торговли для Евразийского экономического союза (ЕАЭС), который будет контролировать соответствие иностранных товаров техническим регламентам, а также строить таможенные склады на территории ЕАЭС для реализации модели B2B2C [6]; Пятый антимонопольный пакет Федеральной антимонопольной службы (ФАС), уже сточащий требования к интернет-сервисам за антимонопольные нарушения (вынесен на рассмотрение Правительства РФ в январе 2020 г., но до сих пор не одобрен) [5].

Говоря о Китае, отметим, что особенности технологической и экономической среды рынка во многом обусловлены господствующей экономической системой, а именно социализмом с китайской спецификой. Так, рынок Китая специфичен и характеризуется:

- большой долей государства в управлении крупным бизнесом и контролем китайских и зарубежных ТНК, а также *Chinanet*;

- гибким частным сектором в сфере технологий, генерирующими прогресс, ощущаемый далеко за пределами страны, и самой динамичной средой для стартапов в мире,

мощной системой финансовой помощи со стороны государства и распространения инкубаторов, поддерживаемых правительством Китая;

– тесным сотрудничеством государственных предприятий с крупнейшими цифровыми компаниями для модернизации неповоротливых государственных ТНК в промышленном, оборонном секторах;

– многоуровневым регулированием цифрового бизнеса (на уровне провинции, региональном и национальном уровнях) [9].

Логично предположить, что более раннее появление регуляторных мер и программных инициатив в Китае вызвано экономической системой и присущим тотальным контролем всех сфер экономики со стороны правительства.

Программные инициативы и регуляторные меры правительства Китая в сфере управления Интернетом и контроля ТНК ИКТ и цифровых ТНК:

2000 г. — создание структуры по управлению Интернетом — единого государственного диспетчерского центра на базе Министерства общественной безопасности КНР (МОБ) [40; 10];

2003 г. — политика, или фаервол «*China's Great Firewall*» (CGF), направленная на блокировку зарубежных сайтов и замедление межграницного трафика [40];

2011 г. — утверждение проекта «*Golden Shield Project*» (крупнейшей системы цензуры интернет-содержания на магистральных сетях передачи данных; подготовка проекта запущена в 1998 г.); введение сквозной идентификации пользователей, или аутентификации по паспорту [10];

2015 г. — Стратегия «Интернет +»; Государственный план «Сделано в Китае 2025»; «Национальная стратегия развития информатизации» [37];

2016 г. — решение национального собрания Коммунистической партии КНР о наделении Коммунистической партии КНР более широкой ролью в правлении ТНК [26; 40];

2017 г. — решение Комитета по контролю и управлению государственным имуществом

о введении требования к ТНК включить Коммунистическую партию КНР в их устав; решение Коммунистической партии КНР (19-й съезд Коммунистической партии КНР) о закреплении полномочий партийного комитета играть руководящую роль в принятии решений на государственных предприятиях в Уставе партии [26; 25];

2018 г. — введение требования к зарегистрированным на бирже фирмам внутри страны и за рубежом включить в свои внутренние руководящие принципы расширяющуюся роль Коммунистической партии КНР в рамках Нового кодекса корпоративного управления [25];

2019 г. — принятие Руководства по развитию платформенной экономики с решением: а) увеличить объём продаж на товарно-сырьевых рынках до 100 млрд юаней (около 14,5 млрд дол. США) к 2020 г.; б) сократить бюрократию при регистрации платформенных компаний, улучшить условия доступа к рынку и сократить расходы по обеспечению норм, применяемых по отношению к платформенным компаниям [24].

Гипотеза 2 применима к обеим экономикам, в первую очередь к экономике Китая, правительство которого занимается изучением информационной безопасности, в частности, защиты национальной сети Интернет и запускает стратегии и проекты со взвешенным планированием, обоснованными, четко сформулированными целями и стратегиями страны, согласованными с национальными интересами. Кейс России отличается от Китая тем, что Россия отстаёт в реализации реальных эффективных национальных программ, способствующих усилинию цифровизации производства и бизнеса, а также по выгодному положению и конкурентному росту цифровых ТНК и ТНК ИКТ в стране, особенно за рубежом. Яркий пример — корректировка основной национальной программы «Цифровая экономика РФ» на 2019 г., первоначально утвержденной 28 июля 2017 г. Уже сейчас показатели, цели и задачи программы претерпевают изменения ввиду сложного российского законодательства и отсутствия регулирования

ния, особенно в отношении использования «больших данных», наряду с разработкой и внедрением отечественных программных средств для ускорения цифровой трансформации отраслей в реальной экономике, которую можно было запланировать гораздо раньше [12]. Основные проблемы России в данной сфере заключаются в отсутствии стратегического видения и гибкости законодательства, а также в отсутствии неформального венчурного капитала и низком уровне позитивного предпринимательского отношения среди граждан от 18 до 34 лет. Экономика страны чрезмерно зависит от нефти и срочно нуждается в диверсификации [31].

3. Факторы акселерации цифровизации экономики

На примере России и Китая видно, что цифровизация действительно может послужить драйвером экономического роста. Очевидно, что индустриальная экономика неминуемо будет нуждаться в трансформации, в первую очередь цифровой. В рамках работы было целесообразно выделить факторы, способствующие акселерации цифровизации экономики.

Таким образом, было выделено три фактора, ускоряющих цифровую трансформацию национальной экономики:

1) человеческий капитал (наличие цифровых навыков у кадров государственного управления, всех субъектов национального, регионального и муниципального хозяйства, топ-менеджеров и руководителей среднего звена, предпринимателей (МСП));

2) технологические ресурсы и инфраструктура (масштабы интернет-покрытия в стране, работа НИИ и университетов, обеспечивающих подготовку кадров цифровой экономики, создающих и использующих ИКТ, работа бизнес-инкубаторов, стартап лабораторий и пространств для коворкинга, стимулирующих и поддерживающих предпринимательскую деятельность, а также повышающих цифровую грамотность населения страны);

3) заинтересованность руководства страны в цифровизации экономики, т. е. опреде-

ление цифровизации экономики как одного из национальных интересов страны, находящее отражение в национальных стратегиях и программных инициативах с конкретными целями и планом, и регуляторной политике, обеспечивающей выгодное положение отечественных цифровых ТНК и ТНК ИКТ на национальном рынке, а также их успешную интернационализацию.

Поскольку в рейтингах ГИИ, ГИП и РГЦК есть лидирующие страны (США, Сингапур, Швеция, Дания, Швейцария и др.), возможно в дальнейшем произвести применимость гипотез к их экономикам, а также изучить регуляторную политику правительства по отношению к Интернету и цифровому бизнесу. Нельзя не обратить внимания на тот факт, что в последующих исследованиях необходимо будет анализировать данные до начала 2020 г., который будет демонстрировать падение позиций многих стран не только в рейтингах, но и по показателю экономического роста ввиду пандемии COVID-19.

Рейтинг РГЦК демонстрирует стремительный рост позиции Китая и постепенное, стабильное усиление позиции России, несмотря на падение экономического роста обеих стран. Если кейс Китая показателен и подкрепляет логику гипотезы 1, что при инвестировании в инновации, ведущим к техническому прогрессу, а также создании благоприятных условий для предпринимательства и предпринимательской экосистемы, цифровизация экономики, особенно бизнеса, ускоряется, то кейс России в сравнении с Китаем является примером неудачной практики.

Гипотеза 2 подтверждена применительно к России и Китаю, однако есть некоторые оговорки. Китайская модель регулирования деятельности цифровых ТНК и ТНК ИКТ основывается на создании жестких рамочных условий и непосредственном участии государства в бизнес-процессах, что задает новый вектор в разработке стандартов регуляторной политики в области цифрового бизнеса и *Chinanet* в целом. Россия, в свою очередь, отличается от Китая национальной направленностью деятельности цифровых

компаний и их слишком слабыми позициями на мировых рынках. Правительство России пытается отслеживать новые бизнес-модели и вводить регуляторные меры для бизнеса и рунета. Что касается национальной программы цифровизации экономики РФ, то она не показывает существенных результатов, но правительство уже пытается предпринять меры, чтобы оправдать ожидания государственных учреждений, бизнеса и граждан до её выполнения.

Факторами акселерации цифровой экономики являются человеческий капитал, технологические ресурсы и инфраструктура, а также немаловажно позиционирование цифровизации экономики как одного из национальных интересов страны.

Библиографический список

1. Аптекман А., Калабин В., Клинцов В., Кузнецова Е., Кулагин В., Ясеновец И. Цифровая Россия: новая реальность. М., 2017.
2. Бабанов В.В. Факторы и проблемы развития цифровой экономики в России // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2017. № 4—1. С. 255—261.
3. Бухт Р., Хикс Р. Определение, концепция и измерение цифровой экономики // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13, № 2. С. 143—172.
4. В России отложили вступление в силу закона о предустановке отечественного софта на гаджеты. URL: https://www.znak.com/2020-03-31/v_rossii_otlozhili_vstuplenie_v_silu_zakona_o_predustanovke_otechestvennogo_softa_na_gadzhety.
5. Галиева Д., Сапожков О. Конкуренцию возвращают на рынки. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4260914>.
6. ЕАЭС обсуждает создание института оператора трансграничной интернет-торговли. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/2020-07-16-2.aspx>.
7. Еферин Я.Ю., Россоммо К.М., Хохлов Ю.Е. Цифровые платформы в России: конкуренция между национальными и зарубежными многосторонними платформами стимулирует экономический рост и инновации // Информационное общество. 2019. 1—2. С. 16—34.
8. Закон о «суверенном интернете». URL: <https://clck.ru/PPwMZ>.
9. Исраилова Э. А., Баланова М.М. О роли государства в регулировании деятельности платформенных компаний на примере КНР // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2020. № 2 (70). С. 191—198.
10. Как работает Интернет в Китае. URL: <https://vc.ru/flood/40314-kak-rabotaet-internet-v-kitae>.
11. Модель Солоу и проблема (не)развивающихся стран. URL: <https://sc2tv.ru/blogs/ved/2018/06/24/model-solou-i-problema-ne-razviva-yushikhsya-stran>.
12. Национальная программа Цифровая экономика Российской Федерации. URL: <https://clck.ru/Pdh5F>.
13. Национальные проекты. URL: <http://government.ru/classifier/section/2641/>.
14. О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 02.08.2019 г. № 259-ФЗ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44616>.
15. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41919>.
16. Паспорт национального проекта Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». URL: https://digital.gov.ru/uploaded/files/natsionalnaya-programma-tsifrovaya-ekonomika-rossijskoj-federatsii_NcN2nOO.pdf.
17. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 октября 2010 г. № 1815-р г. Москва «О государственной программе Российской Федерации «Информационное общество (2011—2020 годы)». URL: <https://rg.ru/2010/11/16/infobschestvo-site-dok.html>.
18. Цифровая экономика: ключевые факторы экономического роста в посткризисный период. URL: <https://ac.gov.ru/news/page/cifrova-ekonomika-klucevye-faktory-ekonomiceskogo-rosta-v-postkrizisnyj-period-26601>.
19. Acs Z., Szerb L., Autio E. Global Entrepreneurship Index 2015. Washington, 2016.
20. Acs Z., Szerb L., Autio E. Global Entrepreneurship Index 2016. Washington, 2017.
21. Acs Z., Szerb L., Autio E. Global Entrepreneurship Index 2017. Washington, 2018.

22. Acs Z., Szerb L., Autio E. Global Entrepreneurship Index 2018. Washington, 2019.
23. Acs Z., Szerb L., Autio E. Global Entrepreneurship Index 2019. Washington, 2020.
24. China to nurture platform economy growth. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2019-08/08/c_138294407.htm.
25. How the state runs business in China. URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/jul/25/china-business-xi-jinping-communist-party-state-private-enterprise-huawei>.
26. Leutert W. Firm Control: Governing the State-owned Economy Under Xi Jinping // China Perspectives. 2018. № 1—2. P. 27—33.
27. OECD. A Roadmap Toward A Common Framework For Measuring The Digital Economy. URL: <http://www.oecd.org/sti/roadmap-to-ward-a-common-framework-for-measuring-the-digital-economy.pdf#page105>.
28. Real GDP growth. URL: https://www.imf.org/external/datamapper/ngdp_rpch@weo/oemdc/advec/weoworld.
29. Romer P. Endogenous technological change // Journal of Political Economy. 1990. Vol. 98, № 5. P. 71—102.
30. Solow R. Technical change and the aggregate production function // Review of Economics and Statistics. 1957. Vol. 39, № 3. P. 312—320.
31. Telefónica Index on Digital Life Report 2016. Geneva, 2012.
32. The Global Innovation Index 2017: Innovation Feeding the World. Ithaca; Fontainebleau; Geneva, 2017.
33. The Global Innovation Index 2018: Innovation Feeding the World. Ithaca; Fontainebleau; Geneva, 2018.
34. The Global Innovation Index 2019: Innovation Feeding the World. Ithaca; Fontainebleau; Geneva, 2019.
35. The IMD World Digital Competitiveness Ranking 2017. Lausanne, 2017.
36. The IMD World Digital Competitiveness Ranking 2019. Lausanne, 2019.
37. The rise of China's tech sector: The making of an internet empire. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/rise-china-s-tech-sector-making-internet-empire>.
38. Transforming Business Models in the Platform Economy. URL: <https://www.dotmagazine.online/issues/going-digital/industry-4-0-paving-the-way/business-models-in-the-platform-economy>.
39. World Investment Report 2017. Investment and the Digital Economy. New York; Geneva, 2017.
40. Wu X., Gereffi G. Amazon and Alibaba: Internet Governance, Business Models, and Internationalization Strategies // International Business in the Information and Digital Age (Progress in International Business Research). 2018. Vol. 13. P. 327—356.

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ БЮДЖЕТНО-ОТЧЕТНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

*Р.Н. МАГОМЕДОВА, аспирант кафедры бухгалтерского учета, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
e-mail: radmi-d@mail.ru*

Аннотация

Развитие современных технологий управления бизнесом обусловлены постоянными реформами на экономических рынках, что в условиях конкуренции ставит предпринимателей перед необходимостью поиска новых технологий управления и контроля бизнеса. В этой связи в статье обоснована целесообразность и эффективность использования технологий управления на основе точечной взаимосвязи бюджетирования и управлеченческого учета в отношении показателей, существенно влияющих на прибыль компании. Для организации указанной взаимосвязи в статье доказана необходимость использовать ключевой подход в администрировании бизнеса, основанный на разделении компании на сегменты ответственности. Каждый сегмент в виде центра ответственности рекомендовано использовать для оценки «бюджетной стоимости» сегмента, а через управлеченческие отчеты — для оценки существенности полученных бюджетно-отчетных отклонений. Такой подход в условиях спроса на компетентных руководителей способен выявить функционально пригодных для менеджмента руководителей бизнес-сегментов.

Ключевые слова: бюджетирование, учет, план-фактные отклонения, центр ответственности, менеджмент.

DOI: 10.31429/2224042X_2021_62_92

Современная рыночная экономика отличается отсутствием для предпринимательской деятельности каких-либо профессиональных рекомендаций по формированию системы планирования, а на ее основе — технологии бюджетирования в отношении целевых показателей производственной активности коммерческих субъектов. В силу отсутствия

указанного вмешательства со стороны законодательства или профессиональных сообществ каждый субъект самостоятельно управляет своими бизнес-процессами, устанавливая технологию бюджетных процессов, структуру и наполняемость конкретных бюджетов. При этом, создавая концепцию выбора и принятия корректных управленческих решений, менеджмент субъекта опирается не только на фактические показатели, сколько на фактически достигнутые результаты в разрезе установленных целей. На этом фоне одним из главных факторов повышения эффективности и регулирования бизнес-процессов в предпринимательстве является выбор технологии формирования информации о план-фактных отклонениях, технологии их оценки и контроля существенных отклонений [1, 3—5].

В условиях отсутствия типичных методик и техники формирования бюджетных ориентиров, недостаточной практики системной взаимосвязи бюджетных и отчетных форм между собой современные топ-менеджеры вынуждены при формировании технологии бюджетирования опираться на собственные компетенции, учитывая отраслевую направленность различных регламентов, или на сложившуюся практику планирования в данной организации. При этом сегодня отсутствует рекомендованный предпринимателям подход выбора существенных и несущественных отклонений от плановых показателей бизнес-процессов. Ограниченнность управленческого ресурса, особенно в среде малого и среднего бизнеса, заключается в самом подходе к орга-

низации учета отклонений от бюджетных целей. Источником таких отклонений в основном становится расчет план-фактных разниц между фактически полученными данными в системе бухгалтерского учета и установленными бюджетными показателями на период в разрезе сегментов деятельности. Однако такой подход не раскрывает причины и виновника полученных отклонений, что затрудняет проведение факторного анализа внешних и внутренних причин выявленных отклонений. Это объясняется тем, что для последующего проведения управленческого анализа полученных отклонений важна не столько сумма разниц, сколько тот фактор, который привел к получению этой разницы. Обосновать это можно тем, что бюджет финансовых результатов от различных видов деятельности не дает представление о месте их возникновения, о руководителе, способствующем получению добавленной стоимости, об участии в зарабатывании прибыли привлеченных кредитных ресурсов. Последнее важно в силу необходимости объективного списания процентов по привлеченному кредиту на конкретный сегмент бизнеса. В этой связи в коммерческом менеджменте требуется детализация учетно-аналитических надстроек в технологии управления, каждая из которых объединяет взаимосвязанные показатели, разделенные между топ-менеджерами по уровням ответственности, что позволило бы раскрыть «бюджетную стоимость» зоны именной ответственности каждого руководителя.

При выборе технологии получения план-фактных отклонений целесообразно ориентироваться на многоуровневую систему бюджетно-учетных объектов, в отношении которых будут формироваться бюджеты и выстраиваться система аналитического управленческого учета. В качестве таких объектов могут выступать центры финансовой ответственности (ЦФО), места первичного возникновения затрат (МВЗ), услуги, товары или производственные процессы. Пример взаимосвязи многоуровневой бюджетно-учетной технологии на примере бизнес-процесса «Управление финансами» приведена на рис. 1.

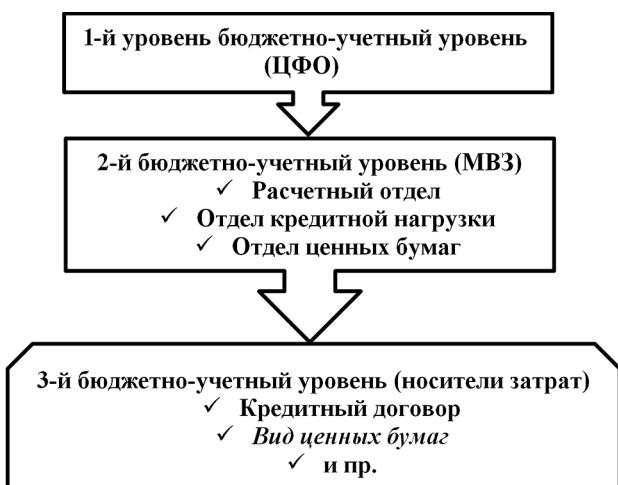

Рис. 1 Схема уровней ответственности за план-фактные показатели

Выделенные зоны ответственности трансформируются в объекты бюджетирования и одновременно в объекты управленческого учета. Формирование технологии получения план-фактных отклонений в системе управленческого учета и бюджетирования по единобразию уровней управления обеспечивается привлечением известного приема, а именно счетов и двойной записи не только на этапе учета, но и на этапе бюджетирования. Например, при планировании бюджета основных продаж на 100,0 млн р., которые будут непосредственно включены в бюджет продаж основного производства, сумма 100,0 млн р. должна быть включена в бюджет дебиторской задолженности по статье «Продажи». Привлеченная для этого иерархия ответственности за бюджетные показатели даст возможность получить через систему управленческую учета план-фактные отклонения как в разрезе бюджетов, так и по местам возникновения отклонений, а также позволит определить ответственных за отклонения в разрезе предварительно составленных кодификаторов причин.

Однако такой подход не получил массового распространения в предпринимательской деятельности, при том что он не предполагает революционных изменений в системе учета. Достаточно расширить соответствующие настройки в программных продуктах по учету для получения план-фактных отклонений по

уровням ответственности. Более объемная работа требуется для настройки программного продукта по бюджетированию, реализуемого на основе двойной записи при формировании взаимосвязанных бюджетов. В отечественной практике уже получили распространение аналогичные программные продукты. Основное препятствие для создания современной системы управления экономическим субъектом заключается в готовности управленческих кадров изменить надстройки ответственности за каждый экономический показатель, имеющий существенное влияние на прибыль компании.

Таким образом, современные реалии конкурентной экономики ставят предпринимателя перед сложным выбором: сформировать корпоративную бюджетно-учетную настройку для своего отраслевого бизнеса, учитывая особенности производственной технологии, структуры финансового управления, набора стратегических показателей, или использовать устаревший подход к формированию план-фактных отклонений, не учитывая зависимость между бюджетными показателями.

Независимо от выбранной технологии бюджетирования и ее взаимосвязи с управленческим учетом, алгоритм разработки бюджетных ориентиров начинается с бюджета продаж, от которого зависит наполнимость остальных бюджетов компании. Опираясь на информацию о бюджете продаж, прогнозируются бюджет производства и денежные потоки от потребителей, составляется бюджет коммерческих и прочих расходов. При этом, конечно, учитывается влияние таких факторов, как потребительский спрос, сезонные колебания, конкурентная среда и т. д.

Кроме того, требуется максимальная детализация затрат по каждому уровню ответственности, привлечение перспективных методик распределения затрат на прямые и косвенные, методик калькулирования себестоимости и пр. Чем более детализируются бюджетные показатели, тем более «у менеджеров появляется полезная обратная связь, помогающая ему своевременно выявлять участки, где возникают отклонения» [2].

Таким образом, выбор технологии бюджетирования и управленческого учета позволит через формат конкретных управленческих отчетов получить информацию о необходимости реагирования на существенные или чрезвычайные план-фактные отклонения. В таблице предложен формат такого отчета по исполнению бюджета о доходах и расходах в разрезе производственных заказов, на исполнение которых заключены договоры с заказчиками.

Ориентируясь на предложенную структуру бюджетной формы, в системе управленческого учета все показатели формируются по центрам ответственности в разрезе статей расходов, что позволяет сосредоточиться на оценке отклонений от бюджетных показателей при управленческом анализе. Аналогичный подход при построении бюджета доходов и расходов (БДР), бюджета движения денежных средств (БДДС), бюджета производства, инвестиционного бюджета и пр.

В этой связи возникает потребность в автоматизации бюджетных процессов и модуля управленческого учета. Современные программные продукты по бюджетированию, используемые в крупном и среднем бизнесе, такие как *HyperPillar* (введение плановых расходов и предполагаемых доходов); *Corporate Planner* (ввод фактических и плановых показателей) и др., предоставляют немалые возможности для решения управленческих задач. Кроме того, современные технологии сбора и обработки информации можно адаптировать под каждую отрасль, под особенности корпоративного бизнеса компаний. Выбор указанных технологий станет первым шагом в развитии более эффективного администрирования коммерческой деятельности, позволяющий выявить уязвимые места во взаимосвязанной системе бизнес-сегментирования. Основная задача при переходе на такую технологию — это синхронизация всех бюджетов, а далее — корреляция объектов бюджетирования и показателей к ним в систему управленческого учета. На рис. 2 приведен пример такой синхронизации при выборе бюджетно-учетной модели.

Отчет о план-фактных отклонениях в рамках исполнения производственного бюджета по заказам за _____ (месяц)

Статьям затрат	Заказы (договоры)		Всего
	№.....	№.....	
1. Выручка, тыс. р.			
Прямые затраты¹, тыс. р.			
2. Переменные затраты, всего, в том числе:			
2.1. Прямые трудозатраты			
2.2. Прямые материальные затраты			
2.3. Расходы на транспортное обслуживание			
2.4. Расходы на перемещение персонала			
2.5. Услуги производственного характера			
2.6. Прочие			
Полупеременные (косвенные) затраты², тыс. р.			
3. Полупеременные затраты, всего, тыс. р.			
3.1. Прямые трудозатраты			
3.2. Прямые материальные затраты			
3.3. Прочие затраты			
4. Итого переменные и полупеременные затраты, тыс. р. (п. 2 + п. 3)			
5. Маржинальный доход (п. 1 – п. 4)			
6. Рентабельность по маржинальному доходу, % [(п. 5 : п. 4) × 100]			
Постоянные расходы³, тыс. р.			
7. Постоянные расходы, всего	×	×	×
7.1. Заработная плата управленческого персонала	×	×	×
7.2. Социальные начисления на оплату труда			
7.2. Затраты на энергоресурсы	×	×	×
7.4. Прочие расходы	×	×	×
8. Финансовый результат деятельности предприятия, тыс. р. [п. 1 – (п. 4 + п. 7)]	×	×	×
9. Участие заказов в покрытии постоянных затрат, % [п. 5 (по каждому заказу) : п. 7] × 100]			

Примечания:

¹Учитываются по прямому признаку.

²Распределяются пропорционально нормо/час или на иной базе.

³Не распределяются.

Построение единой взаимосвязи информационного пространства может одновременно повлиять на изменения достигнутых показателей по всем бюджетам. Так, объем производства (бюджет производства) базируется на показателях объема продаж (на основе бюджетно-отчетных показателей), который определяется в стоимостном выражении в зависимости от потока денежных средств.

Таким образом, в статье представлены основные подходы к выбору технологии форми-

рования план-фактных отклонений, ориентированной на выбор технологии взаимосвязи бюджетирования и управленческого учета на основе построения многоуровневой ответственности за подконтрольные менеджерам показатели. Это позволит получать в системном режиме не только фактические показатели бизнеса, но и план-фактные отклонения по всем уровням производства и управления, по ответственным менеджерам, по времени исполнения бюджетов. При этом применение

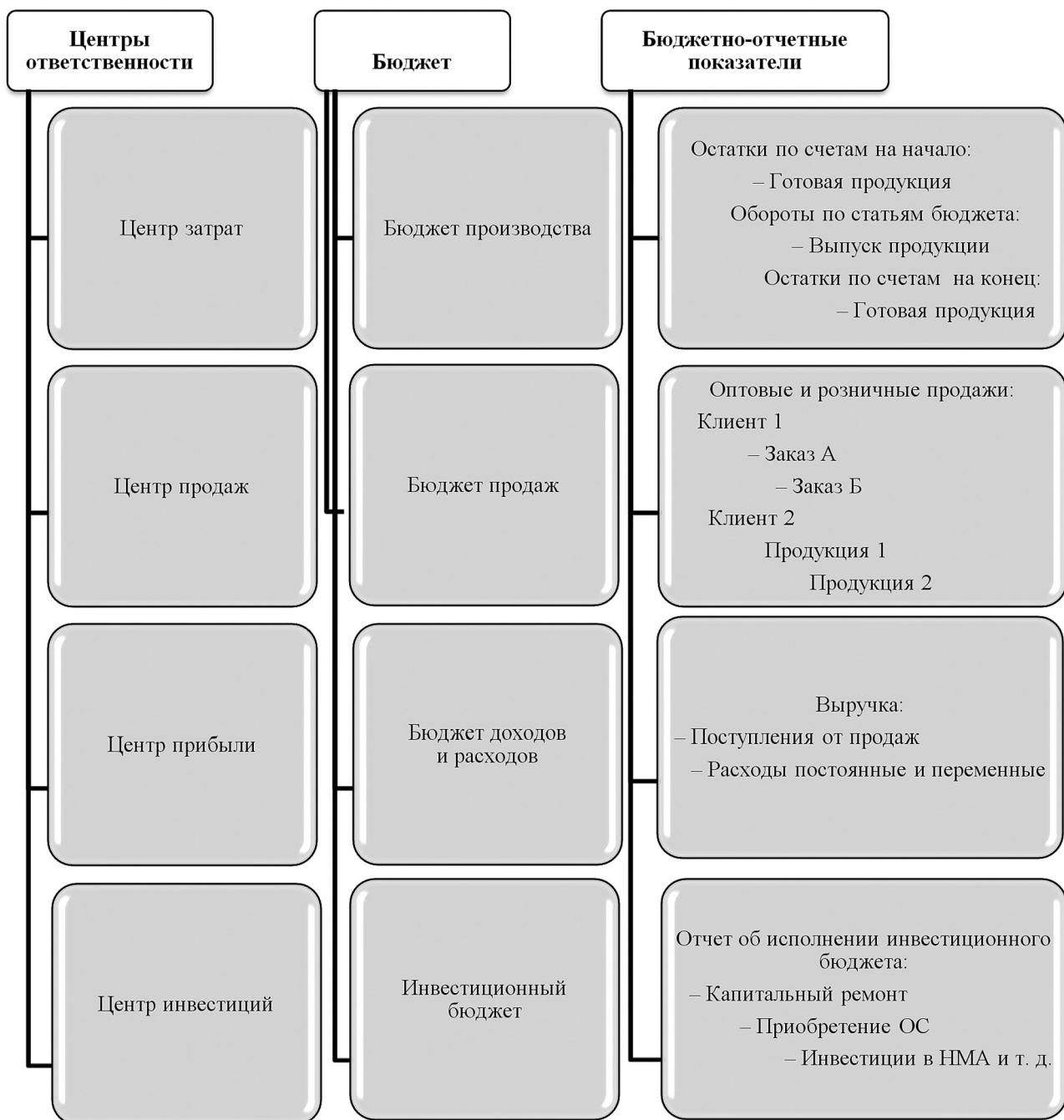

Рис. 2. Взаимосвязь целей при формировании бюджетно-отчетных показателей

корпоративной системы мотивации руководителей в зависимости от величины выявленных отклонений позволит минимизировать нежелательные от установленаих корпоративных целей компаний.

Библиографический список

1. Аникина Н.А. Внутрифирменные механизмы регулирования трансакционных издержек птицеводческих предприятий // Вестник Алтай-

ского государственного аграрного университета. 2010. № 7 (69). С. 83—86.

2. Бережной В.И., Крохичева Г.Е., Лесняк В.А. Бухгалтерский управленческий учет: учеб. пособие. М., 2014.

3. Друри К. Управленческий учет для бизнес-решений: учебник / пер. с англ. М., 2003.

4. Кондрakov Н.П. Бухгалтерский (финансовый, управленческий) учет: учебник. М., 2008.

5. Николаева О.Е., Шишкова Т.В. Управленческий учет. Изд. 6-е. М., 2006.

ФЕНОМЕН РЫНОЧНОГО ХОЗЯЙСТВА: ИНОВАЦИИ, ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, ОТРАСЛЕВАЯ ДЕФОРМАЦИЯ

В.А. СИДОРОВ, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической экономики Кубанский государственный университет
e-mail: sidksu@mail.ru

Я.С. ЯДГАРОВ, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической истории и истории экономических учений, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
e-mail: yakovyadgarov@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются дискуссионные положения, сформулированные по итогам VIII Международной научно-практической конференции по экономике. Показаны взгляды ученых-экономистов, представителей различных стран СНГ на эволюцию рыночного хозяйства, прежде всего в направлениях смещения мирового центра экономического влияния; политизации экономики; цифровой трансформации общества; деформации отраслевой структуры.

Ключевые слова: феномен рыночного хозяйства, цифровая экономика, инновации, бизнес, информационные технологии.

DOI: 10.31429/2224042X_2021_62_97

В научной жизни Кубанского государственного университета в последние годы получили развитие исследования, посвященные феномену рыночного хозяйства. Результаты этих исследований регулярно обсуждаются в рамках Международной научно-практической конференции «Феномен рыночного хозяйства: от истоков до наших дней». В этом году в силу обстоятельств, вызванных пандемией COVID-19, традиционные сроки проведения конференции были нарушены и она состоялась 10 октября 2020 г. в *online* режиме на платформе *Teams Microsoft*. Организаторами конференции выступили Кубанский государственный университет (д-р экон. наук, профессор В.А. Сидоров — председатель оргкомитета) и Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (д-р экон. наук, профессор Я.С. Ядгаров — научный руководитель конференции). Широкое представительство на конференции получили ученые-экономисты Средней Азии, Белоруссии, Армении, Грузии, Абхазии, Юга России, московских и российских университетов.

В целом конференция рассмотрела проблему сотрудничества стран постсоветского экономического пространства в условиях риска и неопределенности, определила три основных направления своей работы: неопределенность и риски бизнес-процессов в условиях глобальной нестабильности; цифровой феномен рыночного хозяйства, территориальный и отраслевой концепт хозяйственной динамики.

1. Феномен рыночного хозяйства в условиях риска и неопределенности

Процессы трансформации мировой экономики после распада биполярного мира до сих пор не приобрели отчетливых очертаний, поэтому современный мир отличается нестабильностью экономического взаимодействия, неопределенностью связей и общественных отношений.

Основным направлением экономических исследований последних лет является борьба с бедностью. В связи с этим дана оценка состояния бедности в глобальной экономике, рассмотрен вклад А. Банерджи и Э. Дюфло в ее решение. Проведенные исследования имеют огромное практическое значение: через систему оценки политики, направленной на сокращение бедности, разрабатывается система факторов, доходящая до уровня отдельно взятой семьи. Причина бедности — условия, в которых живет человек: проблемы питания, здравоохранения, образования, планирования семьи, микрокредитования, а также пути формирования среднего класса. Наработанные экспериментальные подходы борьбы с нищетой в разных странах, могут быть полезны и для стран СНГ.

Многообразные проблемы теоретического, методологического и эмпирического анализа феномена рыночного хозяйства и механизмов его функционирования через призму используемого в этих целях альтернативного методологи-

ческого инструментария были и остаются одной из насущных в осмыслении процесса эволюции основных исследовательских парадигм экономической науки. В связи с этим актуальным остается вопрос о либерализации и делиберализации экономических отношений. С системных позиций наследие экономической науки может быть объединено в три исследовательские парадигмы: экономический романтизм, утопический социализм и немецкая историческая школа. Идеи, в них содержащиеся, положены в основу современного морально-этического, нравственного, системного аналитического инструментария исследовательской методологической платформы и позиционируются на институциональном обновлении хозяйственной жизни, реализуясь в экономической революции, имеющей всеобщую мировую симптоматику. Важным предусловием становится оптимизация принципа сопоставления институциональных ограничений и механизма принуждения. В результате возникает вопрос о степени сочетания рыночных механизмов и мер государственного регулирования. Высокая степень нестабильности обусловлена для российской экономики исключительно нерыночными обстоятельствами, возникающими в связи с санкциями и ограничениями. Направления рыночного саморегулирования и действий государства по обеспечению эффективного функционирования экономики должны характеризоваться единством административных, экономических и организационных методов регулирования, формированием благоприятствующей деловой среды, обеспечением результативности партнерских отношений.

В современном мире нестабильность проявляется в смещении мирового центра экономического влияния; политизации мирохозяйственных связей; цифровой трансформации общества; деформации топливно-энергетической структуры. Заключение выгодных сделок международного масштаба сопровождается жесткими экономическими санкциями, торговым шантажом, угрозами. Свободная конкуренция переходит в соперничество за системный контроль над миром. Приоритет политики над экономикой проявляется в распаде англо-саксонской модели глобализации; сохранении высокого уровня взаимозависимости стран; нарастании экономических санкций; росте популярности идеи многополярного мира. Цифровая революция изменяет производственную функцию и структуру промышленности, повышает эффективность бизнес-моделей, сни-

жает трансакционные издержки. Деформация топливно-энергетической структуры мировой экономики наблюдается в перераспределении доли различных видов топлива в структуре мирового энергопотребления. Трансформация мирохозяйственного порядка, порождая нестабильность, ведет к поиску новых методов и способов хозяйствования, изучая которые, изменяется и экономическая наука. Приоритетом ее знания в современных условиях становятся причины неравновесности во всех их проявлениях.

2. Инновационные решения на платформе цифровизации рыночного хозяйства

Характерной чертой цифровых трансформаций является стремительная скорость их осуществления, возможность создания множества инновационных продуктов. Масштабная и разносторонняя роботизация нивелирует значимость такого фактора, как дешевизна трудовых ресурсов, что приводит к уменьшению влияния роли фактора эффекта масштаба и необходимости размещения производства вблизи потребительской базы. Одновременно возникает необходимость формирования теоретико-методологической базы для исследования феномена цифровой экономики, возникают проблемы, связанные с ее идентификацией, определением степени самостоятельности, ординарности относительно других экономических моделей, формирования специальной теоретико-методологической базы, определением ее места в системе социально-экономических и технико-технологических отношений современного общества.

Ключевым элементом в продвижении цифровой экономики становится образование. Цифровая эра требует не только новых умений от выпускников школ и вузов, но и другого подхода к организации самого обучения. Суть цифровой трансформации в том, чтобы эффективно и гибко применять новейшие технологии для перехода к персонализированному и ориентированному на результат образовательному процессу. Отсюда выделяются императивы, достижения этой цели: развитие материальной инфраструктуры (формирование дата-центров, новых каналов связи и устройств для использования цифровых учебно-методологических материалов); внедрение цифровых программ (создание, тестирование и применение учебно-методических материалов с использованием технологий машинного обучения); развитие онлайн-обучения (постепенный

отказ от бумажных носителей информации); разработка новых систем управления обучением (программы по администрированию и контролю учебных курсов); развитие системы универсальной идентификации учащегося; создание моделей учебного заведения; повышение навыков преподавателей в сфере цифровых технологий.

Вместе с тем не стоит забывать, что цифровизация образования несет в себе и немалые угрозы. Их группировка позволяет заключить, что наиболее серьезные скрыты, во-первых, в понимании того, что обучение — это сфера бизнеса, продажа услуг, человек рассматривается как товар, отсюда устремленность на таланты, которые дороже стоят и приносят большую прибыль. Во-вторых, в изначальном неравенстве формируются индивидуальные траектории развития, направления которых — очное и дистанционное обучение. В-третьих, в изменении содержания и методики обучения. Фундаментальное образование остаётся только для немногих. Использование новых информационно-коммуникационных технологий является только начальным условием для дальнейшего развития цифровой педагогики.

Следствием цифровизации выступают изменения потребностей в персонале: снижается спрос на профессии, связанные с выполнением формализованных видов работ, быстрой сменой технологий; трансформируется профиль компетенций ряда категорий персонала; динамично возникают новые специальности; увеличиваются требования к гибкости и адаптируемости персонала; растет спрос на специалистов в области цифровых «сквозных» технологий, виртуальных и мобильных предприятий. Как результат рассмотрена схема процесса инициирования новых профессий и определены стратегические направления формирования и развития цифрового пространства Евразийского экономического союза в перспективе до 2025 г.

3. Отраслевой контент феномена рыночного хозяйства

Большой интерес среди участников конференции вызвало обсуждение специфики функционирования агропромышленного комплекса стран СНГ, поскольку это не просто всеобщая проблема, но проблема жизнеобеспечения всех без исключения стран Евразийского экономического пространства. В дискуссии приняли участие представители московских, белорусских, армянских, кубанских, узбекских, казахских, украинских высших учебных заведений. Основ-

ной вопрос — достижение равновесия на рынках продовольствия. Анализ рыночной конъюнктуры России, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Армении раскрыл страновые особенности, обосновал необходимые меры государственного регулирования равновесия на рынках продовольствия. Выяснилось, что основной проблемой является превышение общих объемов потребления над объемами отечественного производства. Имеет место тенденция к падению стоимости (цен) сельскохозяйственной продукции по отношению к стоимости (ценам) промышленной продукции (диспаритет цен). Отмеченное свидетельствует о том, что важнейшей задачей государства является принятие мер по расширению спроса на агропродовольственном рынке. Целесообразно использовать следующие пути повышения спроса на продовольствие: 1) принятие мер по повышению спроса на продовольствие малообеспеченных слоёв населения; 2) расширение спроса на продовольствие за счет программ школьных обедов, продовольственной помощи для кормящих матерей и малолетних детей, поставок отечественного продовольствия в детские сады, оздоровительные лагеря, дома ветеранов, лечебные учреждения, вооруженные силы, пенитенциарные учреждения.

Одной из современных организационных форм освоения инновационных разработок на производственных объектах АПК должны стать агро-технополисы, агротехнопарки, агрокластеры, бизнес-инкубаторы. В них возможно осуществлять поточное комплексное освоение научно-технической продукции, полученной в ходе реализации государственных, отраслевых, научно-технических программ и международных проектов. Главная задача технопарков — содействие инноваторам в коммерциализации инновационных идей: поиск потенциальных заказчиков, проведение переговоров, предоставление научно-лабораторной базы для доведения инновационного проекта до стадии апробации и внедрения в производство, участие в создании новых производств малого бизнеса.

Проблемы с продвижением инноваций в аграрный сектор необходимо решать через повышение уровня участия субъектов АПК в заказе научных исследований: адресное финансирование разработки передовых инновационных технологий; развитие потребности мелких предприятий в использовании новых технологических решений; приближение науки к производству.

Заключительная дискуссия

На завершающем этапе конференции были подведены ее итоги и выработана стратегия дальнейших действий по популяризации феномена рыночного хозяйства, принято следующее постановление:

1. Проведение конференции, направленной на исследование феномена рыночного хозяйства, отвечает функциям целеполагания своевременной науки и практики, для российской теоретической экономики является актуальной.

2. Международный статус проводимого форума позволяет своевременно информировать пост-

советское научное экономическое сообщество о происходящих событиях, трансформационных метаморфозах рыночного хозяйства, институциональных предпочтениях.

3. Целесообразность продолжения конференции в предстоящем периоде отвечает требованиям науки и образования, способствует выявлению причин доминирования парадигмы рыночной идеологии.

По окончании конференции состоялась презентация двух новых монографий, приуроченных к ее началу.

UDC 330.101

SOME DEVELOPMENT TRENDS OF MODERN ECONOMIC SCIENCE METHODOLOGY AND ONTOLOGY

*O.V. NIFAEVA, Candidate of economic sciences (Ph.D.), Associate professor, Associate professor of production management Department, Bryansk State Technical University
e-mail: olganifaeva@yandex.ru*

Abstract

The article points out the key trends of transformation of modern economic science methodology and ontology. It considers the factors, which cause the necessity to re-examine the generally accepted model of homo oeconomicus. The article shows how the model of homo oeconomicus is expanded as an important factor of evolution of economic science disciplinary ontology. The changes described in the article form methodological grounds for the future scientific revolution in economics.

Keywords: *model of homo, methodology, ontology, ethics, economic rationality.*

References

1. Avtonomov V.S. Model of man in economic science. SPb.: Economic School, 1998. 230 p.
2. Ananyin O.I. The structure of economic theory knowledge: methodological analysis. M.: Science, 2005. 243 p.
3. Blaug M. The methodology of economics, or How economists explain. M.: Journal of Economic Issues, 2004. 416 p.
4. Kolpakov V.A. The crisis of economic science as a loss of its vital significance // Epistemology and Philosophy of Science. 2007. Vol. XII. No. 2. P. 203—211.
5. Kuhn T., Lakatos I., Popper K. The structure of scientific revolutions. M.: AST, 2003. 605 p.
6. Nifaeva O.V. Economics and ethics: The theory and methodology of interconnection. Bryansk: New Project, 2015. 295 p.
7. Nifaeva O.V. Ethical and methodological foundations of economic science in a model of man // Economics: Theory and practice. 2018. No. 3 (51). P. 27—31.
8. Simon H.A. Rationality as process and as product of thought // THESIS. 1993. Vol. 3. P. 16—39.
9. Saint-Simon C. H. Selected works: in 2 vols. M.; L.: USSR Academy of Science, 1948.
10. Styopin V.S. Theoretical knowledge. M.: Progress-Tradition, 2000. 744 p.
11. Philosophic encyclopaedic dictionary / S.S. Averintsev, E.A. Arab-Ogly, L.F. Ilyichyov (eds). 2nd ed. M.: Soviet Encyclopaedia, 1989. 815 p.
12. Blaug M. Ugly currents in modern economics // Options Politiques. 1997. Vol. 18. No. 17. P. 3—8.
13. Keynes J.M. The general theory of employment, interest and money. L.: Macmillan, 1936. 472 p.
14. Mitchell W.C. The rationality of economic activity // Journal of Political Economy. 1910. Vol. 18. No. 2. P. 97—113.
15. Robbins L. An essay on the nature and significance of economic science. L.: Macmillan, 1935. 158 p.
16. Veblen T. The place of science in modern civilization and other essays. N.Y.: B.W. Huebsch, 1919. 456 p.

UDC 336.648

INITIAL PUBLIC OFFERING OF SHIPPING COMPANIES AS A METHOD OF FINANCING AND PRIVATIZATION

*I.V. SHEVCHENKO, Doctor of Economics, Full Professor,
Dean of economic faculty, Kuban State University
e-mail: dean@econ.kubsu.ru*

*N.V. KHUBUTIA, Postgraduate student of Finance and Credit Department, Kuban State, Kuban State University
e-mail: exclusi@list.ru*

Abstract

This article looks at the specifics of initial public offerings (IPOs) in the shipping industry. The shipping sector is a market of great interest, with a long history in our country; the economies of many countries are based on shipping. The IPO review includes a theoretical overview of the IPO with a focus on the shipping sector, it also includes an overview of the shipping industry, describes the shipping market, financing methods in the shipping industry, and provides a picture of the financial cycles of the shipping business with reference to the financial performance of shipping companies. The article reflects a systematic analysis of all related parties in the IPO process and describes the role and interests of the company that goes public, the bank responsible for the IPO (underwriter),

and investors.

Keywords: *initial public offering, shipping industry, shipping market, IPO, IPO cyclicity, undervaluation, shares, stock market, stock exchange, privatization, investments.*

References

1. Arosio R., Guidici G., Paleari S. What drives the initial market performance of Italian IPOs? An empirical investigation on underpricing and price support, Working Paper, University of Bergamo, 2000.
2. Initial Public Offerings. U.S. Securities and Exchange Commission. URL: <http://www.sec.gov/answers/ipo.htm>.

ABSTRACT

3. Delof M., De Maesneir W., Ingelbrecht, K. How Do Investment Banks Rate an Initial Public Offering (IPO) ? // Journal of Business, Finance and Accounting. 2007.

4. Cournot A.A. [Transl. N.T.Bacon 1897], "Studies in the Mathematical Principles of Wealth Theory," included

in: Stopford. Maritime Economics, 3rd Edition, Rutledge. M., 2009.

5. Schultz P.H., Zaman M.A. After-sales support and understatement of initial public offerings // Journal of Financial Economics. 1994. Vol. 35 (2). P. 199—219.

UDC 338.22

IMPROVEMENT OF FINANCIAL INSTRUMENTS FOR INCREASING THE INVESTMENT ACTIVITY OF ENTERPRISES OF THE PROCESSING INDUSTRY OF THE RUSSIAN FEDERATION

*Y.U.N. ALEKSANDRIN, Candidate of economic sciences (Ph. D.), Associate professor, Associate professor of World Economy and Management Department, Kuban State University
e-mail: alex_yun.05@mail.ru*

*A.A. VERNER, Master's student of World Economy and Management Department, Kuban State University
e-mail: ms.verner777@mail.ru*

Abstract

The level of investment activity of manufacturing enterprises in the Russian Federation for 2018-2020 is analyzed in the article. The factors that negatively affect the implementation of investment projects in this sector of the Russian economy are identified. The authors pay special attention to assessing the effectiveness of using such financial instruments in the investment sphere as SPIC 2.0 and public-private partnerships.

Based on the study results the set of recommendations for improving these tools in the context of modernizing and diversification of the Russian economy was developed by authors.

Keywords: *investment activity, financial instruments, public-private partnership, special investment contracts, manufacturing industry, SPIC 2.0, PPP.*

References

1. ROSINFRA infrastructure projects base. URL: <https://rosinfra.ru/project> (Accessed 26.04.2021).
2. Investments in infrastructure and PPP 2020. URL: <https://ppcenter.ru/upload/iblock/e5e/e5ec76f7879f853cf317801126597102.pdf> (Accessed 26.04.2021).

(Accessed 26.04.2021).

3. Investments in fixed assets since 2017. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58090> (Accessed 04.26.2021).

4. Tax Code of the Russian Federation. Art. 284.9. URL: <http://www.consultant.ru> (Accessed 29.04.2021).

5. The law on the updated SPIC 2.0 mechanism was signed. URL: <http://www.consultant.ru/law/hot-docs/58824.html/> (Accessed 26.04.2021).

6. Distribution of organizations according to the assessment of factors affecting investment activities. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58090> (Accessed 28.04.2021).

7. Register of special investment contracts. URL: <https://minpromtorg.gov.ru/activities/vgpp/vgpp2/done/> (Accessed 28.04.2021).

8. SPIC 2.0 A new approach to investment in industry. URL: https://www.pmagency.ru/wp-content/uploads/2019/09/SPIK-2.0_New-approach-to-investments-in-industry.pdf (Accessed 28.04.2021).

9. Strategies and programs of the Russian Government. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/section/2176/> (Accessed 28.04.2021).

10. The government has approved the List of modern technologies for special investment contracts. URL: <http://government.ru/news/41027> (Accessed 30.04.2021).

UDC 331.104

QUALITY OF WORK LIFE AS A SOCIO-ECONOMIC CATEGORY: DIFFERENCES IN APPROACHES IN RUSSIA AND CHINA

*I.V. TSYGANKOVA, Doctor of Economics, Full Professor of Labour Economics Department, St. Petersburg State University of Economics; Full Professor of Social Technologies Department, North-Western Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: icygankova@list.ru*

*O.S. REZNIKOVA, Doctor of Economics, Full Professor of Personnel Management Department,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University
e-mail: os@crimea.com*

*YIN HUANG, Post-graduate student of Labour Economics Department, St. Petersburg State University of Economics
e-mail: 499285918@qq.com*

Abstract

The article examines the existing approaches to the

essence of the quality of working life as a socio-economic category in Russia and China. The main elements of the quality of working life are identified on the basis of a re-

view of the scientific literature. Differences in approaches and features of the working life quality in Russia and China are identified and formulated.

Keywords: *quality of working life, decent work, working conditions, job satisfaction.*

References

1. Andrukhov V.A. The quality of labor life as an indicator of the socio-economic well-being of an organization. 2012. No. 4. p. 2.
2. Genkin B.M. Labor economics. M.: NORM, 2019. 352 p.
3. Ivanovskaya V.Yu., Ivanovskaya A.L. Quality of labor life as a factor of ensuring economic growth. Economics and Business: theory and practice. 2019. № 3—1.
4. Lantushenko L.S. Managing the quality of working life as a factor in improving the efficiency of labor at the enterprise in the quality management system. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-kachestvom-trudovoy-zhizni-kak-faktora-povysheniya-effektivnosti-truda-na-predpriyatiu-v-sisteme-menedzhmenta-kachestva> (accessed: 23.03.2021).
5. Masalova Yu.A. The quality of the working life of a university teacher in the conditions of remote employment. Labor economics. 2021. Vol. 8. No. 3. P. 261—274.
6. Potudanskaya V.F., Lantushenko L.S., Novikova T.V. Quality of labor life as an environment for attracting workers to industrial enterprises // Creative economy. 2014. No. 8. P. 93—98.
7. Sladkova K.S. Satisfaction with work as a characteristic of the quality of working life // Humanitarian Scientific Journal. 2018. No. 1-1. P. 125—130.
8. Taraban O.V. Analysis of approaches to assessing the quality of working life. Labor economics. 2018. Vol. 5. No. 4. P. 989—996.
9. Tsygankova I.V. Globalizatsiya i kachestvo trudovoy zhizni // Globalization and the quality of labor life. 2008. No. 1. P. 13—15.
10. Chan K.W., Wyatt T. Quality of Work Life: a Study of Employees in Shanghai, China. Asia Pacific Business Review. 2007. Volume 13. Issue 4.
11. Chen, S.-C., Jiang, W., Ma, Y. Decent work in a transition economy: An empirical study of employees in China. Technol. Soc. Chang. 2020. 153 pp., 119947.
12. Chuang, P.-J., Chiu, S.-F. When moral personality and moral ideology meet ethical leadership: A three-way interaction model. Ethics Behav. 2018. Vol. 28, P. 45—69.
13. Jiao Y., Tang W., Zhou J. Research on work-life quality of farmers in urban areas and its influencing factors-analysis based on a survey of farmers in pudong new area of Shanghai. Popul. Econ. 2008. P. 62—66.
14. Ko C., Haney M.H., Lee G. Effects of ethical leadership and formal control systems on employee opportunistic behavior in China. Benchmarking Int. J. 2018.
15. Liu X., Huang G., Huang H., Wang S., Xiao Y., Chen W. Safety climate, safety behavior, and worker injuries in the Chinese manufacturing industry. Saf. Sci. 2015. Vol. 78, P. 173—178.
16. Rao H. Farmer worker management system innovation based on quality of work life perspective. Guangdong. Soc. Sci. 2012. P. 215—220.
17. Wang H. et al. Quality of working life. Survey on teacher's in primary and middle schools- the case of Jiangxi Provence. Educational Measurement and Evaluation. 2018. (1). P. 18—31.
18. Wu S., Li H., Tian J., Zhu W., Li J., Wang X. Health-related quality of life and its main related factors among nurses in China. Ind Health 2011. 49: P. 158—165.
19. Zhou F., Wu Y.J. How humble leadership fosters employee innovation behavior. Lead. Organ. Dev. J. 2018. Vol. 39. P. 375—387.
20. Zhu C., Wang J., Fu X., Zhou Z., Zhao J., Wang C. Correlates of Quality of Life in China Rural-to-Urban Female Migrate Workers // Qual. Life Res. 2012. 21 (3). P. 495—503.

UDC 331.5

THE IMPACT OF DIGITALIZATION ON THE LABOR MARKET AND EMPLOYMENT

A.K. KOCHIEVA, Candidate of economic sciences (Ph.D.), Associate professor of World Economy and Management Department, Kuban State University
e-mail: akadeh@yandex.ru

Abstract

The article highlights the trends in the labor market and the peculiarities of employment under the influence of such a factor as digitalization, which, in turn, has intensified during the 2020 pandemic. It is shown how the introduction of modern digital technologies affects the change in the jobs supply and demand, forms of employment, unemployment, etc., forming a new modern state of the labor market. A range of problems and a direction for further research in this area are determined.

Keywords: *digitalization, information technology, unemployment, labor market, pandemic, employment.*

References

1. Alexandrova E., Kochieva A. Modern Aspects of Digital Technologies Development in Retail Networks. In: Antipova T. (eds) Comprehensible Science. ICCS 2020. Lecture Notes in Networks and Systems. 2021. Vol

ABSTRACT

186. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-66093-2_11.
2. Covid widened the gender gap — it will now take 135 years to close that divide, WEF says. URL: <https://www.cnbc.com/2021/04/01/wef-covid-worsened-the-gender-gap-it-will-take-135-years-to-close.html>.
3. Digital 2020: Global Digital Overview. We Are Social, Hootsuite. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2020-global-digital-overview>, last accessed 2020/07/11.
4. Emilia Herman, The Influence of ICT Sector on the Romanian Labour Market in the European Context, Procedia Manufacturing, Volume 46, 2020, Pages 344-351
5. Frey C.B., Osborne M.A. ‘The Future of Employment: How Susceptible Are Jobs To Computerisation?’ // Technological Forecasting and Social Change. 2017. Vol. 114. P. 254—80.
6. Petropoulos G. The impact of artificial intelligence on employment, in Edited by M. Neufeld, J. O'Reilly, F. Ranft Work In The Digital Age: Challenges of the Fourth Industrial Revolution, (2018) 119—132.
7. Gallino S., Moreno A. Integration of online and offline channels in retail: The impact of sharing reliable inventory availability information. Management Science 60, pp. 1434—1451 (2014).
8. Keynes J.M. Economic Possibilities for our Grandchildren // Essays in Persuasion. N.Y.: W. W. Norton & Co, 1963. P. 358—373.
9. Smith, A., Anderson J. (2014), AI, robotics, and the future of jobs, Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2014/08/06/future-of-jobs/>.
10. The Future of Jobs in the Era of AI. URL: <https://www.bcg.com/publications/2021/impact-of-new-technologies-on-jobs>.
11. The Future of Jobs Report 2020. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-future-of-jobs-report-2020>
12. Employment and unemployment in the Russian Federation. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/BCqK9QM/zanyatost.pdf>.
13. Indicators of the digital economy 2020. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/387609461.PDF>
14. Methods for calculating indicators. URL: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/metodika\[1\].pdf](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/metodika[1].pdf).
15. Simachev Yu.V., Kuzyk M.G., Fedyunina A.A., Yurevich M.A. Labor Productivity in Russian Companies: How to Promote Sustainable Growth // NEA Journal. 2020. № 4 (48). P. 205—217.
16. Federal State Statistics Service. URL: <https://rossstat.gov.ru/statistic>.

UDC 331.101.3:005.96

UDC 339.138(470+571)

EVOLUTION OF THE THEORETICAL CONCEPTS ON LABOR MOTIVATION OF WORKERS

I.A. PAVLENKO, Candidate of economic sciences (Ph.D.), Associate professor of Enterprise Economics, Regional and Personnel management Department, Kuban State University
e-mail: 18irina68@bk.ru

E.A. DERKACHEVA, Candidate of economic sciences (Ph.D.), Associate professor of Industry and Project management Department, Kuban State Technological University
e-mail: derkacheva_elena@bk.ru

P.S. PAVLENKO, Master's student of Enterprise Economics Department, Regional and Personnel management, Kuban State University
e-mail: pavlenko_polina@bk.ru

Abstract

To create research methods of labor motivation of workers it is necessary to consider the theoretical aspects of this problem. This article studies the evolution of theoretical concepts about the labor motivation of personnel, which allows to justify scientific approaches to the research of labor and motivation of the organization. The researchers' approaches to a number of motivational theories and stages of development of scientific concepts on labor motivation are analyzed.

Keywords: the labor motivation of personnel, com-

petitiveness of workers, cognitive processes, reward mechanism, technical and functional anchor.

References

1. Vereshchagina L.A., Karelina I.M. Psychology of needs and staff motivation. Kharkov, 2005.
2. Kravchenko E.C., Skorik A.A. Key dominants of modern theories of enterprise personnel motivation // Donetsk National University of Economics and Trade named after V.I. M. Tugan-Baranovsky, Donetsk, Ukraine. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/38546117.pdf>.

UDC 005.591

INNOVATIVE COGNITIVE CONTENTMANAGEMENT

*N.R. MOLOCHNIKOV, Doctor of Economic Sciences,
Full professor of Enterprise Economics, Regional and
Personnel management Department, Kuban State University
e-mail: mnr001@mail.ru*

*T.A. ROVOVAYA, Doctor of Philosophical Sciences,
Associate Professor, Professor of International Tourism
and Management Department, Kuban State University
e-mail: taniaprokopenko@mail.ru*

*K.O. LITVINSKY, MBA, Candidate of
Economic Science, Associate Professor, Head of
the Department of Economics and Innovation
Systems Management, Kuban State University
e-mail: litvinsky@econ.kubsu.ru*

Abstract

In the conditions of global uncertainty, the refined tools in terms of the expanded use of domestic and foreign research methods and methods of influencing business processes are of great importance for the functioning of the organization. At the same time, some of the tools represent successful technologies in the content of cognitive management. For the first time, from the point of view of the system approach, the organization's tools are considered as a system in which the defining (basic) sub-system is the tools of personnel management, and the HR technologies developed by it become effective tools of the organization that determine its innovative strategy. In this regard, the application of the business performance assessment chart is currently an up-to-date tool of the organization in the form of a detailed technology with specific convergent measures of protection against competitors in terms of borrowing foreign experience and adapting to Russian organizations.

Keywords: personnel management, organization-

al tools, cognitive management, system approach, HR-technologies, business.

References

1. Gerasimova E.B., Gerasimov B.I., Sizikin A.Yu. Quality management: textbook / ed. by B.I. Gerasimov. 4th ed., ispr. and add. M.: FORUM: INFRA-M, 2017.
2. Gorbashko E.A. Quality management: Textbook. E.A. Gorbashko. 2nd ed. ispr. i dop. M.: Yurayt Publishing House, 2016.
3. Patfullin G.R., Raichenko A.V. Theory of organization: A textbook for universities.
4. Molochnikov N.R. On the question of the relationship between cognitive and convergent strategic management. Kazan Economic Bulletin. 2020, № 3.
5. Okrepilov V.V. Quality management: Textbook. 2nd ed. M.: Ekonomika, 1998.
6. Fatkhutdinov R.A. Production management: A short course. St. Petersburg: Peter, 2004.

UDC 332.144+336.3

**THE EFFICIENCY OF REGIONAL FINANCIAL SUPPORT ESTIMATION
AND THE EMPLOYMENT FORECASTING IN THE SECTOR OF SMALL
AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES OF THE KRASNODAR KRAI**

*V.V. ZABOLOTSKAYA, Candidate of economic sciences
(Ph.D.), Associate Professor, Department of World
Economy and Management, Kuban State University
e-mail: zvikky90@gmail.com*

*G.I. FOSCHAN, Candidate of economic sciences
(Ph.D.), Associate Professor, Department of
Theoretical Economics, Kuban State University
e-mail: foshan@mail.ru*

*T.S. SHAKIROVA, Master's student
Department of World Economy and
Management, Kuban State University
e-mail: tanya-shakirova@mail.ru*

Abstract

The article examines the features of regional state support and development of small and medium-sized enterprises (SMEs) in the Krasnodar krai, including the period of the coronavirus pandemic (COVID-19). With the application of econometric modeling, the effectiveness of regional financial support for SMEs in the Krasnodar krai was assessed (according to the key indicator — the number of people employed at small and medium-sized businesses (including individual entrepreneurs)). The simulation results have showed a significant dependence

of employment growth in the SME sector of the Kuban on the volume of their regional financial support and devaluation of the national currency. A medium-term forecast of SME employment growth in the region was built until 2023.

This study was financed by the Russian Foundation for Basic Research and the Krasnodar krai (Grant No. 19-410-230060_r_a).

Keywords: Krasnodar krai, small and medium-sized businesses, financial support measures, employment, coronavirus infection, devaluation, dynamic econometric

ABSTRACT

model with a distributed lag.

References

1. *Belozerov S.A., Zabolotskaya V.V.* State stimulation of innovation in Switzerland and Russia. Modern Europe. 2021. No 1. P.1—13.
2. *Kuznetsov Yu.V., Bykova N.V.* The effectiveness of state support for small business in Russia. Finance: theory and practice. 2017. No. 21 (6). P. 50—59.
3. *Tumanyants K.A., Sinitsyna E.D., Fisher O.V.* A quantitative assessment of the impact of government subsidies on the development of small business in Russia // Financial analytics: problems and solutions. 2017. Vol. 10, No. 10. P. 1173—1187.
4. *Pleshakov G.G.* Factors of formation and development of the regional entrepreneurial environment: dis. ... Cand. Econ. Sciences. Volgograd. 2020.
5. *Alsaaty F.* Dwindling Entrepreneurial spirit in the United States: A Time for Rethinking and Action // Journal of Small Business and Entrepreneurship Development, 2017. Vol. 5, iss. 1. P. 55—63.
6. *Cortés K., Demyanyk Y., Li L., Loutskina E., Strahan P.E.* Stress tests and small business lending. Journal of Financial Economics, 2019. Vol. 136. P. 260—279.
7. *Kersten R., Harms, J., Liket K., Maas K.* Small Firms, large Impact? A systematic review of the SME Finance Literature // World Development. 2017. Vol. 97. P. 330—348.
8. *Petrovskaya A.V., Ermakova Yu.S.* Small business in a pandemic: problems and solutions. Economy: theory and practice. 2020. No. 2 (58). P. 133—139.
9. *Zelinskaya M.V., Medvedeva O.V.* Subsidizing as an instrument of state support for small and medium-sized businesses // Scientific journal of KubSAU. 2016. No. 123 (09). P. 1—15.
10. *Pleshakova M.V.* Analysis of the business climate of the Krasnodar Territory // Economy: theory and practice. 2014. No. 2 (34). P. 43—47.
11. *Chernova O.A., Mitrofanova I.V.* Economic policy of the agro-industrial regions of southern Russia in the conditions of COVID-19 // Regional Economy. South of Russia. 2020. Vol. 8, No. 3. P. 150—162.
12. About the Strategy of social and economic development of the Krasnodar region until 2030. Law of the Krasnodar Territory of December 21, 2018 No. 3930-KZ (as amended on December 9, 2020). URL: <https://docs.cntd.ru/document/550301926>.
13. On the situation on the labor market of the Krasnodar Territory on February 1, 2020. URL: <https://kubzan.ru/Documents/Detail/f3aa948a-110c-47ec-8a5c-e83a31cb5a04/>.
14. Big support for small: how SMEs are helped in Kuban. URL: <https://www.dg-yug.ru/article/108590.html>.
15. Financing of national projects in the Kuban in 2020 will increase by more than a third. URL: <https://tass.ru/nacionalnye-proekty/7121135>.
16. Passport of the state program of the Krasnodar Territory «Social, economic and innovative development of the Krasnodar Territory». URL: <https://economy.krasnodar.ru/gos-prog-kk/the-programme-coordinated-by-the-ministry-of/seiin-razv/>.
17. Analytical note on the implementation of the sub-programs of the state program of the Krasnodar Territory «Social, economic and innovative development of the Krasnodar Territory», coordinated by the Department of Investment and Small and Medium Business Development of the Krasnodar Territory at the end of 2018. URL: <http://www.mbkuban.ru/documents/realizatsiya-programm-gosudarstvennoy-podderzhki/>.
18. Analytical note on the implementation of the sub-programs of the state program of the Krasnodar Territory «Social, economic and innovative development of the Krasnodar Territory», coordinated by the Department of Investment and Small and Medium Business Development of the Krasnodar Territory for 2019. URL: <http://www.mbkuban.ru/documents/realizatsiya-programm-gosudarstvennoy-podderzhki/>.
19. Law of the Krasnodar Territory «On the development of small and medium-sized businesses in the Krasnodar Territory» dated April 4, 2008 No. 1448-KZ (as amended on December 29, 2020). URL: <https://docs.cntd.ru/document/461601781>.
20. In the Krasnodar Territory, in 2020, a register of social entrepreneurs will be created. URL: <https://tass.ru/msp/7062518>.
21. Resolution of the Head of the Administration (Governor) of the Krasnodar Territory No. 944 (as amended on 03/10/2020) «On approval of the state program Development of agriculture and regulation of markets for agricultural products, raw materials and food in the Krasnodar Territory». URL: <http://docs.cntd.ru/document/430643160>.
22. The Kuban authorities have estimated the number of businessmen affected by the coronavirus. URL: <https://kuban.rbc.ru/krasnodar/22/05/2020/5ec7bd8c9a794743f753070d>.
23. *Tamrazyan A.* Impulse to revitalization // South Times. URL: <https://yugtimes.com/news/58177/>.
24. Corona blow: the losses of the Kuban budget from the pandemic reached ₽21 billion. URL: <https://kuban.rbc.ru/krasnodar/12/05/2020/5eba618d9a79474cdffad119>.
25. Business support in the context of COVID-19. URL: <http://www.mbkuban.ru/covid/#bizsupport>.
26. Rules for the provision of microloans to individuals applying the special tax regime of the NPA, small and medium-sized businesses, organizations of the infrastructure for supporting small and medium-sized businesses of the Krasnodar Territory, a unitary non-profit organization - the microcredit company «Fund for Microfinance of Small and Medium Enterprises of the Krasnodar Territory». URL: https://fmkk.ru/upload/iblock/e12/pravila_31.03.2021.pdf.
27. Big in «small»: how to get support for small and medium-sized businesses in the Kuban. URL: <https://krasnodarmedia.su/news/906722/>.

28. What subsidies can small businesses of the Kuban receive. URL: <https://xn--90aifddrlld7a.xn--p1ai/smi/kaie-subsidii-mogut-poluchit-malye-predpriyatiya-kubani>.

29. Analytical review «Between Scylla and Charybdis: how Russian regions are coping with the economic consequences of the pandemic». National rating agency. URL: https://www.ranational.ru/sites/default/files/Review_Regions%20during%20COVID_NRA_June%202020.pdf.

30. How Russian regions can support business in a pandemic and economic crisis. URL: <https://vostokmedia.com/article/general/27-04-2020/kak-regiony-rossii-mo>

gut-podderzhat-biznes-v-usloviyah-pandemii-i-krizi-sa-ekonomiki.

31. Market transformations: new business models, innovative technologies, decision practice: monograph / ed. V.A. Sidorov, V.S. Yadgarova, V.V. Chaplya. London: LSP.2021.

32. Exchange rates (dollar, euro) in 2000. URL: <https://www.kurs.metrinfo.ru/kurs/2000-1-3/#start>.

33. Experts assessed the forecast of the ruble exchange rate for 2020—2023 presented by the Ministry of Economic Development. URL: https://1prime.ru/Financial_market/20200523/831502338.html.

UDC 334.2

EVOLUTION OF VIEWS ON THE ROLE AND CONTENT OF ENTREPRENEURSHIP AND THE ENVIRONMENT IN SOCIO-ECONOMIC SYSTEMS

*M.V. PLESHAKOVA, Candidate of economic sciences (Ph.D.), Associate professor, Associate professor of World Economy and Management Department, Kuban State University
e-mail: pmv23@list.ru*

*I.V. KUDRYASHOVA, Candidate of economic sciences (Ph.D.), Associate professor, Associate professor of World and Regional Economics Department, Volgograd State University
e-mail: inna.kudrjaschowa@yandex.ru*

Abstract

The article deals with issues related to the evolutionary development of ideas about the essence of the entrepreneurship formation and the entrepreneurial environment at different levels of development of the socio-economic system. The main trends in the transformation of this process are determined from the perspective of the main representatives of economic theory. Conclusions are made on the determining factors of an entrepreneurial environment formation at the macro and micro levels.

Keywords: entrepreneurship, business environment, entrepreneur, socio-economic system.

References

1. Blaug M. Cantillon's Essay. Economic Thought in Retrospect = Economic Theory in Retrospect. M., 1994.
2. Veblen T. Theory of business entrepreneurship. Per. from English. M., 2007.
3. Marx K. Capital. St. Petersburg, 2018.
4. Marshall A. Fundamentals of Economic Science. A. Marshall; foreword J.M. Keynes; per. from English V.I. Bomkina, V.T. Rysin, R.I. Stolper. M., 2007.

5. Pleshakov G.G. Factors of the formation and development of the regional business environment: dis. ... Cand. Econom. Sciences. Voronezh. 2020.

6. Pleshakov G.G., Kabanov V.V. Theoretical aspects of the development of entrepreneurial activity // Bulletin of the Volgograd State Technical University. Series Actual problems of reforming the Russian economy (theory, practice, perspective). 2016. No. 13 (192).

7. Smith A. Research on the nature and causes of the wealth of peoples. M., 1997.

8. Say J.-B. A Treatise on Political Economy. M., 2000.

9. Say J.B. A treatise on political economy. Bastia F. Economic sophisms. Economic harmony. M., 2000.

10. Hayek F. Competition as an opening procedure // World Economy and International Relations. 1989. No. 12.

11. Hayek F. Private money. F. von Hayek. M., 1996.

12. Schumpeter Y. Theory of economic development. Capitalism, socialism and democracy; foreword V.S. Avtonomova; per. with him. V.S. Avtonomov, M.S. Lyubsky, A.Yu. Chepureenko; per. from English V.S. Avtonomova, Yu.V. Avtonomova, L.A. Gromova, K.B. Kozlova, E.I. Nikolaenko, I.M. Osadchey, I.S. Semenenko, E.G. Solovyova. M., 2007.

ABSTRACT

UDC 613.4

MARKETING ANALYSIS OF DEMAND FOR PERSONAL CARE PRODUCTS (BY THE CASE OF IRAN)

F. SAFAVI, Professor of Business Administration, Western Washington University
e-mail: farrokh.safavi@wwu.edu

Abstract

Russia and Iran are among the many nations which have been severely impacted by COVID-19 both in terms of infections and deaths. While Russian and Iranian citizens share many similar attributes, which can provide immunity to infectious diseases, Iranians have ultimately been blamed for spreading the coronavirus through their alleged careless use of personal hygiene products. This research challenges this notion and investigates the recent history of Iranian purchasing trends regarding high-quality personal hygiene items, which can serve to prevent the spread of the coronavirus. Data have been collected on the import and consumption of global brands of soap, toothpaste, and shampoo during the past 17 years and analyzed to determine the commitment of the Iranian population to hygienic practices. It was noted that in spite of a large price gap between the domestic and global brands, a segment of the Iranian population has continuously and persistently increased their purchase of global brands due to their perceived higher quality and out of a concern for their personal health.

Keywords: consumer analysis, consumption of foreign goods, consumer preferences, influence of prices and brands on consumer behavior, dynamics of imports of personal care products, competitiveness of Iranian manufacturers' personal care products.

References

1. Bhardwaj R.R. The impact of Economic Downturn on Brand Preference and 'Buy Down' Behavior in FMCG sector // Vedprakash International Journal of Scientific Research and Management. 2016. Vol. 4, Issues 10. P. 4708—4717.
2. Cambridge (2020), Cambridge University Press Public Health Emergency Collection, PMC7137533

3. Chaijan M.R., Handjani F., Zarshenas M., Rahimabadi M.S., Tavakkoli A. The myrtus communis L. solution versus ketoconazole shampoo in treatment of dandruff: A double blinded randomized clinical trial // Journal of the Pakistan Medical Association. 2018. Vol. 5, Nom. 68. P. 715—720.

4. Malviya S. UL Brings in Naturals Strategy to Tap into Growing Trend [Brands & Companies] // The Economic Times. November 2019.

5. Moran P.A.P. Some theorems on time series II. The significance of the series correlation coefficient // Biometrika. 1948. Vol. 35. P. 255—260.

6. How Iran Became a New Epicenter of the Coronavirus Outbreak. New Yorker. 2020. URL: <https://www.newyorker.com/news/our-columnists/how-iran-became-a-new-epicenter-of-the-coronavirus-outbreak>.

7. PR Newswire (2016), Edible Oil Co-Products and Bi-products Market in Middle East is Expected to Reach USD 257.2 Million by 2024; Dried Soap Stock Exhibits Strong Demand and Revenue: Transparency Market Research. PR Newswire; New York, 23 Aug 2016. URL: <https://www.prnewswire.com/news-releases/edible-oil-co-products-and-by-products-market-in-middle-east-is-expected-to-reach-usd-2572-million-by-2024-dried-soap-stock-exhibits-strong-demand-and-revenue-transparency-market-research-591001091.html>.

8. WHO (2020 a & b), World Health Organization Coronavirus Disease (COIVD-19) Dashboard. URL: https://covid19.who.int/?gclid=EAIAQobChMIncefwL-LE7AIVk-3jBx04UA8eEAYASABeGIO_PD_BwE.

9. Yaghini J., Kiani S., Mortazavi S., Haghshenas B., Mogharehabed A. Assessment of available and stable fluoride in four widely-used toothpastes in the Iranian market // Journal of dentistry (Tehran, Iran). 2014. Vol.11, Nom. 5. P. 604.

UDC 338.23

IMPACT OF DIGITALIZATION ON COUNTRIES' ECONOMIC GROWTH BY EXAMPLE OF RUSSIA AND CHINA

M.M. BALANOVA, Postgraduate student of World Economy Department, Rostov State University of Economics
e-mail: milena_27@list.ru

Abstract

The article identifies factors accelerating digitalization of the economy as a factor stimulating the country's economic growth. Using the example of Russia and China, the relationship between the level of digitalization of the economies and their: a) innovative and entrepreneurial

potential; b) control of digital business and the Internet as a whole by means of regulatory policy by the governments of states was analyzed. The paper also defines factors for the growth of economy digitalization.

Keywords: digitalization, economic growth, innovations, entrepreneurship, China, Russia.

References

1. Aptekman A., Kalabin V., Klintsov V., Kuznetsova Ye., Kulagin V., Yasenovets I. Digital Russia: new reality. M., 2017.
2. Babanov V.V. Factors and problems of digital economy development in Russia // Izvestiya TulGU. Economic and legal sciences. 2017. № 4-1. P. 255—261.
3. Bukht R., Heeks R. Defining, conceptualizing, and measuring the digital economy // Vestnik of International Organizations. 2017. Vol. 13. № 2. P. 143—172.
4. Coming into force of the law on the pre-installation of domestic software on gadgets was postponed in Russia. URL: https://www.znak.com/2020-03-31/v_rossii_otlozhili_vstuplenie_v_silu_zakona_o_predustanovke_otechestvennogo_softa_na_gadzhety.
5. Galieva D., Sapozhkov O. Competition is back to markets. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4260914>.
6. EAEU discussing creation of the Institute of cross-border e-commerce operator. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/2020-07-16-2.aspx>.
7. Eferin Ya.Yu., Rossotto K.M., Hohlov Yu.Ye. Digital platforms in Russia: competition between national and foreign multi-sided platforms stimulates growth and innovation // Digital Society. 2019. № 1—2. P. 16—34.
8. Law on “sovereign Internet”. URL: <https://clck.ru/PPwMZ>.
9. Israilova E.A., Balanova M.M. On the role of the state in the regulation of platform companies' activities by example of the PRC // Vestnik Rostov State University of Economics (RINH). 2020. № 2 (70). P. 191—198.
10. How Internet operates in China. URL: <https://vc.ru/flood/40314-kak-rabotaet-internet-v-kitae>.
11. Solow's Model and the problem of (un)developing countries. URL: <https://sc2tv.ru/blogs/ved/2018/06/24/model-solou-i-problema-ne-razvivayushikhsya-stran>.
12. National program Digital economy of the Russian Federation. URL: <https://clck.ru/Pdh5F>.
13. National projects. URL: <http://government.ru/classifier/section/2641/>.
14. On attracting investment using investment platforms and making amendments to separate legal acts of the Russian Federation: Federal Law dated 02.08.2019 № 259-FZ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44616>.
15. On the Strategy for Information Society Development from 2017 to 2030: Executive Order of President Vladimir Putin № 203 dated 9.05.2017. URL: <http://kreml.ru/acts/bank/41919>.
16. Passport of the national project National program «Digital Economy of the Russian Federation». URL: https://digital.gov.ru/uploaded/files/natsionalnaya-programma-tsifrovaya-ekonomika-rossijskoj-federatsii_NcN-2nOO.pdf.
17. Order of the Government of the Russian Federation of October 20, 2010 No. 1815-r. «On the state program of the Russian Federation “Information Society (2011–2020)”». URL: <https://rg.ru/2010/11/16/infobschestvo-site-dok.html>.
18. Digital economy: key factors of economic growth in the postcrisis period. Analytical Center for the Government of the Russian Federation. (2020). URL: <https://ac.gov.ru/news/page/cifrovaa-ekonomika-kluevye-faktory-ekonomiceskogo-rosta-v-postkrizisnyj-period-26601>.
19. Acs Z., Szerb L., Autio E. Global Entrepreneurship Index 2015. Washington: The Global Entrepreneurship and Development Institute, 2016.
20. Acs Z., Szerb L., Autio E. Global Entrepreneurship Index 2016. Washington: The Global Entrepreneurship and Development Institute, 2017.
21. Acs Z., Szerb L., Autio E. Global Entrepreneurship Index 2017. Washington: The Global Entrepreneurship and Development Institute, 2018.
22. Acs Z., Szerb L., Autio E. Global Entrepreneurship Index 2018. Washington: The Global Entrepreneurship and Development Institute, 2019.
23. Acs Z., Szerb L., Autio E. Global Entrepreneurship Index 2019. Washington: The Global Entrepreneurship and Development Institute, 2020.
24. China to nurture platform economy growth. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2019-08/08/c_138294407.htm.
25. How the state runs business in China. URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/jul/25/china-business-xi-jinping-communist-party-state-private-enterprise-huawei>.
26. Leutert W. Firm Control: Governing the State-owned Economy Under Xi Jinping // China Perspectives. 2018. № 1—2. P. 27—33.
27. OECD. A Roadmap Toward A Common Framework For Measuring The Digital Economy. URL: <http://www.oecd.org/sti/roadmap-toward-a-common-framework-for-measuring-the-digital-economy.pdf#page105>.
28. Real GDP growth. URL: https://www.imf.org/external/datamapper/NGDP_RPCH@WEO/OEMDC/AD-VEC/WEOWORLD.
29. Romer P. Endogenous technological change. Journal of Political Economy. 1990. Vol. 98, No. 5. P. 71—102.
30. Solow R. Technical change and the aggregate production function // Review of Economics and Statistics. 1957. Vol. 39, No. 3. P. 312—320.
31. Telefónica Index on Digital Life Report 2016. Geneva: ITU, 2016.
32. The Global Innovation Index 2017: Innovation Feeding the World. Ithaca, Fontainebleau, and Geneva: Cornell University, INSEAD, and WIPO, 2017.
33. The Global Innovation Index 2018: Innovation Feeding the World. Ithaca, Fontainebleau, and Geneva: Cornell University, INSEAD, and WIPO, 2018.
34. The Global Innovation Index 2019: Innovation Feeding the World. Ithaca, Fontainebleau, and Geneva: Cornell University, INSEAD, and WIPO, 2019.
35. The IMD World Digital Competitiveness Ranking 2017. Lausanne: IMD, 2017.

ABSTRACT

36. The IMD World Digital Competitiveness Ranking 2019. Lausanne: IMD, 2019.
37. The rise of China's tech sector: The making of an internet empire. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/rise-china-s-tech-sector-making-internet-empire>.
38. Transforming Business Models in the Platform Economy. URL: <https://www.dotmagazine.online/issues-going-digital/industry-4-0-paving-the-way/business-models-in-the-platform-economy>.
-
39. World Investment Report 2017. Investment and the Digital Economy. New York and Geneva: United Nations Publication, 2017.
40. Wu X., Gereffi G. Amazon and Alibaba: Internet Governance, Business Models, and Internationalization Strategies // International Business in the Information and Digital Age (Progress in International Business Research). 2018. Vol. 13. P. 327—356.

UDC 657.1

FEATURES OF MODERN TECHNOLOGY OF BUDGET AND REPORTING INDICATORS FORMATION IN BUSINESS ACTIVITY

R.N. MAGOMEDOVA, Post-graduate student of the Department of Accounting, Rostov State University of Economics (RINH)
e-mail: radmi-d@mail.ru

Abstract

Modern business management technologies are driven by constant reforms in the economic markets, which in a competitive environment makes entrepreneurs find new technologies for business management and control. In this regard, the article substantiates the feasibility and effectiveness of using management technology based on the point relationship between budgeting and management accounting in relation to indicators that significantly affect the company's profit. To organize this relationship, the article proves the need to use a key approach in business administration, based on the division of the company into segments of responsibility. Each segment in the form of a responsibility center is recommended to be used to assess the «budget value» of the segment, and through management reports — to assess the materiality of the budget and reporting deviations received. This approach, in the context of the demand for competent managers, is able to identify functionally suitable business segment managers for management.

Keywords: budgeting, accounting, plan-actual deviations, responsibility center, management.

References

1. Berezhnoy V.I., Krokhicheva G.E., Lesnyak A.V. Accounting management accounting: Textbook. M., 2014.
2. Drury K. Managerial accounting for business decisions: Textbook / Trans. from English. M., 2003.
3. Kondrakov N.P. Accounting (financial, managerial) accounting: textbook-M.: TK Velbi, Publishing house Prospect, 2008-448 p.
4. Nikolaeva O.E., Shishkova T.V. Managerial accounting. Ed. 6-e. M., 2006.
5. Anikina N.A. Intra-firm mechanisms of regulation of transaction costs of poultry enterprises // Bulletin of the Altai State Agrarian University. 2010. No. 7 (69). P. 83—86.

UDC 330.101

THE PHENOMENON OF MARKET ECONOMY: INNOVATION, INFORMATION TECHNOLOGY, INDUSTRY DEFORMATION

V.A. SIDOROV, Doctor of Economics,
Professor, Head of the Department of Theoretical
Economics, Kuban State University
e-mail: sidksu@mail.ru

Y.S. YADGAROV, Doctor of Economics,
Professor, Head of the Department History of
Economic Thought, Financial University under
the Government of the Russian Federation
e-mail: yakovyadgarov@mail.ru

Abstract

The article studies the discussion points formulated according to the results of the VIII International scientific and practical conference on Economics. The article shows the views of scientists-economists, representatives of various CIS countries on the evolution of the market economy, primarily in the directions of shifting the world

center of economic influence; politicization of the economy; digital transformation of society; deformation of the industry structure.

Keywords: the phenomenon of the market economy, digital economy, innovation, business, information technology.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ

в журнале «Экономика: теория и практика»

Уважаемые авторы!

В журнале публикуются научные статьи по актуальным проблемам мировой и российской экономики, экономической теории, финансов, менеджмента, маркетинга, логистики и предпринимательства. К изданию принимаются только ранее неопубликованные статьи на русском языке, не представленные к рассмотрению в другие журналы.

Журнал выходит 4 раза в год. Сроки приёма статей:

- в №1 — до 15 февраля;
- в №2 — до 15 мая;
- в №3 — до 15 сентября;
- в №4 — до 15 ноября.

Сроки приёма статей могут быть сокращены редакцией при досрочном достижении предельного объёма номера журнала.

В одном номере журнала может быть опубликована только одна статья одного автора.

Статьи, публикуемые в журнале «Экономика: теория и практика», проходят обязательное рецензирование (подробнее в «Положении о рецензировании»), тестируются на оригинальность текста программой «Антиплагиат». Рекомендуемый уровень — не менее 90 %.

Максимальный объём статьи — 40 тыс. знаков, включая пробелы (1 п. л.), минимальный — 0,5 п.л. (10 стр. А4).

Статьи публикуются только при положительной рецензии. Публикации платные. Плата за издательско-редакционные услуги — 600 р. за страницу формата А4, оформленную по требованиям редакции. Оплата производится через Сбербанк РФ по договору, высыпаемому автору при включении статьи в очередной номер.

Плата за публикацию не взимается с:

- аспирантов очной формы обучения (бюджет) при предоставлении оригинала справки из отдела аспирантуры вуза;
- членов редакционного совета, редакционной коллегии и редакции журнала «Экономика: теория и практика».

мика: теория и практика».

Представленные статьи должны включать: индекс УДК, сведения об авторах, аннотацию, ключевые слова, основной текст публикуемого материала, список литературы (*прил. 1*).

Сведения об авторах должны содержать следующие элементы (*прил. 2*).

Аннотацию помещают перед текстом рукописи после заглавия и сведений об авторе(ах). Объём аннотации не более 500 печатных знаков, включая пробелы. Ключевые слова (5—7) помещают отдельной строкой после аннотации перед текстом статьи. Ключевые слова приводятся в именительном падеже.

Библиографический список (в алфавитном порядке) помещается после текста статьи и должен соответствовать ГОСТ Р 7.0.5—2008 (*прил. 3*). Ссылки на источники оформляются по тексту в квадратных скобках. Постраничные ссылки на источники не допускаются.

Название статьи, сведения об авторах, аннотация, ключевые слова и список литературы на английском языке представляются в конце статьи.

Статьи должны быть подготовлены в текстовом редакторе Word в формате А4. Параметры страницы: все поля — 2,0 см; ориентация — книжная; шрифт — Times New Roman, выравнивание — по ширине; кегль — 14; межстрочный интервал — 1,5; абзацный отступ — 1, 2 см. Автоматический перенос, зона переноса — 1 см, максимальное число переносов подряд — 3. Рисунки, таблицы и формулы набираются в редакторе Word. Рисунки и графики группируются, представляются только в черно-белом варианте.

Статьи направлять в электронном виде: *Фамилия автора_статья.doc* и *Фамилия автора_анкета.doc* по адресу e-mail: *econ_tp@mail.ru*.

Статьи, оформленные без соблюдения указанных требований редакцией не рассматриваются.

Редакция

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 336.717

**МИРОВАЯ ВАЛЮТНАЯ СИСТЕМА КАК ИСТОЧНИК
СОВРЕМЕННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА**

Э.Н. Терещенко, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры мировой экономики и менеджмента, Кубанский государственный университет

e-mail: yourn@yourmail.ru

А.А. Иванова, аспирант кафедры финансов и кредита, Кубанский государственный университет

e-mail: yourn@yourmail.ru

Аннотация

В статье выявляются проблемы действующей валютной системы, обосновывается необходимость её реформирования. Рассматриваются варианты новой мировой валюты, основанные на различных принципах. Показывается, что ни СДР, ни национальные, ни коллективные валюты не способны выполнять роль мировой резервной валюты. Авторы приходят к выводу, что настоящий кризис является затяжным и будет преодолён только перехода мировой экономики к новой валютной системе.

Ключевые слова: мировая валютная система, трансформация, финансовый кризис, резервная валюта, национальная валюта.

ТЕКСТ СТАТЬИ

Библиографический список

1. Ильинова Н.Н., Ильменская А.В. Применение консолидированной отчётности по РПБУ для оценки результатов деятельности банковской (консолидированной) // Международный бухгалтерский учёт. 2009. № 2. С. 37—41.
2. Письмо Банка России от 07.05.2008 № 15-1-3-16 / 2271 «Об оценке кредитных рисков в банковской группе» на запрос Ассоциации российских банков от 20.03.2008 № А-02/5-166.
3. Прудникова А.А. Инвестиции в условиях открытой экономики // Проблемы прогнозирования. 2007. № 3. С. 140—146.
4. Торговая политика и значение вступления в ВТО для развития России и стран СНГ / под ред. Дэвида Г. Тарра. М.: Весь Мир, 2006.
5. Указание Банка России от 16.01.2004 № 1376-У «О перечне, формах и порядке составления и представления форм отчётности кредитных организаций в Центральный Банк Российской Федерации», зарегистрировано в Министерстве России 23.01.2004 № 5488.

UDC 336.717

WORLD CURRENCY SYSTEM AS A SOURCE OF THE MODERN ECONOMIC CRISIS

E.N. Tereshchenko, Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of chair of World economy, Kuban State University

e-mail: yourn@yourmail.ru

A.A. Ivanova, graduate student of chair the Finance and the credit, Kuban State Agrarian University

e-mail: yourn@yourmail.ru

Abstract

The article identifies the problems of action-ing of the monetary system, justifies the need for reform. Are examined options for a new world currency based on different principles. Being shown that neither the SDR nor national, nor the collective currency is not able to perform the role of world reserve currency. The authors conclude that the present crisis is-etsya lengthy and will be overcome only move the world economy to a new monetary system.

Keywords: *world monetary system, transformation, financial crisis, reserve currency, national currency*

References

1. *Ilysheva N.N., Ilmenskaya A.V.* Using the consolidated financial statements prepared in accordance with Russian Accounting Standards for the value of the financial results of the Bank (consolidated) Groups // International Accounting. 2009. № 2. P. 37—41.
2. Letter of the Central Bank of Russia № 15-1-3-16 / 2271 dated 07.05.2008 «On the value of credit risks in the Bank (consolidated) Group», for the request of Russian Banks Association № А-02/5-166 dated 20.03.2008.
3. *Prudnikova A.A.* Investing in an open economy: Problems of Forecasting. 2007. № 3. P. 140—146.
4. Trade policy and the importance of accession to the WTO for the development of Russia and CIS countries / ed. David G. Tarr. M.: All World, 2006.
5. Direction of the Central Bank of Russia №. 1376-U dated 16.01.2004 «On the List, Forms and Procedure of Drawing up and Submission of the Forms of Reports of Credit Organizations to the Central Bank of the Russian Federation», registered in Ministry of Justice of the Russian Federation 23.01.2004 № 5488.

В редакцию журнала
«Экономика: теория и практика»
от автора(ов)
Фамилия, Имя, Отчество

Направляю(ем) статью «**Управление инвестиционными финансовыми потоками холдинга**» для публикации в журнале «Экономика: теория и практика».

Статья ранее не публиковалась. В другие журналы на рассмотрение не представлена.

С публикационной этикой журнала ознакомлен(ы). С условиями публикации согласен(ны).

Против воспроизведения данной статьи в других средствах массовой информации (включая электронные) не возражаю(ем).

На гонорар не претендую(ем).

В случае публикации статьи авторские экземпляры журнала прошу(сим) выдать в редакции журнала (выслать по адресу: индекс, город, улица, дом, квартира).

Дата Ф.И.О. автора(ов)

АНКЕТА АВТОРОВ

1. Фамилия Имя Отчество;
2. Место работы (учёбы) (для аспирантов форма обучения, для магистрантов — программа и курс);
3. Должность;
4. Учёная степень;
5. Учёное звание;
6. Почтовый адрес (с индексом);
7. Тел. дом.
8. Тел. моб.
9. e-mail

Дата Подпись

**ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ ССЫЛОК
в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка.
Общие требования и правила составления»**

Статья в журнале

Демьяненко А.Н. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Экономическая наука современной России. 2010. № 3 (50). С. 7—26.

Книга, монография

Мотовилов А.Н., Погодина Р.Ф. Инвестиционный потенциал региона. СПб: Питер, 2015. 180 с.

Диссертация

Кудрявцев Ю.Н. Совершенствование механизма стимулирования инвестиционной активности промышленных предприятий: дис. ... д-ра экон. наук. М.: ВШЭ, 2011. 345 с.

Автореферат диссертации

Андреев С.В. Совершенствование налогового стимулирования малого инновационного предпринимательства: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М.: ВШЭ, 2012. 40 с.

Тезисы доклада

Владимирова А.П. Факторы, влияющие на экономическую безопасность региона // Тезисы докладов V международной научно-практической конференции. М.: МГУ, 2010. С. 253—259.

Переводное издание

Кэмпбелл В.Ф. Инвестиционная стратегия корпорации в условиях глобализации: пер. с англ. М.: Экономика, 2014. 282 с.

Раздел книги

Нечаев А.Б. Методика оценки инвестиционной привлекательности предприятий // Инвестиционная привлекательность предприятия. М.: Экономика, 2011. С. 12—34.

Раздел отдельного тома многотомного издания

Иванов С.В. Управление маркетинговыми инновациями // Управление инновациями. М.: Прогресс, 2012. Т. 2. С. 120—163.

Издание, не имеющее индивидуального автора

Малое предпринимательство в России. М.: Росстат, 2012. 120 с.

Электронные ресурсы

Реестр региональных организаций, образующих имущественную инфраструктуру поддержки МСП. URL: <http://corpmsp.ru/infrastruktura-podderzhki/imushchestvennaya-infrastruktura> (дата обращения: 15.05.2020).